

МАРИНА ЧЕРНЫШЕВА



ТРЕТЬЯ СИЛА

СЫБЫРЧ СЫБЫ

КНИГА I

Многие, скажем так, излишне романтичные граждане, мечтают что-нибудь получить "на халявку", джина, например, освободить из бутылки и чтобы он обязательно исполнил три их желания! Даже тайком продумывают, как лучше их сформулировать. А еще лучше — вообще стать обладателем волшебной лампы!!! Лично я, если о чем-то таком и мечтал, то в далеком детстве и когда случайно выпустил джина, то привалившему мне "счастью" был совсем не рад, а наоборот — захотел от него поскорее избавиться, забыв про то, что с желаниями, любыми, надо быть очень, **ОЧЕНЬ** осторожным...

Глава первая, вступительная, в которой герой и вступил в это самое...

Я налил себе кофе из термоса и выудив из упаковки последнюю печенюшку отхлебнул глоток ароматной жидкости. Вот уже месяц как я безвылазно сижу в запаснике и систематизирую собранные здесь образцы привезенные с археологических раскопок всего мира моими коллегами. По ощущениям — будто в тюремном заключении дни коротаю. Нет, не могу сказать, что это занятие совсем уж лишено интереса, напротив: кое-что, так не просто интересно, а очень интересно для человека моей профессии. Вот только не мое это — «бумажная работа»! В поле я хочу! В поле! На раскопки! А бумажками пусть бы МНС занимались, им это по рангу положено! Только с тем бедламом, что нынче в стране творится я сам, как раз и оказался на ставке младшего научного сотрудника. И попенять некому — сам согласился!

Как водится в подобных государственных перипетиях, первыми страдают наука и культура. Вот и нам урезали финансирование так, что штат пришлось просто распустить. И так не великие наши зарплаты, понадобились чиновникам на какие то важные государственные нужды, вроде личных дач и новых автомобилей.

Большинство моих коллег, вынужденных кормить семьи, пустились в плавание по волнам свободного предпринимательства, а я не захотел. Понадеялся, что бедлам не продлится долго и я смогу отсидеться «под веником». Ни семьи, ни каких либо финансовых обязательств у меня не было, а сам я человек весьма неприхотливый, так что, на не большой срок, зарплата МНС меня вполне устроила бы, лишь бы не пришлось менять свою жизнь, что было для меня несравнимо неприятней и проблематичней.

Только вот беда: катаклизмом местного значения все это не ограничилось, а ломать и разбазаривать огромное государство, оказалось делом долгим и хлопотным, да и зарплата под давлением инфляции все больше превращалась из конкретной величины в нечто эфемерное...

Короче, как бы я не старался игнорировать проблемы, что росли быстрее, чем снежный ком на склоне горы, а реальность все равно старательно пинала меня в зад, требуя кардинальных действий и судьбоносных решений. Вот и сейчас, сделав не большой перерыв в работе, я ломал себе голову над извечной проблемой русского интеллигента, формулируемой весьма просто и емко: «куда беч?»! Как бы так исхитриться, чтобы нечего не делать, когда делать надо!? Придумал бы кто-нибудь все за меня...

Вам когда-нибудь говорили: «Будьте осторожны в своих желаниях»? Так вот: будьте осторожны! Чревато это! Ой, как чревато!

...Всякому, кто видит меня в первый раз в аудиториях института за кафедрой или в белом халате перебирающего экспонаты в запасниках, приходит в голову одна и та же, совсем не оригинальная мысль: «Что здесь делает этот амбал?» Даже в поле, но в роли руководителя на археологических раскопках, я выгляжу настолько чужеродно, что никто не признает во-мне научного работника, обремененного кроме кандидатской степени изрядным интеллектом и знаниями.

Богатырские рост и стать, а также густые темные кудри и ярко-синие глаза, достались мне от деда по материнской линии, который погиб в Великую отечественную и, будучи

артиллеристом, по слухам, мог на руках вытащить из грязи увязшую пушку.

Страсть же к археологии и спокойный, невозмутимый характер — достались мне от отца. Его я тоже, как и деда, никогда не видел «в живую» (разве что в младенчестве), и был знаком с ним только по нескольким фото. Отец, английский лорд, отпрыск одного из приближенных к короне родов, встретил мою мать во время какого-то крупного, международного симпозиума по археологии, где она подрабатывала переводчицей во-время каникул, и влюбился без памяти. Несколько лет он пытался добиться разрешения на брак и переезд мамы в Англию. Но советские чиновники грудью встали за интересы нашего государства, которое понесло бы невосполнимую потерю от перемены гражданства студенточкой третьего курса института иностранных языков!

Отец еще успел меня увидеть и даже потешкать недолго, когда вместо очередного свидания, мама получила известие о его скоропостижной смерти от инсульта. Известие было передано бледным и равнодушным молодым чиновником британского посольства, не имеющим никакой развернутой информации о моем отце.

Маме так и не удалось выяснить никаких подробностей: и англичане, и наши, были жутко рады естественному разрешению назревающего конфликта и жаждали только одного, чтобы их оставили в покое, а на судьбу несчастной невесты-вдовы и ее малыша, всем было глубоко плевать.

Мама не пропала, не спилась и не опустилась. Вырастила меня в любви и достатке и дала мне столько всего, чего и в полных семьях не у всех детей было. Умерла она сравнительно недавно, как и папа — от инсульта, скоропостижно.

Вот в результате такой жизненной драмы и появился я: Ричард Эдгарович Васнецов. Рост — метр девяносто два, вес — восемьдесят семь кг, темный шатен, волосы вьющиеся, глаза синие, высокие скулы, подбородок квадратный, чуть выступающий, с ямочкой, нос тонкий, прямой.

Моя матушка, женщина весьма разумная, будучи матерью — одиночкой, вполне обоснованно опасалась вырастить из меня «маменькиного сынка» и, чтобы этого не произошло, постаралась привить мне любовь к спорту. Так что «пинок», приведший меня в спортивный зал, я получил именно от нее. Ну а дальше все пошло своим чередом: компания приятелей-спортсменов, любимый тренер...

Рост и «косая сажень» в плечах, достались мне от природы. Походив в «качалку» я нарастил на этот остов приличные мышцы. Поскольку качался без фанатизма, то в результате обзавелся отличной фигурой на которой прекрасно сидели любые, даже самые непрезентабельные шмотки производства родного отечества.

В тот же период, пережил увлечение восточными единоборствами, чья философия очень отвечала моей довольно миролюбивой жизненной позиции, а навыки позволяли вполне прилично постоять за себя и дать отпор любому, кто в нем нуждался. А «нуждающихся» хватало, так как любой придурок, мнящий себя крутым, желал самоутвердиться за счет парня моих габаритов, так что и особой альтернативы у меня не было: либо даешь отпор, либо становишься мальчиком для битья для всех, кто в любом здоровяке видит угрозу для своего авторитета.

С того же времени я буквально «фанатею» по холодному оружию, которое близко мне еще и как археологу...

Что еще? Ох ты ж, боже мой! Как же это я про свою любимицу забыл?! Есть у меня еще одна... вернее — «одно» увлечение: лапушка моя — гитара семиструнная! С подросткового

возраста. Сначала брынчал на трех «блатных» аккордах, а когда стал постарше и почувствовал вкус к хорошим песням, «раскрутил» маму на частные уроки у настоящего Мастера! Благо дело — задатки у меня имелись неплохие... Да-а, задатки...

После того, как голос прошел «ломку» взросления, у меня обнаружился не только редкий «бархатный» тембр, но и довольно широкий голосовой регистр, настолько перспективный, что мне стали прочить певческую карьеру. Однако... Нет, петь я любил, но заниматься этим профессионально, в качестве работы..? Не-е, не мое это.

К тому же, пока голос еще ломался, я как раз влюбился в одну девушку, которая очень любила танцы, а так как я ее дико ревновал к партнерам, пришлось мне с ней самому на эти ее занятия ходить, а поскольку занятие единоборствами подразумевает не слабое владение телом и пластичность движений, то в ее танцевальную группу я вписался как родной и спустя совсем немного времени, переплюнул в этом деле парней с куда большим опытом, чем мой.

Так что новое увлечение сильно сместило приоритеты А когда на Новый год мы с ней, переодевшись цыганами, «сбатцали цыганочку с выходом», а я, кроме того что танцевал, еще и пел, аккомпанируя себе на гитаре, то кое-кто из моего окружения даже пустил слух о моем цыганском происхождении: дескать — «это в крови». Ну и что теперь? В танцоры подаваться? Не-е-ет уж, увольте!

Полудетская та любовь, к сожалению ли, к счастью ли, ни во что серьезное так и не вылилась, потому что семья моей зазнобы переехала в другой город, а на расстоянии и более зрелые чувства хиреют, что уж говорить о двух юных созданиях чуманеющих от гормонального беспредела? Танцами я еще какое-то время занимался — уж больно компания подобралась хорошая, даже выиграл пару конкурсов, но без любимой партнерши все уже было не то.

Правда еще один подарок я от танцев получил, но совсем другого плана: на последнем из этих конкурсов меня «зацепила» одна из поклонниц, а поскольку девушка, была старше меня и с изрядным сексуальным опытом, то все свое свободное время я с удовольствием стал посвящать новому для меня искусству чувственной любви. Надо сказать, что преуспел я в нем изрядно и к моменту расставания уже и сам мог удивить и побаловать партнершу кое-какими изысками. Расстались мы с ней мирно, вполне удовлетворенные финалом наших отношений, ибо она собиралась сделать выгодную партию, а я, как можно догадаться с учетом моего возраста — продолжить накопление опыта на любовном фронте.

Любимая работа, успех у женщин любого возраста, плюс двушка в «сталинской» пятиэтажке. Вот с таким багажом я встречал свое двадцатипятилетие. Ничего не говорило о том, что спустя каких-то два года, я буду чувствовать себя полным неудачником!

Итак. Я сидел за столом в запаснике и растягивая удовольствие, мелкими глотками прихлебывал ароматный кофе. Как ни странно, но это приятное занятие рождало совсем неприятные мысли. Дело в том, что моя матушка, наученная реалиями социализма, постоянно делала и пополняла запасы самых разных продуктов, среди которых было множество упаковок моего любимого напитка — кофе. Эти ее запасы я обнаружил в нашей гигантской кладовке после ее смерти и до сегодняшнего дня с благодарностью потреблял. Но увы! Ничто хорошее не длится вечно: накануне подошел к концу и мамин «стратегический резерв».

И если скорое отсутствие в своем рационе всех остальных продуктов я принимал

стоически, то перспектива исчезновения кофе — буквально приводила меня в ужас! Причем наличие или отсутствие денег, в данном случае, особой роли не играло: прилавки были пусты, а как «доставать» что-либо, я не имел ни малейшего понятия!

Погруженный в эти невеселые мысли, я перевел взгляд на ящик, который планировал закончить разбирать до конца рабочего дня. Там, до половины зарывшись в упаковочную стружку, виднелась довольно большая граненая бутылка из темного стекла. Какое-то несоответствие царапнуло сознание. Я присмотрелся: внутри бутылки как будто что-то двигалось. Стоп-стоп! В ту эпоху, к которой принадлежали вещи из этого ящика, еще не умели делать стекло, тем более — прозрачное! Привычный мозг ученого в момент набросал несколько версий возможного объяснения данного факта.

Первая и самая реалистичная: кто-то что-то перепутал и не туда упаковал. Фи! Такую версию я и обдумывать не буду — скучная! Во-вторых, возможно, бутылка не стеклянная, а из какого-то материала только похожего на стекло...

Ничего «в-третьих» я сформулировать не успел, так как в этот момент взял экспонат в руки и поднес его поближе к глазам, чтобы ответ не мешал разглядывать. То, что я там увидел, довольно сложно описать: представьте себе искры бенгальского огня увеличенные раза в три и погруженные в черные чернила. Чернила глушат их яркий блеск, а огни придают чернилам глубину космоса. При этом — если жидкая составляющая субстанции не вызывает особых вопросов, то природа «бенгальских» огней — совершенно непонятна! Надо ли говорить, что мне жутко захотелось заглянуть в загадочный сосуд?

Я стал внимательно разглядывать длинное горлышко. Как и следовало ожидать — отверстие было залито чем-то напоминающим наш сургуч. В поверхность темно — коричневого, твердого вещества была вдавлена замысловатая печать. Вообще-то есть способ снятия таких наклепок без уничтожения изображения и, к счастью, я его знаю!

Недолго думая, я освободил стол от бумаг и достал из шкафа спиртовку, острейший нож с тонким лезвием и банальный штопор. Думаете, что подобные действия для ученого несколько легкомысленны и безответственны? Но подумайте сами: что я мог обнаружить в бутылке? Вино, которое из-за прошедших лет приобрело какое-то загадочное свойство? Какую-то неведомую жидкость? Куда я мог сунуться со своей находкой? Зная своих коллег уверен, что от меня либо отмахнулись бы, порекомендовав заниматься своим делом, либо высмеяли бы за излишнюю впечатлительность.

Ну а если бы мне все же удалось заинтересовать кого-нибудь из руководства, то меня бы просто отодвинули от интересной темы и я бы узнал о результатах исследований только из их публикаций. Ну уж нет! В конце концов — это я первый обратил внимание на необычный эффект! А если понадобятся анализы, то их и потом можно будет провести. Прокрутив в мозгу все эти аргументы, я успокоился и взялся за выяснение фактов.

Снять печать оказалось легче, чем я думал. Штопор тоже не подвел. Затаив дыхание я наклонил бутылку над чистой колбочкой... Вопреки всем законам физики, жидкость из бутылки выливаться не желала. Удивленный я встряхнул сосуд — без результата. Заподозрив розыгрыш я недоуменно попробовал заглянуть во-вовнутрь темной бутылки через узкое горлышко и в следующий момент свалился на пол без сознания.

Приходил в себя медленно и как бы по частям: сначала вернулся слух и начал жутко раздражать звук капающей воды из плохо закрученного крана. Зацепившись за этот звук и за раздражение, сознание сделало следующий шаг: я раскрыл глаза и попытался сесть. Слабость была — непередаваемая! А потом был шок! Нет, не так! Был — ШОК! Чуть

стороне от меня, на полу сидел голый мужик и недоуменно озирался! Мужик — ладно. Голый — тоже не смертельно, но вот то, что из его лысоватого темени росли небольшие, сантиметров по пятнадцать, крученые рожки, вот это было — да! Будь там густая шевелюра — можно было бы предположить варианты, а так, при ясно просвечивающей коже..! Я все же не настолько плохо себя чувствовал, чтобы усомниться в реальности происходящего.

— Мужик, ты кто? — мой ммм... скажем — гость, посмотрел на меня с плохо передаваемым выражением которое, однако, довольно плохо сочеталось с его ммм... обнаженностью.

— Сам-то как думаешь?

Что-то щелкнуло у меня в голове: то ли интуиция, то ли головой сильно ударился, когда на пол приземлялся, то ли еще что-то:

— Джинн? — брякнул я неожиданно для себя самого.

Глаза гостя от удивления едва не вывалились на пол:

— Да-а-а... — протянул он потрясенно, — а ты как сразу-то так догадался?!

...Мой джинн (как выяснилось: до тех пор, пока он не исполнит три моих желания, джинн считается моим), в моем рабочем халате, сидел на моем стуле, лопал мои бутерброды с колбасой и сыром и прихлебывал из моей чашки заваренный мной чай. И как я понял, на этом мои проблемы не закончатся.

Я как то посмотрел мулыт из серии про Масыню — «Жизнь с котом» называется, так вот это то же самое, только персонаж другой. Она там себе «милого» котика завела, который тут же сел ей на шею, ну а я еще более «милого» нахлебника заполучил, да еще и наделенного ехидным характером по самое «не могу»!

Во-первых: вернуться в бутылку он уже не мог — запас магии, запертый с ним в сосуде, был израсходован на материализацию, а в нашем мире магии почти что совсем не имелось. То что было — на простенький фокус пришлось бы копить целый год. Оставаться в запаснике он не мог — запасник для жизни совсем не годился. Ходить в голом виде он тоже не мог, а ни одна моя вещь ему не подходила. Джинн был маленького роста, имел худые конечности и внушительный отвислый живот, ну и да, рога тоже куда не делись.

У меня был соблазн пожелать по-быстрому что-нибудь простенькое и отделаться от визитера, но увы, выполнять желания джинн был должен магическим способом. Так и вышло, что оставив его в запаснике ненадолго я, на последние деньги, купил ему на ближайшей стихийной барахолке спортивный костюм, поношенный плащ и кеды. Чтобы спрятать рога пришлось купить что-то вроде мужской панамы — не знаю как такой головной убор называется. Вид у джинна получился чудной, алкашно-бомжеватый, но выбора не было. И поселить мне его предстояло — у себя дома.

Ну что? Кто-нибудь еще хочет выпустить джинна? Я готов уступить!

Глава вторая, в которой герой попадает в "Зазеркалье" и решает, что хотеть не вредно!

...Я сидел в таверне, таращился в темноту за окном и пока джинна где-то носит, пытался как-то так сформулировать желания, чтобы их невозможно было перевернуть или обернуть против меня же. Знаю я как такое бывает. И читал, и фильмы на подходящую тему смотрел. Только как сформулируешь правильно, если ни о магии, ни о мире в котором я, стараниями джинна, окончательно застрял, мне ничего не известно?

Поздновато, однако, я вспомнил об осторожности. Нет бы до перемещения подумать о чужом негативном опыте, так нет же, попал как кур во щи! Да, да, конечно, я дурак и не следовало доверять незнакомому мужику вылезшему из бутылки, но уж больно мне тогда хотелось избавиться от его общества! Не даром говорят: «Бойтесь своих желаний»!

Тьфу! Черт! Ну и как с такой мыслью прикажете эти самые «желания» загадывать?! Те самые, которых умные люди «бояться» призывают?! Ладно! Была не была! Где наша не пропадала! Двум смертям не бывать... — э-э, стоп, стоп — это кажется уже из другой оперы? Короче, первое — это владение магией. В магическом мире хотелось бы быть во всеоружии.

Дальше — власть. Ну не хочу я быть и здесь просто пешкой! Набылся уже в своем мире, прямо по горлышко! Правда власть — это еще и нехилая ответственность, а оно мне надо? Вроде и нет, но все же если не ты, то тебя... Решено: власть — оставляем.

Ну а что пожелать на третье? Будь на моем месте нормальный мужик, то пожелал бы себе кучу баб... Тока ненормальный я видать? Было у меня в прошлой жизни много женщин, было! И поговорок типа: «Если хочешь жену красивую, умную, хозяйственную, то придется жениться три раза!» в моей коллекции «житейских премудростей» было предостаточно. Бабы были, а счастья почему-то не было... Моральное, (да и физическое, чего уж там отнекиваться?), удовлетворение было. Приятное времяпровождение — тоже, а вот глубинного ощущения счастья, чтобы душа аж пела, такого от обилия женщин я что-то не припоминаю...

Может все же стоит себе что-нибудь в этом духе пожелать? А что? Ведь на то она и магия, чтобы самые несбыточные желания осуществлять? В том мире — не было, а в этом — будет! Во-первых — красивая, чтобы все мужики слюной давились! Фигуристая, со всеми вторичными половыми, чтобы по высшему разряду! Но при этом, чтобы без излишеств и не толстая. Стройная, с маленькой ступней и изящными ручками. Опа! Это что, я себе чутка одноногую не пожелал? Хоть записывай, чтобы какого ляпа не допустить. А что? Это идея! Научный подход никогда не будет лишним.

— Эй! Хозяин! Пера и бумаги не найдется? Мел и доска? Лады, сгодится.

Так, что там дальше у идеальной жены бывает? Ага! Верность! Чтобы кроме меня: ни-ни! В упор других мужиков не замечала. Ласковая, заботливая, добрая... Угу! Уже сейчас от этой патоки диабет заработать можно! Пусть — со стервозинкой, но легкой... Сексуальная и горячая! Но не развратная... Или — развратная? Нет, это понятие с верностью как-то не очень... Хозяйственная... Ну и мать чтобы хорошая была, любящая... Без материнской заботы детям плохо, а я совершенно не хочу, чтобы МОИМ детям плохо было!

Офигеть! Это когда во мне отцовский инстинкт завестись успел? Думал, что его даже в зачаточном состоянии не присутствует, а тут — пожалте! Проснулся и вякает! Впрочем, прав

он — дети нужны... в будущем когда-нибудь. А значит и мать им нужна хорошая. Так что — пусть будет, этот пункт тоже оставляю...

Умная... Ага. Зачем мне дура? Но чтобы не умнее меня... Это для ее же блага — кому же понравится, когда тебя кто-то превосходит, особенно — женщины... Блин! Ну ведь наверняка что-то важное забыл! Ага! Вот! Чтобы не шмоточница и чтобы «шопинг» не любила! Ух! Эх я загнул-ул! Это же действительно — сказочный персонаж получается. Но... а вот пусть будет! Хочу и все! Мое желание — имею право!

Именно в этот момент на скамью напротив плюхнулся «мой» джинн. Видок у него был..!

— Ну, что опять случилось?

Джинн сунул нос в мою кружку и помахал в воздухе рукой подзывая подавальщика. Потом молча указал ему пальцем на мою кружку и сделал из пальцев рожки, видимо обозначающие количество заказанного. Я молча следил за его жестикуляцией. Знал уже, что если этот тип начал общаться через жесты, то с вопросами к нему приставать не стоит. Опустошив половину литровой кружки на одном дыхании и грюкнув ее дном об стол, джинн с силой потер ладонями лицо и наконец заговорил:

— Никого не осталось! Ты представляешь: ни-ко-го! Совсем... Великие маги! Потрясатели мира! Бессмертные! И — никого! Это что же такое жуткое сотворить-то нужно было?!

Я с сочувствием смотрел на этого бедолагу. Не смотря на то, что это он меня сюда затащил и, как выяснилось, безвозвратно, если судить объективно, то его вины в этом и не было...

Тогда, прожив в моей квартире чуть больше недели и заполучив что-то вроде наркоманской ломки от магического голодания, он вспомнил, наконец, какой-то редкий способ открытия иномирных каналов передвижения, доступный ему даже в таком плачевном положении, просто потому, что он джинн.

Нет, не «порталов», я не оговорился, а именно «каналов», по которым проходили какие-то там потоки, и эти самые потоки, в идеале, могли перетащить странника из одного мира в другой на минимальных затратах магии. Была, естественно, и оговорка — как же без нее! Перемещаться по этому каналу могли только пары: житель отправляющего мира + житель принимающего.

Когда я заметил ему, что для меня этот путь получится в один конец, так как вряд ли в его мире будут желающие сопроводить меня домой, этот тип посмотрел на меня с таким превосходством, будто доктор наук на студента-двоечника и выдал:

— В моем мире, юноша, великолепные стационарные порталы! Для отправки Вас домой, даже не понадобятся услуги сильного мага, поскольку этими порталами любой служитель кого угодно переправить сможет. Более того — Вы вернетесь назад в тот же день и час, что и отбыли. Сможете прекрасно провести время в моем мире и вернуться к себе так, что Вашего отсутствия здесь даже не заметят. Так что Ваши сомнения абсолютно не обоснованы!

Да-а! Куда только и делось все его высокомерие, когда канал «выплеснул» нас в заданной точке! Вытаращив глаза и отвесив челюсть джинн поворачивался вокруг своей оси и не мог издать ни одного членораздельного звука.

И было от чего: по его словам, мы должны были оказаться в центре дворцового комплекса, в специально отведенном для этих целей месте. Погрешность не могла составить больше пары квадратных метров и опять же — была предусмотрена конструкцией того самого «специального» места.

А по факту — мы стояли на огромной и совершенно дикой равнине, поросшей местами невысоким кустарником, которая с трех сторон простиралась до самого горизонта, а с четвертой — упиралась в высоченную горную гряду со снеговыми вершинами. И ни одной живой души!

Потом мой... гхм... напарник какое-то время постоял с закрытыми глазами и выдал вердикт:

— Нет, ошибки нету! Только где мы оказались я понятия не имею! Даже не уверен, что это мой мир!

— Стой-стой! — мой тренированный мозг ученого тут же уловил противоречие, — ты же говорил, что для перехода из одного мира в другой нужна пара приемщик-передатчик? Значит ни в какой чужой мир тебя занести не могло, а раз этот мир не мой, то третий вариант тут не предусмотрен!

— Какой ты умны-ы-ый, — протянул он ехидно, — может — не может! Факт остается фактом — портала поблизости не наблюдается!

Если этими словами джинн хотел меня огорошить, то преуспел он не сильно: не знаю почему, но сложившейся ситуацией я был расстроен намного меньше, чем он сам. На приключения настроился, что-ли? А может просто был рад, что избавился от писанины в душной комнатенке? Ну или сказался присущий мне чисто национальный пофигизм? Так или иначе, но в ответ на его фразу я улыбнулся вполне искренне.

Прогулянуться по чужому миру немного не по тому плану, что представлялся джинну — такой ли уж это повод для огорчения? Я ведь и так не собирался торопиться с возвращением, раз уж представился случай безнаказанно пофилонить. А дальше? Ну джинн-то из нашего мира выбрался, так неужто меня наш национальный «авось» подведет?! Рано или поздно, так или иначе... Впрочем, говоря по чести, на Земле я не оставил ничего, по чему стоило бы так уж убиваться! Угу. Или кого-то, кто стал бы убиваться обо мне...

— Для начала, хорошо бы к жилью выбраться, — продолжал джинн, — так что двигаем давай, мой ученый друг. До вечера еще недалеко, может к поселению какому выйдем...

Все это время он со странным выражением поглядывал на мой рюкзак, который я положил на землю рядом с собой. Поймав его взгляд очередной раз я вопросительно приподнял брови.

— Ну прав ты был! Прав! Это хочешь услышать?!

Я довольно ухмыльнулся и парировал выпад:

— Это не я услышать хотел, а ты хотел — извиниться! Если бы я послушал твои возмущенные вопли, то сейчас у нас ни провианта, ни спальников бы не было. Огонь ты еще может и наколдовал бы, но пока накопил бы свою манну, ходили бы мы голодные, а ведь чуть ли не полдня мне с этой темой мозг выносил!

Джинн мрачно кивнул:

— Верно! Извини! Вы существа практичные и предусмотрительные, а мы — лохи магические!

Это его земное словечко вызвало у меня улыбку, да и не любитель я кого-то в его ошибки носом тыкать.

— Все! Извинения приняты, конфликт исчерпан. Ну что? Куда пойдём, Сусанин?

Джинн недоверчиво на меня покосился, не понимая причины моего благодушия.

— Да без разницы, вообще-то. Я же говорил, что не знаю где мы оказались!

Я с умным видом покивал головой:

— «Если все равно куда идти, то не все ли равно, куда ведет эта дорога?» — и не дожидаясь комментариев на афоризм предложил, — тогда может к горам двинем? А потом вдоль них пойдём, пока на селение не наткнёмся? — джинн согласно кивнул головой.

— Но вообще-то — это не горы, а хребет. «Разлучник» его название.

— Разлучник? Что за название для хребта?

— Да есть легенда, как водится, — отмахнулся джинн, — потом расскажу, если ещё желание слушать не пропадет.

— Значит местность ты все-таки узнаешь?

— Да как тебе сказать? Хребет этот, весь наш материк на две части делит. Так что если говорить вообще, то да, узнаю, но вот где мы конкретно... — он тяжело вздохнул и безнадежно махнул рукой, — ладно, встретим жителей — сориентируемся!

...Жителей мы встретили только спустя двое суток, которые без моего объемистого рюкзака, мы провели бы ну о-о-очень невесело.

Я вообще-то туризм люблю и путешественник я опытный, даже если не брать в расчет наши выезды «в поле», которые худо-бедно, но обеспечивались централизованно, поэтому только посмеивался удивлению джинна, когда доставал из рюкзака то одну нужную вещь, то другую. А про сколько он так и не узнал за ненадобностью!

Это ведь только мы, русские, ко всему привычные экстремалы, которые в повседневной жизни проходят такие тренировки по выживанию, что никаким «рембам» не снились, можем прекрасно провести отпуск без гостиниц и мотелей, без туристических автобусов и ресторанов. И что главное — не рискуя при этом ни жизнью, ни здоровьем.

Кстати, больше всего джинна бесила пристегнутая к рюкзаку гитара. В чехле, естественно. Он считал, что даже если я захочу задержаться в их мире на «экскурсию», то и тогда «давать концерты» у меня не будет ни времени, ни необходимости, а значит и тащить с собой настолько громоздкий предмет, нет никакой надобности. Впрочем, про рюкзак он был того же мнения...

Он с таким пылом «наезжал» на меня из-за них, что отстояв рюкзак я едва было не пошел на уступку с моей красавицей. Ну и где бы я сейчас добывал инструмент в этом мирке с непонятными, но скорее всего, отсталыми технологиями?! Зачем бы «добывал»? А что, лишать себя такого удовольствия? Это какое же путешествие без гитары у костра?! Без Высоцкого и без Визбора?! Да и вообще — гитара для туриста — вещь первой необходимости!

Ну так вот: после двух суток движения по совершенно дикой местности и ночевки «под кустом», утром, едва пустившись в путь, мы наткнулись на довольно укатанную дорогу. Следуя своему плану, двинули по ней дальше, к горам и, уже через пару часов, дошли до селения приличных размеров, где в местной таверне джинн оставил меня формулировать желания, а сам убежал на разведку.

— Ладно, — вырвал джинн меня из воспоминаний, — а у тебя что? Надумал уже что-нибудь по желаниям? — и попытался заглянуть в мои записи, но я их придвинул поближе к себе да еще и рукой прикрыл: не желаю слушать чью-либо критику, ибо начнется сейчас

чисто мужской стеб по поводу жены, да еще и единственной!

— Посоветоваться, ты, я так понимаю, тоже не хочешь? — джинн смотрел на меня и весьма пакостно ухмылялся.

Я упрямо мотнул головой. Советоваться! Скажет тоже! Столько уже всего непредвиденного случилось, с его легкой руки, так еще и желания с ним обсуждать?!

— «Желание клиента — закон!» — процитировал джинн понравившуюся ему рекламную фразу из моей реальности, — пойдём, коли так! Манны я накопил достаточно, так что: «Любой каприз за Ваши деньги!» — вернул он еще один рекламный слоган и довольно заржал.

Идти пришлось недолго. Едва мы вышли за околицу, как мой «напарник» с ужасно гордым видом, демонстративно создал небольшой светящийся шарик и запустил его немного впереди и чуть выше наших голов. Шарик по размеру был как мячик от пинг-понга, но дорогу освещал вполне прилично.

— Вах-вах! Вэльский джиннь! — попробовал я симитировать восточный акцент, (впрочем, без особого успеха), и воздел руки в делано восхищенном жесте.

Джинн хмыкнул не оценив. Уверенно лавируя в зарослях кустов по едва заметной тропинке, он вывел меня к большому пустому и, судя по болтающимся на одной петле воротам, заброшенному сараю. Создав еще пару огоньков он откуда-то достал кинжал с хищно изогнутым лезвием и стал быстро чертить какие-то знаки на утопанной площадке перед сараем. Выпрямившись, посмотрел мне в глаза с непривычной для него серьезностью:

— Ну что, не передумал? Смотри! Второй попытки не будет!

От его тона мне стало не по себе, но вспомнив собственные аргументы, я мотнул головой и упрямо выпятил подбородок:

— Не передумал!

— Хорошо! Перед тем как произносить желания скажи: «Ручаюсь, что желания мои. Желая свободной волей и без принуждения!» Запомнил? И не пугайся, мамой заклинаю!

Последнюю фразу он произнес уже привычным мне, иронично-издевательским тоном.

— Давай уже, не тяни! Не из пугливых я, сам знаешь.

Джинн встал в центре площадки между нарисованных им же знаков и подняв руки над головой, вдруг стремительно завертелся на месте. Миг и уже нет невзрачного человечка, а посреди поляны, опираясь на огненный хвост, возвышается метра на три существо с «ликом странным, животным»! Даже рога увеличились в размере и как-то засияли, что ли. Существо посмотрело на меня нечеловеческими глазами с кошачьими, а может змеиными, вытянутыми зрачками, и прогремело великолепным рокочущим басом:

— Я слушаю тебя, смертный!

Я опомнился от шока, который все-таки имел место быть и торопливо заговорил:

— Ручаюсь, что желания принадлежат мне и я желаю добровольно и без принуждения! Желание первое: хочу владеть магией! Желание второе: хочу иметь власть! Желание третье: хочу жену, идеально мне подходящую!

— Желания высказаны! — прогрехотал джинн. — Да будет так! — и подняв к небу громадные ручищи, он что было силы хлопнул в ладоши.

Прогредел такой оглушительный гром, что я невольно вжал голову в плечи, правда не сводя с джинна глаз. А он, дико расхохотавшись, взмыл огненным протуберанцем в ночное небо. Через несколько секунд только сиротливо повисшие над площадкой фонарики

напоминали о том, что здесь только что произошло...

Глава третья, в которой герой понимает, что ошибался и хотеть бывает вредно!

Не скрою — действо меня проняло всерьез! Пару-тройку минут я простоял просто тупо таращась в небо. Потом, наконец, озабочился: это что, все что ли? Желания исполнены? А почему я ничего не чувствую? И почему нахожусь все на том же месте? Спросите, а чего я ожидал, собственно? Поясню. Может у меня представления о власти устаревшие, но она у меня стойко ассоциируется с дворцом. Пусть не с царским или императорским, но уж хотя бы с королевским или княжеским! Я не прав?

Магию в себе я тоже как-то не ощутил. Напрягся: ощущений — никаких! Копируя жесты джинна, попробовал сотворить хотя бы еще один светящийся шарик. Результат нулевой!

Ну уж жена-то должна была находиться рядом? То есть, пока еще не жена, а просто идеальная женщина... Вот на кой мне, скажите, нужна жена без дворца и без магии? Кормить я ее чем собираюсь?! Рюкзак уже почти пустой, а денег у меня ни копейки! Точнее — ни писета, если исходить из местных реалий. Отрезвленный этой панической мыслью, я начал тревожно озираться, боясь обнаружить поблизости чужую, то есть — не совсем чужую, а еще вернее — совсем не чужую, короче — свою нареченную. Девушки рядом не оказалось, но с огромным удивлением я обнаружил у себя за спиной, верхом на старой бочке, хмурого и нахохленного джинна!

— Гхэм... Эмм... Ты чего здесь? — не сразу смог я выдавить из себя что-то членораздельное.

Ну вот никак я не ожидал увидеть его еще раз. Столько слов было сказано про то, как ему надоели человеческое измерение и человеческое тело! (Это еще при том, что тело джинна, даже в той, человеческой ипостаси, далеко от наших по самой своей сути. Конкретней? Ну вот скажем «мэтеоризм» или несварение, например, джинну вообще не грозили!) И как он, избавившись от моей компании, вернется в свое измерение, где в персональном «пространственном кармане», который по его же описанию ассоциировался у меня исключительно как персональный рай, предастся всяческим излишествам!

А тут вдруг — на тебе! Опять моего надоевшего общества возжелал! Или дело совсем в другом? Не может (!!!) он от меня избавиться, потому что желаний не выполнил?! (Забегая вперед скажу, что в скором времени мне пришлось здорово устыдиться этой своей мысли!)

Джинн, тем временем, соскочил с бочки и ни слова не говоря двинулся в сторону селения. Огоньки, послушной стайкой полетели за ним, освещая окрестные кусты веселым, почти неоновым светом. За неимением особого выбора я тоже последовал за этой магической компанией.

— Джинн, постой! — мне очень не терпелось озвучить свою последнюю догадку, но ему, как видно, совсем наоборот — общаться со мной совершенно не хотелось.

Однако я проявил настойчивость, догнал его и придержал за плечо:

— Да постой же, джинн!

— Меня Мерхаб зовут, вообще-то! — оглянувшись огорошил меня этот... Этот, в общем.

В очередной раз за сегодняшний вечер я на несколько долгих секунд выпал из реальности: это что сейчас было? Джинн назвал мне свое имя?!?! То самое, что по его же словам, любой джинн всеми силами старается сохранить в тайне?!?! Я чего-то не понимаю?! Насладившись моим изумлением, э-э... Мерхаб... снизошел до пояснений.

— Как ты уже догадался, надеюсь, — в своей излюбленной ехидной манере начал джинн, — имя не истинное. Поскольку желания твои я исполнил... А я их исполнил, — подчеркивая голосом последнее слово продолжил джинн, — то слышать тебя как раньше, я уже не смогу. А поскольку нам предстоит еще какое-то время продолжить общение, — на этом месте он резко замотал головой, как конь отгоняющий овода, — то будет удобнее... и безопаснее, если ты сможешь меня позвать при необходимости. Ну и общаться так намного удобнее, — закончил он уже совсем другим, деловым тоном.

— А что случилось-то? Не объяснишь?

— Объясню, объясню! Куда ж я теперь денусь! — с какой-то непонятной интонацией пробурчал джинн, — вот доберемся сейчас до таверны, закажем комнату, поужинаем хорошенько... И я все! Тебе! Сразу! Объясню! — закончил Мерхаб, пресекая интонацией мои слабые попытки возразить.

«Ладно, чего уж там, больше терпел, а до таверны я уж как-нибудь вытерплю», — подумал я и дальше мы шли уже в молчании.

Комнату нам выделили большую и... комфортную (если для этого, скажем честно — отсталого мирка, вообще уместно слово «комфорт»). Довольно просторная, с двумя кроватями, постельным бельем (!?), круглым столом в центре, табуретами вместо лавок и, не поверите, отдельным чуланчиком с «удобствами»! С проблемой этих самых «удобств», надо отдать должное, тут научились справляться намного лучше, чем в русских земных деревнях того же исторического периода, да и, если говорить откровенно, то и более позднего — тоже, не говоря уж про вопиющую антисанитарию и полное бескультурье в этом вопросе, земной «просвещенной» Европы!

Освежившись и побрившись, я вышел к накрытому столу и просто чуть не захлебнулся слюной: то, чем я перекусывал в общем зале, ни в какое сравнение не шло с нынешним изобилием!

Центр стола занимало блюдо с великолепным печеным гусем: золотистая корочка на нем местами полопалась от жара и из трещинок поднимались струйки ароматного пара. Рядом стояло другое блюдо, с горкой каких-то мелких птиц, зажаренных, похоже, в кипящем масле. Еще на столе были блюда с ломтями розовой ветчины, исходящими прозрачной «слезой», с большими кусками печеной рыбы, какая-то плоская с мелкой рыбешкой, плавающей в пряном рассоле, глубокая миска с гречневой кашей и такая же, но с чем-то белым, похожим на картофель пюре, два небольших круга сыров, белого и желтого, лежали на деревянных досочках.

На почетном месте возвышались довольно внушительных размеров кувшин и кувшинчик поменьше, с узким горлышком, а с боку, едва уместаясь на перегруженном столе, приткнулись глубокая емкость, похожая на слегка приплюснутую кастрюлю с чеканкой и вычурно изогнутыми ручками, в которой разноцветной горкой высились какие-то овощи, соленые или маринованные, судя по виду, и плетеная корзиночка, где из-под салфетки виднелась целая горка румяных лепешек, заменяющих здесь, как я уже понял, привычный мне хлеб.

— Мы что-то празднуем? — осведомился у Мерхаба, стоящего спиной ко мне и всему этому великолепию.

— А что, по-твоему, нам и отпраздновать нечего? — тут же отреагировал джинн, искоса

зыркнув на меня через плечо, — да садись уже, стынет все! — и первый, показывая мне пример, опустил на ближайшую табуретку и сразу отсыпал в свое блюдо приличную порцию жареных пташек.

Меня не надо было просить дважды и вскоре в комнате зазвучали только восторженные вздохи, довольное мычание, хруст разгрызаемых косточек и деликатное причмокивание. Да! Еще про периодическое бульканье и удовлетворенное хеканье не упомянул! Наконец, сыто отвалившись от стола и ковыряясь в зубах изящной, золотой зубочисточкой, подобревший джинн соизволил приступить к объяснениям.

— Не напомнишь, мой ученый друг, сколько раз я тебя предупреждал о необходимости исключительной точности в формулировках?

«Так! Похоже «друг джинн» собирается свалить на меня вину за сорванное исполнение желаний!» — буквально прострелила меня догадка. «Ну уж нет, не выйдет!» — подумал решительно.

— Неоднократно, мой хитроумный друг! — передразнил я его манеру обращаться, — но если ты сейчас рассчитываешь провал своей миссии оправдать этой причиной, то предупреждаю — у тебя ничего не выйдет!

Несколько минут джинн молча, с каким-то непонятным выражением смотрел на меня, а потом глубоко и как-то печально вздохнул:

— Провал миссии говоришь... Да нет... Миссия удалась... — и то ли по непривычной интонации в его голосе, то ли по печали в глазах, я вдруг понял, что это предисловие к очень серьезному разговору.

— Как это удалась? А где же все «пожеланное»? Ну, то, что я загадал?

— Ладно... нужно же и серьезно поговорить когда-то... — пробормотал Мерхаб будто себе под нос и решительно прихлопнул ладонью по столешнице, — хорошо, давай разбираться по порядку! Ты владение магией пожелал? Радуйся — ты ей владеешь! То есть ты теперь такое-же магически одаренное существо, как многие в этом мире, — джинн выставил вперед ладонь, предвидя мои возражения, — только пользоваться магией нужно учиться не один год. Это раз. А два — это то, что для магии манна нужна, а ты ее не то что накапливать, а даже просто задерживать в себе и то не умеешь!

Будто внезапно почувствовав жажду, джинн налил себе полный бокал вина из большого кувшина и залпом осушил его, а потом пояснил мне деловым тоном:

— Это по первому твоему желанию, в которое я вмешиваться не стал. А вот по второму и третьему — вмешался и немного подкорректировал!

И опять выставил ладонь останавливая меня:

— погоди, поблагодаришь позднее, — на полном серьезе заявил этот тип и пока я возмущенно таращил на него глаза — продолжил:

— Я бы конечно мог тебя закинуть хоть на императорский трон, только что ты стал бы там делать? Дворцы — это далеко не то место, где смог бы задержаться такой прост... э-э... короче: подготовка особая и закалка, я бы сказал, специфическая, нужны, чтобы у власти удержаться. А так, я думаю, ты там и до утра не дожил бы... Желание ты высказал и я особо вмешиваться-то не мог, вот и подправил его так, как сумел, — джинн опять задумчиво помолчал, играя зубочисткой и протянул со вздохом:

— Да-а-а, как сумел... Ты ведь теперь, мой дорогой, живой артефакт — сиречь... как там у вас в археологии? «Искусственно созданный объект, обнаруженный в результате единичного, а иногда и случайного события»? Вот! Будто под тебя это определение писано!

Именно, что «искусственно созданный» и точно — «в результате случайного» и абсолютно «единичного» события! Единственный в мире человек, который полностью властен над собственной судьбой. Нет для тебя ни правил, ни ограничений... Ты способен получить все, что захочешь и построить свою жизнь как пожелаешь...

Я огорошено уставился на джинна:

— Если я тебя правильно понял: ни Бог, не дьявол, ни судьба и не рок... — я не договорил — уж больно невыносимым казалось то, что померещилось мне в словах джинна и холодок пробежал по хребту...

— А ты молодец... Нет, правда. Я-то думал, что тебе долго втолковывать придется, а ты сразу — в самую суть! — восхитился мой собеседник. — Верно все. Теперь если все еще будешь хотеть трон, то добудешь его и удержать сможешь... — Мерхаб налил в чарку немного вина, теперь уже из меньшего кувшинчика и, в пару глотков, отправил его себе в желудок.

— Ну и по последнему пункту: тут я вмешаться едва успел! Ты-то не знаешь, но для нашего мира понятие «идеальная жена» — далеко не абстрактное! А поскольку никого из моего временного периода в живых не осталось, то и «идеальных женщин», я думаю, в этом мире больше нет! Так что без моего вмешательства, куковать бы тебе бобылем до конца жизни! Но поскольку я молодец, — джинн скроил самодовольную мину, — то все успел и теперь тебе ни одна... э-э... особа женского пола отказать не сможет! Достаточно будет сказать вслух: «Эта женщина идеальна для меня и я хочу, чтобы она стала моей женой!» И все! Даже будь она обещана, помолвлена, просватана, стоит уже пед алтарем или даже лежит на брачном ложе — все равно ее за тебя отдадут! И ее статус роли тоже не сыграет! Хоть эльфийскую королеву можешь пожелать! Ну а пока ты этих слов не скажешь, то никто в выборе тебя ограничивать не сможет, — на этих словах он похабно подмигнул и мечтательно почмокал, — вай-вай! Боюсь процесс поиска будет до-о-олог!

Ну да! Какому же нормальному мужику может такой «процесс» не понравиться!? А если кому и не нравится, то вслух он об этом ни в жисть не признается! Не поймут-с! И только тут, с изрядным опозданием, до меня дошел, наконец, истинный смысл происшедшего...

— Скажи, Мерхаб, а почему ты это все для меня сделал? — джинн будто поперхнулся воздухом и опять, с такой несвойственной ему интонацией, произнес внезапно подсевшим голосом:

— Да черт его знает! Наверное потому, что должен я тебе — по самые уши! Или ты думаешь, что джиннам и благодарность несвойственна? Ты ведь здесь застрял по моей вине, а ни разу меня даже словом не попрекнул... — он еще раз тяжело вздохнул и добавил уже на позитиве, — вот помогу тебе в этом мире нормально освоиться, тогда и отбуду на отдых. Чай больше ждал, еще от пары месяцев меня не убудет!

Я смотрел на него и думал, что все-таки дуракам везет и дурак из нас двоих, отнюдь не он! А я, не смотря на свои научные степени и рациональный склад ума человека двадцать первого века, без доброй воли этого замшелого реликта, был бы в такой глубокой зад... ну, вы поняли, что ничего хорошего меня бы в жизни уже не ждало! Ну на что я, в самом-то деле, в этом суровом средневековье рассчитывать мог?! Даже пусть и с магией? Ага, которой управлять не умею! Или, как он правильно заметил, сколько времени я побыл бы королем, если бы не предусмотрительность джинна? Ну, подойди он к моим желаниям формально? А что это он говорил, про то, что «идеальные женщины» в их мире понимаются буквально? И про полную свободу воли тоже не очень понятно...

— Э-э... Мерхаб, а как же происки и козни Сатаны? Ну, в доброжелательном посыле от Господа я не сомневаюсь, верующий чай, а вот как быть с невмешательством врага рода человеческого?

— «Врага»? Ох и любите вы штампы, а мозгой пошевелить напротив — не любите! Вот с чего вы решили, что тому Сатане такая уж власть дана?! Ты думаешь, что предоставив людям свободу воли и самоустранившись, не вмешиваясь в людские жизни без долгой и горячей мольбы об этом, Господь Бог позволит так поступать всего лишь какому-то архангелу с дурным характером?! Или вообще — мелким бесам?! Да, брось!

А то, что невежественные люди принимают за божественное вмешательство, ничто иное, как работа Законов Божьих! Эти законы срабатывают всегда и совершенно не требуют личного участия Господа. Например? Ну хотя бы то, что всякий предмет тяжелее воздуха, будучи подброшен вверх, всегда упадет вниз... Или что жизнь всегда заканчивается смертью... Даже если кому-то в гордыне или по недомыслию кажется, что они могут перехитрить эти Законы, позднее всегда выясняется, что то была только видимость.

Вот был у нас, в мое время, механикус один... В отличии от магов, которые живут долго и без всяких своих усилий, а если все же приложат к этой теме свои способности и знания, то могут длить свою жизнь почти до бесконечности... ну или «могли», по крайней мере... Так вот — в отличии от них, механикус, лишенный магии, на очень долгую жизнь рассчитывать никак не мог, а очень этого жаждал. И тогда он создал удивительного голема и поместил свой мозг в эту механическую куклу. Взглянув глазами куклы на свое безжизненное тело он воскликнул ликуя: «Я победил! Я мыслю, значит существую!» И только позже понял, что «жить» и «существовать» понятия отнюдь не равнозначные!

Господь не приложил никаких усилий, чтобы покарать неразумного, посягнувшего на его Законы — в том не было ни малой необходимости, ибо дерзкий гордец наказал себя сам! Наказал тем, что мнил своей победой: долгое существование в теле голема, отнюдь не жизнь и даже не ее подобие, но прочувствовать это до конца, можно только на собственном опыте, ну или шкуре, если так понятней.

Конечно, страдая, он думал, что это его настигла кара Божья, но на самом деле — это было лишь еще одним его заблуждением!

— И что же? Теперь выходит, что надо мной никакие законы не властны?

— Ты не понял! Законы Создателя отменить невозможно: если ты будешь настолько глуп, что прыгнешь с высоты на скалы, то разобьешься как и любой смертный, но скажем, если убегая ты пожелаешь избрать путь спасения через прыжок со скалы в воду, то скорее всего, попадешь на глубокое место, сможешь выплыть и спастись. Или если ты перед этим потрудишься и освоил формулу левитации, то не упадешь вниз, а воспаришь от своих врагов в поднебесье! И случай тут не встрянет, а правило в котором «кому суждено разбиться, тот не утонет» с тобой не сработает, ибо тебе вообще ничего не «суждено»! Не делай явных глупостей и твои усилия приведут именно к тому результату, к которому ты стремишься. Проведение, в данном случае, не вмешается.

Или, скажем, короли от рождения наделены королевской кровью и правом на трон в той или иной степени. Сядут они на этот трон или нет, зависит не только от их желания, но и от того, как сложатся обстоятельства. Тебе же, во-первых, нет нужды в кровном праве, а во-вторых — судьба твоя не написана, как поступишь, такой результат и получишь! Станешь оспаривать трон — обстоятельства сложатся в твою пользу, пренебрежешь — никто не станет преследовать и навязывать! Но опять же — если попрешь напролом, понадеявшись на

слепую удачу, то не взыщи, если кости выпадут не тем числом: все зависит от тебя, удача тоже не в деле!

Если на балу из толпы девиц выберешь одну для танца, то совершенно неизвестно кем она окажется, но только танцевать будет умеючи. А если захочешь жениться, то твоя удача будет зависеть от того, умом или сердцем станешь руководствоваться для достижения цели: захочешь любви — получишь любовь, а не корыстную тварь, умеющую хорошо лгать и претворяться, захочешь соратницу в делах — получишь именно ее, а не тайную сторонницу другого государства, что станет лить воду на его мельницу. Все другие от подобного не застрахованы, ибо судьба и рок идут следом, а ты властен не ошибаться в своем выборе — будь то друзья или любимые.

Единственный закон который остается в силе над тобой даже больше, чем над остальными: полученный результат расхлебывать будешь только сам, свалить его на другого ты не сможешь. Так что все обдумывать и тщательно планировать, перед тем как действовать, тебе потребуется много больше, чем остальным, ибо любое безрассудство потянет за собой череду разочарований... Впрочем — интуицию тоже никто не отменял, но опять же: чем станешь руководствоваться — это только твой выбор.

Мдаа... Мне жутко захотелось почесать в затылке, для стимуляции мыслительного процесса, видимо. Как там у Высоцкого? «Все извилины заплел»? Честно говоря, из его мудрствования я толком ничего не понял. Разве что, если в двух словах, то выглядит так: руководствуйся хоть рассудком, хоть интуицией, но расхлебывать последствия все равно будешь сам. И чего в этом нового? Разве бывает иначе? Ну, у простых смертных, не у королей? По моему — нет!

Ну а короли могут просто кого-то послать зачищать свои ляпы, ну или казнить кого-нибудь за свои ошибки, на что я, даже стань я королем, все равно не пошел бы — ибо подло, а мне для счастья просто необходимо себя уважать!

Конечно хорошо, что судьба моя не написана и рок не вмешается — не надо хоть этого опасаться, но от собственной глупости еще никто никогда и никем застрахован не был! Так что и тут перспектива звучит не особо успокоительно, ибо глупость — понятие растяжимое. Короче — буду жить, а там посмотрим...

Глава четвертая, в которой обстоятельства вносят свои коррективы в планы героя...

...Назавтра, хоть я и проснулся очень рано, но Мерхаба на соседней кровати уже не было. Вот скажите пожалуйста, куда он мог слиться в такую рань?! Я позволил себе недолго понежиться и лежа в кровати вспоминал вчерашний разговор. Скрывать не буду, но намерение джинна задержаться в моей компании — внушало определенный оптимизм и чувство спокойствия, что ли. Как-никак, а теперь у меня будет время на постепенную адаптацию в новых реалиях: случись что — джинн прикроет! То, что Мерхаб «расшифровал» для меня подноготную моих собственных желаний, здорово помогло мне до конца осознать, в какую задницу я едва не влетел. И да, я был ему благодарен и пристыжен за свои беспочвенные подозрения. Хотя-я, как беспочвенные? Это ведь только в моем случае маг нарушил негласное правило, а начни события развиваться по иному сценарию...

Вот что за поганая натура у интеллигентов?! Ну получил пряник — радуйся! Так нет, покопаться в причинах требуется! Если бы, да кабы... Вытравливать надо эту хрень из своей натуры! Так. Что там у нас с напарником на сегодня запланировано? Первым делом — это обучение задерживать в себе манну. Джинн сказал, что для этого необходима концентрация, для которой полезны медитации, а их лучше проводить на пустой желудок. Так что умоюсь, сделаю зарядку и до завтрака займусь медитацией.

Голый по пояс (сверху естественно), сладко потягиваясь я вышел на крыльцо. Прямо напротив меня, только на нижней ступеньке, стояли два пацана и с азартом обстреливали мелкими камешками неуклюже скачущего по двору вороненка. На этот момент ему уже изрядно перепало, так как двигаться себе он помогал только одним крылом, а другое — волочилось по земле обдирая перышки.

Я, как интеллигент, категорически против телесных наказаний! Тем более — для детей! Был... Потому что уже в следующую секунду мои руки, будто без моего участия, обе разом, отвесили паршивцам по увесистому подзатыльнику! Надо отдать им должное, мальчишки не стали разбираться откуда им «прилетело», а взяли с места в карьер и через секунду скрылись за ближайшим сараем.

Почти в тот же момент, вороненок сделал еще один подскок и запрокинув к спине головку, будто сломанная игрушка повалился в пыль. Я подбежал к нему и бережно поднял легонькое тельце. Головка с затянутыми голубыми веками глазами и приоткрытым клювом безжизненно свесилась, но в мою ладонь продолжало неистово колотиться маленькое, но упрямое сердечко.

Двумя пальцами я осторожно оттянул поврежденное крыло: как и ожидал — оно было сломано. Края перелома, пропороли тонкую птичью кожицу и торчали чужеродными белыми выступами на фоне его темной плоти. Крови было совсем немного. Аккуратно сложив оба крыла у него на спине, я присел на корточки у пристроенного к колодцу деревянного корыта, из которого поили скот.

Преподняв и придерживая желторотую головку, другой рукой я зачерпнул оттуда немного воды и поднес стекающую с пальцев струйку к приоткрытому клюву. Первые капли просочились в глотку сами собой, но в следующую секунду вороненок встрепенулся и резким взмахом головы вытряхнул воду из горлышка. Он поднял на меня еще мутные после обморока глаза и уже добровольно потянулся за новой порцией воды.

Пил жадно и долго. Мне пришлось несколько раз зачерпывать из корыта воду. Утолив жажду и окончательно придя в себя, малыш, вопреки моим ожиданиям, не стал вырываться из моих рук, а только слегка повозился, устраиваясь удобнее и расслабив лапки улегся горячим брюшком на мою ладонь. Я усмехнулся:

— Умен, подлец! — и погладил вороненка по растрепанной головке.

Он покосился на меня темно-шоколадным глазом с длинными, редкими ресницами и приоткрыв клюв издал приглушенный звук, больше похожий на скрежет, чем на карканье. При этом он попытался изобразить движение крыльями, на всех птичьих языках означающее просьбу о пище, но то ли поломанное крыло помешало, то ли он умышленно лишь обозначил жест, но крылышки лишь слегка затрепетали у самых плеч. Не дожидаясь более выраженных движений, я прикрыл его ладонью:

— Ну-ну! Тихонько! Не беспокой травму. Я и так понял, что ты есть просишь.

Вороненок, будто поняв фразу дословно, послушно угомонился и опять прикрыл глаза голубыми веками, а я двинул на поиски джинна.

Мерхаба я нашел в общем зале таверны за каким-то секретным разговором с хозяином. Почему секретным? Да просто стояли они, почти уткнувшись друг в друга головами и разговаривали так тихо, что в двух шагах невозможно было расслышать. Увидев меня в дверном проеме, Мерхаб быстро свернул разговор и пошел мне навстречу.

— Ну что? Готов к занятиям?

— Не совсем, вообще-то, — я показал ему дремлющего у меня на руках вороненка, — Воронушу надо покормить и крыло ему подлечить... — начал было я, но заметив с каким безразличным выражением смотрит на птенца джинн, осекся на полуслове, — ну и чего ты на этого малыша смотришь как на мерзость какую-то?

— Что? — джинн вздрогнул, будто проснулся, — мерзость и есть! Выбрось его немедленно, помой руки и пойдем заниматься! За сегодня нужно кучу дел переделать, а ты с разной дрянью возишься!

Вот зря он так о вороненке! Я с детства к «братьям нашим меньшим», мягко говоря — неравнодушен! Мама, правда, считала, что я на «всей этой живности помешан» и, до некоторого времени, думала, что путь мне, в дальнейшем, только в ветеринарный институт, но... Еще на уроке биологии в старших классах, я закатил жуткий скандал и мало того, что сам отказался вскрывать лягушку, но и никому из учеников не позволил этого сделать. В ответ на мою вдохновенную речь, наш директор (спасибо ему!) отменил это занятие и позволил мне лично, отнести всех спасенных лягух в ближайший пруд!

После этого случая стало понятно, что ветеринария мне не светит. Но! Любить живность я от этого меньше не стал... Джинн мои пристрастия явно не разделял и поскольку на ближайшее время мы с ним спутники и напарники — с этим что-то надо было делать.

— Извини, дружище, но я что-то тебя не понимаю: ты требуешь что бы здоровый, сильный мужик, отказал в помощи раненому ребенку? — в моем тоне была бездна искреннего недоумения и только легкая нотка укоризны.

— Какой ребенок! — вскинулся джинн, — у тебя просто грязная ворона! А даже если и ребенок, то что? Ты намерен всех несчастных детей собирать? Так это тебе все равно не под силу!

В этом месте я слегка завис: это только у джинов такое представление об этике и морали, или у всего здешнего общества? Прокрутил в уме все имеющиеся в памяти знания на эту тему. Нет, не может такой подход быть повсеместным. В любом обществе есть люди как

с похожими взглядами на проблему, так и с кардинально иными!

— Всех не всех, но если прямо у меня на глазах какая-нибудь жуть творится, то что ты мне прикажешь делать — мимо проходить?! А дальше что? Как после этого можно себя нормальным мужиком чувствовать, а не дерьмом полным?!

На этот раз, похоже, завис уже джинн. По крайней мере он пару минут таращил на меня глаза и явно что-то прокручивал в уме.

— Ты хочешь сказать, что поступаешь так всегда и намерен поступать так и в дальнейшем?

— Ну-у-у... Да, вообще-то...

Во взгляде моего напарника появилось какое-то новое выражение:

— А это может оказаться интереснее, чем я думал... — пробормотал он себе под нос и уже по-другому взглянул на вороненка, — ну ладно, коли так. Неси его в комнату, устраивай, корми... что еще ты там собирался..? А потом мой руки и идем заниматься!

— Э-э... Я вообще-то на твою помощь рассчитывал... — Мерхаб недоуменно поднял брови. — У него крыло сломано... Я подумал, что магией его намного проще срastить...

— Увы, мой друг! Тебе посчастливилось подцепить одну из немногих проблем, которую невозможно решить магическим путем, — джинн смотрел на меня с каким-то непонятным торжеством и ожиданием — вороны — чуть ли не единственные существа в этом мире, которые совершенно не поддаются магическому воздействию! Совершенно! А это значит, мой сердобольный друг, что пока крыло срastется и пока он вообще сможет выживать самостоятельно — тебе придется очень и очень повозиться!

Ехидством, от якобы сочувственных слов «моего друга» — несло за версту! Изогнув губы в ироничной усмешке, джинн как будто что-то ждал от меня. Я недоуменно на него покосился и пожал плечами: повозиться, так повозиться. Открыл мне великую истину, понимаешь! Мерхаб, похоже, не дождался от меня той реакции, на которую явно рассчитывал и ироническая гримаса на его лице перетекла в недоуменную. А я, уже не обращая внимания на игру мимики на его лице, полностью переключился на вороненка.

В моем рюкзаке, пока совершенно не тронутый, находился весьма приличный запас антибиотиков, перевязочных средств и прочей медицинской хрени экстренной и не очень, помощи. Так что, не изощряясь с подручными средствами, я смогу быстро и качественно решить проблему с больным крылом. А про то, чтобы покормить и устроить ему временное жилье — это вообще — раз плюнуть!

Однако, повозиться же пришлось изрядно. Самым простым делом оказалось кормление вороненка. Он дисциплинировано открывал клюв всякий раз как я подносил к нему очередную порцию съестного. Счастье великое, что вороны всеядные. Будь по иному, то где бы я для него, скажем, мошек ловил? А так малыш с аппетитом слопал несколько щепоток гречневой каши, пару ломтиков белого сыра и не большое количество сырой говядины. Сытый и довольный он благосклонно поглядывал на меня из большой плетеной корзины, которую я временно приспособил ему вместо клетки, пока сам суетился подготавливая все необходимое для его лечения.

А вот потом началось мученье: Воронуша спокойно не лежал и норовил вырвать крылышко из моих пальцев, а это мешало совместить сломанные косточки. Но так или иначе, а с этой задачей я тоже справился. При помощи зажима прищипнул на месте перелома, бинтом, сквозь перья, самодельный лубок и обильно присыпав рану стрептоцидом, прикрутил крыло к телу вороненка и вернул его в «корзинное» гнездо.

Теперь можно было вернуться к нарушенным планам. Зарядку в этот день решил не делать: утро уже не было ранним и кругом мелькали постояльцы, здешняя прислуга или местные жители. Поэтому только еще раз умылся, пощупал наклонившуюся за ночь щетину и благополучно ее проигнорировал. Затем расстелил посреди комнаты сложенное в несколько раз покрывало и привычно уселся на него в позе сосредоточения.

Мерхаб все это время сидел на своей кровати «по турецки» и наблюдал за моими действиями с совершенно непривычным для него выражением на лице. Я не силен в физиогномике, но казалось, что он смотрит на совершенно незнакомого человека, с которым будет вынужден общаться и сотрудничать какое-то время, и сейчас решает, насколько хлопотным будет предстоящее общение. Внутренне я насторожился: что он там надумает? Остаться со мной джинн решил добровольно, а значит вполне может и передумать...

— М-м-м, и откуда, позволь узнать, у тебя такие познания в магических методиках? — осведомился он, после того как я все подготовил и выжидающе уставился на него в ожидании дальнейших инструкций.

— Это методики моего мира по духовному совершенствованию и к магии не имеют никакого отношения.

— Да? Любопытно... Только ты ошибаешься. Впрочем, это разговор для другого времени, — сам себя перебил джинн, — а сейчас, скажи мне, методикой погружения в себя, ты тоже владеешь? Мне нужно что-то объяснять по теории медитации?

— Не знаю, насколько различны теории наших миров, но по сути — нет, я вполне способен «погрузиться в себя» без посторонней помощи. Меня интересует только то, чего я должен добиться в результате погружения?

— Для начала, попробуй хотя бы просто увидеть манну. Почувствовать как она проходит сквозь тебя... В дальнейшем будем учиться формировать энергетический сосуд для ее сбора... Но это дело не одного занятия... А пока — можешь приступать. Я последую за тем, что у тебя получится и подскажу если замечу ошибки...

Попытаться увидеть... Что ж, попытаемся... Давненько я не медитировал, но опыт, как говорится, не пропьешь! Все получилось даже проще, чем я рассчитывал. Сознание будто только и ждало, пока я соберусь погрузиться в транс.

Как всегда — привычный мне образ: небольшая пустая комната с толстым, пушистым ковром на полу. Окно высоко, под самым потолком. Стены голубовато-серые. В приглушенном солнечном свете, льющемся из окна, танцуют пылинки. Почему именно это? Без понятия! Ничего подобного в моей реальной жизни никогда не было, но вот возник образ во время первого транса и неизменно возвращался во всех последующих! Здешний я, не совсем я, вернее — не я в своем современном облике. Тут я так и остался подростком. Внешне, по крайней мере.

Оглядываюсь. Та-а-ак! Если вот эти полупрозрачные снежинки свободно кружащиеся по всему пространству — не манна, то я — персидский шах! Присмотрелся. Это только на первый взгляд все пространство заполнено манной равномерно, а на самом деле, внутри нее будто морские течения в толще воды, движутся течения манны. Где-то — реже, где-то — гуще, а где-то совсем еле-еле. Как много ее во мне! Но джинн прав: совсем не задерживается! Свободно втекает со всех сторон и так же свободно вытекает во все стороны!

Мне стало очень досадно. А что если попытаться собрать ее? Сформировать энергетический сосуд? Я представил огромную банку. Такую, какие в моем мире используют под консервацию, но только раз в сто больше. На горлышко этой банищи

пристроил еще более громадную воронку и... Манна свободно втекала в мое творение и так же спокойно покидала его... Где-то на грани слышимости раздался ехидный смешок. Я разозлился.

Обошел громадную, стеклянную емкость по кругу: нет, материал вряд ли имеет значение... Сделай я ее хоть из бетона — для манны это не принципиально. Энергетический, говоришь? Я потянулся к своему энергетическому телу и отделил от него тоненький поток. Потянул за эту ниточку одновременно представляя, что она оплетает сосуд, растекается по его стенкам радужной пленкой, а потом опять собирается в ручеек и возвращается назад, в тело, что энергия так и циркулирует по этому дополнительному руслу, подпитывая стенки банки. Совсем другое дело! Попавшая в банку манна уже не «утекала» а стала откладываться у нее на дне. Но воронка свою функцию не выполняла, так как энергетический поток ее не захватывал.

Я еще немного подумал и потянулся еще за одной ниточкой энергии. Дотянув ее до своего сооружения, я оплел им воронку и представил, что этот поток течет в противоположную сторону. Во-о-от! Теперь хорошо! Воронка не только пассивно направляла манну в горлышко банки, но и стала «подсасывать» ее из пространства. Наполнение емкости заметно возросло. Так же, на грани слышимости, я уловил восхищенный вздох с большой порцией удивления и удовлетворенно ухмыльнулся: знай наших!

Подождал некоторое время наблюдая за тем, как увеличивается слой манны на дне банки. Все в порядке — работает без всякого контроля с моей стороны! А Мерхаб утверждал, что придется долго тренироваться, чтобы поддерживать функции сосуда автоматически, не концентрируя на этом внимание. А то уснул — и привет, сосуд испарился, манна разлетелась! Хотя... Может это только пока я здесь? Сосредоточился и вернулся в реальный мир. Не вставая с кровати прислушался к себе: нет, с сосудом все в порядке. Стоит где поставили, копит манну и в моем контроле не нуждается. Класс! Посмотрел на учителя: сидит скривившись, как среда на пятницу. Ну что еще не так?

— Молодец, хорошо получилось, — выдавил из себя джинн, — только не рассчитывай, что и дальше все с наскака получится будет! Магией овладевают годами!

— Ну да! Конечно! Бурных аплодисментов я от тебя и не ждал, но похвалить, все же, мог и без такого кислого выражения! — обиделся я. Мерхаб тяжело вздохнул:

— Я тебе добра желаю, а от излишней самоуверенности только вред! И как мне с ней бороться прикажешь, если у тебя с первого раза получился сосуд, какого я и с десятого бы не создал? Да! Мои аплодисменты! Бурные и продолжительные! Только не заносись, ради Вседержителя. Тебе по-любому еще учиться и учиться!

Я довольно заулыбался: приятно, что ни говори!

— Ладно! Я на отработку этого умения полдня планировал отвести, но раз ты такой способный, то попробуем непосредственно в магии потренироваться...

От радости я аж подпрыгнул:

— В магии?! Прямо сейчас?!

Джинн посмотрел на меня со знакомой ехидцей и поинтересовался:

— Мне очень приятен твой энтузиазм, но разве позавтракать сегодня ты не собираешься? На сколько мне известно, из нас троих, только твоя ворона сегодня ела! Да и ей, если судить, что время уже идет к обеду, вполне можно подкрепиться очередной раз...

Я удивленно уставился на свои часы (сутки у нас и в этом мире, к счастью, совпадали):

вот это я помедитировал! Времени второй час уже! Да уж! Это уже не завтрак будет... И Воронушу давно пора покормить еще раз. Как он еще терпит, бедный?! Я встал и поднял с пола покрывало.

— Значит — после обеда?!

— Угу. Попросим хозяина одолжить нам коней, отъедем подальше и до заката ты сможешь потренироваться вволю! — в кои-то веки по-доброму улыбнулся джинн моему нетерпению.

— Кстати! А о чем это вы сегодня с хозяином шушукались?

— М-м-м? А! Видишь ли, я собирался тебе предложить отправиться отсюда в столицу. Где как не в большом городе лучше всего получать представление о стране? Только вот хозяин говорит, что там очередной переворот... Смута, сам понимаешь, не лучшее время для визитов. Хотя, можно пока в другую сторону отправиться, а в столицу уже потом, когда там с властью определяться... Короче: недельку еще здесь поживем, поглядим как твое обучение пойдет, а там и подумаем куда лучше отправиться... Ну ладно, пошли обедать уже!

Глава пятая, в которой у героя появляются воодушевляющие перспективы...

Обнадеженный первым успехом с сосудом для манны я рьяно взялся за дело, но овладение магией оказалось делом реально трудным! Еще в первый день мы обнаружили вблизи хребта, защищенную скалами площадку, довольно просторную и совершенно уединенную. Единственный недостаток этого места, как я тогда думал, была его удаленность. Потом я по достоинству оценил именно это качество!

Овладение силой проходило... мягко говоря — неоднозначно. У меня то совсем ничего не получалось, то получалось такое-е-е, что я искренне радовался, что на тренировки мы уезжали так далеко от селения. Пугачевское"...сделать хотел уют — слон получился вдруг!" меркло на фоне моих творческих изысков. К тому же то, что сегодня получалось с легкостью и не один раз, завтра могло скрутить кукиш и не даваться от слова «совсем»!

В жизни бы не подумал, глядя как в фильмах маги пуляют друг в друга файерболлами, что это такое сложное дело. Оказалось, что заклинания нужно не только знать наизусть, но и правильно их произносить. Учить приходилось "на слух", так как специальной литературы тут не было, но я, если честно, особо об этом не жалел.

Ну во-первых, потому что не думаю, что написаны они будут на современном языке, более вероятно, что какими-нибудь древними каракулями, а зная дотошность и вредность джинна, ни в малой степени не сомневаюсь, что он заставил бы меня их учить, а мне и так с местной письменностью мороки хватало!

А во-вторых: ведь все эти бумажные носители (ну или кожаные, пергаментные и еще хрен знает какие — не суть), типа колдовских книг и дневников магов — помогли бы не сильно, даже имей мы их в наличии. Ведь их можно использовать только стационарно. В "полевых" условиях, в бою там, или например, при внезапном нападении, они совершенно не годились! Не скажешь ведь противнику: "Погоди, я найду в книге нужное заклинание"?! Да и таскаться с древними инкунабулами — еще то занятие!

Да и «магичить» с магическими фолиантами нужно оч-чень осторожно! Думаю, на такой «подвиг», даже Мерхаб не со всякой книгой отважился бы. Почему? Да просто магическая книга — это не тот набор листов в твердой или мягкой обложке, к которому мы все привыкли, а своеобразный артефакт, наделенный зачатком рассудка, некоторым диапазоном свободной воли, а зачастую, еще и мерзким характером. Вот попробуйте, скажем, швырнуть такую «книжицу» на стол: в лучшем случае — не откроется, ну а в худшем... У вас хорошая фантазия? Вот и дайте ей волю!

По поводу "знаков силы" — отдельная песня: чтобы их правильно изобразить на пальцах, нужно эти пальцы разрабатывать не слабее, чем у фокусников или карманников! А чуть съехал палец — заклинание либо совсем не получится, либо получится... но будешь сам тому не рад...

Лучше всего у меня обстояли дела с материализацией физических тел. Мерхаб только головой мотал:

— У тебя дар какой-то парадоксальный! Все что у других едва-едва начинает получаться после нескольких лет учебы, а некоторым вообще может не даваться — у тебя выходит буквально на два счета! А то, что мои соплеменники считают уровнем начальной школы, тебе — темный лес! Что сложного в заклинаниях? Выучил и пользуйся! Так ты их

совсем запомнить не можешь! А знаки? За неделю только три знака усвоил, а что корчишь вместо остальных — стыдно озвучить!

Сам он, своими сухонькими, узловатыми пальцами мог такое изобразить, что я сомневался, в похожести наших суставов: может у джина они и вовсе — одна видимость!

Выматывался я в эти дни до полуневменяемого состояния. Спать уходил сразу же после ужина, но и сны приходили исключительно на тему занятий, так что я и во сне продолжал что-то бормотать и дергать руками. Мерхаб мне ни чего на эту тему не говорил, а самому мне и в голову не приходило, что это может иметь какие-то последствия, пока однажды утром...

Проснулся я в то утро от сильнейшего аромата только что сваренного кофе. И не открывая глаз недовольно поморщился: ну сколько можно?! Это уже превращается в навязчивую идею и грозит перерасти в форменное помешательство! Когда подобный фокус случился впервые, я буквально слетел с кровати и толком еще не проснувшись, с надеждой пошарил по сторонам глазами надеясь... А черт его знает, на что я надеялся! Не было в этом мире кофе! Не было! А от того скудного запаса растворимого суррогата, который мне удалось прихватить с собой в путешествие, очень давно не осталось ничего кроме воспоминаний и сожалений.

Из-за того, что и дома мои запасы хорошего кофе подошли к концу, в дорогу с Мерхабом мне удалось достать только пару жалких баночек растворимого, который я, в лучшие времена, вообще за кофе не считал! Сейчас же... О да! Сейчас я был бы рад и счастлив любому: хоть кофейной наркомании вроде как и не существует, но «ломало» меня от этого не меньше. И вот уже несколько дней, вернее ночей, как началась эта попытка несбыточными надеждами: я просыпался от запаха кофе, причем хорошего, крепкого, правильно сваренного в турке на раскаленном песочке..! М-м-м! Мечта! И каждый раз испытывал дикое разочарование, когда не обнаруживал его в нынешней своей реальности. Даже запах, стимулировавший у меня дикое слюноотделение, через несколько секунд после пробуждения истаявал без следа.

Первый звоночек, сигнализирующий о том, что сегодня что-то изменилось, пришел спустя несколько минут, в течении которых я пытался снова погрузиться в сон, вместо того, чтобы как в прошлые разы подхватиться с уютного ложа в тщетной надежде отыскать вожделенный напиток: запах не исчезал, а даже как-будто становился сильнее. Уговаривая себя, но уже опять глупо надеясь на чудо, я все же открыл глаза и покосился в сторону стола, откуда и шел этот упоительный аромат и... Долгожданное чудо действительно случилось!

Еще продолжая сомневаться я медленно встал с кровати и осторожно приблизился к столу. Для чего-то спрятав руки за спиной, я с минуту недоверчиво разглядывал мою любимую фарфоровую чашечку, белую, с тоненькой золотой каймой по краю, из которой было особенно вкусно пить мою любимую "Арабику", стоящую на парном ей блюде да еще и с лежащей на нем моей любимой чайной ложечкой, украшенной замысловатым вензелем... Угу. Оставленную, как особо хрупкий багаж не пригодный для путешествия в рюкзаке, у меня дома, в настенном кухонном шкафчике!

Добавляя ситуации абсурда, чашку наполнял темный, исходящий ароматным паром напиток, который и стал причиной моего раннего пробуждения. Недоверчиво протянув руку я осторожно коснулся чашки и, поскольку она не исчезла с тихим звоном разбитых надежд, взял ее и осторожно пригубил содержимое. М-м-м! Это что-то! Крепкий, в меру сладкий и

горячий кофе, имел только один недостаток — он быстро закончился.

Покрутив в руках пустую чашечку я задумался. Ведь поскольку в этом мире, по крайней мере в той части с которой я успел познакомиться, о кофе никто не знает, а Мерхаб, на мои слезные просьбы посодействовать в этом вопросе, ответил вполне определенным и категоричным отказом, то выходит, что подобного щедрого подарка мне сделать и некому, ну кроме одного единственного человека — меня самого.

Отказывая мне в помощи, джинн руководствовался отнюдь не эгоизмом и глухотой к нуждам страждущего, хотя и этого у него имелось в достатке и даже в избытке, а теорией, в которую свято верил и которую пытался внушить и мне.

По его словам выходило, что могущество магии безгранично только на взгляд малограмотного дилетанта, а на самом деле, она подчиняется тем же законам мироздания, что и все остальное. Например. Ни один маг, без всяких исключений, не может создать из ничего то, чего ранее не существовало. Либо взяв за основу что-либо существующее изменит до неузнаваемости, либо перетащит из какого-нибудь иного измерения или параллельного мира какую-нибудь диковинку, но только не создаст с нуля. Это доступно только богам.

Большинство же магов вообще ничего не создают, а только копируют уже где-то имеющееся — это в лучшем случае, ну а в худшем — переносят необходимое из тех мест, где оно есть на данный момент. Попросту говоря — воруют. Это самый простой и наименее затратный, в плане расхода манны, способ, доступный практически любому магу. Это первое ограничение.

Второе же заключается в личных магических ресурсах мага. Вот например я и Мерхаб. Если мои возможности, как впрочем и у большинства магов, ограничены тем количеством манны, которое я на данный конкретный момент времени успел накопить, то ресурсы Мерхаба более значительны, даже скажем — несравнимо значительней, но и ограничения у него — не чета моим, потому что, по большому счету, каким бы могуществом он не обладал, а является существом подневольным, ибо — джинн! Стоит же его освободить, то есть — избавить от его долга, как и могущества своего он лишится. Хотя, к слову: подобная возможность, вещь скорее чисто теоретическая, чем имеющая шанс на практическое воплощение.

Еще в самом начале нашего знакомства я, пользуясь информацией из малонаучных источников, в просторечии именуемых сказками, благородно поинтересовался, а нет ли возможности его освобождения с помощью одного из моих желаний, на что джинн, не оценив моего порыва, вместо членораздельного ответа неприлично ржал едва ли не пятнадцать минут, а потом заявил, что раньше считал самыми самоуверенными существами джиннов, но теперь понял, что людям они и в ученики не годятся!

Так вот, возвращаясь к вопросу о магии и о могуществе. Создать (скопировать) дом, лодку, доспехи ну и кучу всего из той же оперы, может практически любой маг, но размеры, а так же долговечность — строго дозированы, так как созданные чисто магическим путем, без привлечения подсобных материалов объекты, так называемые магиматы, существуют ровно столько, сколько способен поддерживать своей силой создавший их маг.

Скопированные, ну или украденные с чьей-нибудь кухни продукты, вполне съедобны и после поедания не исчезают бесследно, а перевариваются и утилизируются в соответствии с физиологией и это тоже доступно практически любому, создать же, скажем, бутылку амонтильядо, для мага, который не только не пробовал этого вина, но и не знает о его существовании — дело неподъемное. Ну и как итог: создание хотя бы малюсенького живого

организма не под силу ни одному магу! Это тоже прерогатива богов.

К чему я вспоминаю весь этот магический огород (не в смысле овощей, а в смысле «нагорожено»)? Все вышеперечисленное все равно создается или добывается с помощью заклинаний!!! Как объяснил мне Мерхаб, чтобы скопировать или вытащить аж из моего мира такое химически сложное вещество биологического происхождения, да еще без специального заклинания, да еще имеющееся в данном мире в различных вариантах, да еще толком даже не распробовав его на вкус, он... Короче нет, потому что цитирую: "Тратить столько сил на действие с абсолютно непредсказуемым результатом — это не просто глупость, а скорее уже диагноз!"

И как, скажите на милость, я смог создать кофе, абсолютно не зная никаких формул для этого?! «Выдернуть» из родного мира, скажем, ту же чашку с ложкой я, предположим, был способен, (хоть и не факт — расстояние-то космическое), НО(!) она ведь не ждала меня дома наполненная уже готовым кофе! Значит что? А черт его знает! Разбираться надо...

Глава шестая, в которой говорится о проблемах быта и их преодолении

Разбираясь с особенностями собственной магии я как-то попутно и между делом, но с чувством глубокого удовлетворения, вызвавшим скептическую усмешку на лице Мехраба, освоил несколько приемов из области личной гигиены. Наплевать на скепсис джинна, но мне казалось очень важным уметь то, что способно здорово отравить жизнь при своем отсутствии.

Пардон за многословие, но о некоторых деликатных, я бы даже сказал, интимных, подробностях быта, говорить прямым текстом я не привык. Иными словами: что приходится делать человеку каждый день, или даже несколько раз в день? Да, именно, то самое. К отсутствию туалетной бумаги человеку, выросшему в Советском Союзе, привыкать не приходится — вечный дефицит, но здесь ведь отсутствует и печатная продукция широкого спектра применения в просторечии именуемая «газета»! И как выкручиваться?

В таверне с этой проблемой справлялись довольно просто: в каждом санузле имелось приспособление вроде детской леечки с длинным носиком и стопа суконных салфеток, которые после использования надлежало складывать в специальную корзинку, подвешенную на крюке под полочкой с салфетками.

Способ — вполне себе ничего, но в дороге не идеальный, ибо как и пресловутые лопухи, сильно зависит от сезона. Согласны? А если нет, то можете сами опробовать его на морозе!

О том, чтобы решить этот вопрос я задумывался неоднократно, но как подступиться к его практическому осуществлению — элементарно не представлял! Помог случай. Вернее «помог» в данной ситуации звучит несколько неоднозначно, да и «случай» — определение не точное — скорее происшествие.

Так вот: случилось это «происшествие» во время одной из тренировок. Мне элементарно приспичило. Не страдая лишними комплексами я отошел от места тренировки и даже с некоторым комфортом расположился в кустах за нагромождением камней, которых в предгорьях было в изобилии. То, что у меня за спиной оказалось довольно большое дерево, я воспринял как еще один плюс в отношении уединенности. И ошибся!

Едва я принял позу орла и поднатужился, как мне, в самом прямом смысле этого слова, на голову свалилась проблема! Она мерзко заорала одновременно вцепляясь мне в скальп острыми когтями. От такого впечатляющего воздействия сразу на два органа чувств, довольно продолжительный физиологический процесс занял от силы секунды три! Причем, как выяснилось — почему-то без сопутствующего обременения, говоря по-простому — подтираться не пришлось!

Поначалу, стремясь поскорее выпутать из волос перепуганного не менее, чем я, крохотного, недель двух от роду, детеныша местной разновидности дикой кошки, я машинально натянул штаны не озаботившись возможными антисанитарными последствиями.

Поскольку звери эти, обладали далеко не ангельским характером, в чем нам пришлось уже убедиться. Правда без летального исхода с чьей бы то стороны. Пока. Мне очень не хотелось нарушать уже наметившуюся добрую традицию взаимного не причинения вреда, которая висела... э-э... на волосах! Поэтому я и торопился вернуть малыша в дупло, из которого он вывалился, не дожидаясь возвращения его родительницы.

Что никаких отрицательных последствий для моих штанов не приключилось, я смог обнаружить несколько позднее, когда отошел от стресса вызванного неожиданным визитом котенка и элементарно вспомнить об этой детали.

Позднее я неоднократно убеждался, что эффект... э-э... скоростной оправки никуда не делся и в лопухах, как впрочем и во всем остальном для этих целей, я больше не нуждаюсь. В том диковатом, полном опасностей мире, в котором мне теперь предстояло жить — подобное было серьезным преимуществом. И не только для гигиены, но и в плане безопасности: ведь при исполнении столь деликатной, но частой, в смысле — повседневной, миссии, человек со спущенными штанами довольно беспомощен.

Пунктом вторым шло умывание, мытье рук по несколько раз в день, поддержание тела в приемлемом состоянии и наконец — бич большинства мужчин — ежеутреннее бритье (а у некоторых еще и ежевечернее, если щетина «беспредельничает»)! Все эти процедуры не были такими уж актуальными и даже все вместе, были мало сравнимы с пунктом первым, но их устранение и так-то могло очень облегчить повседневный быт, а уж в пути...

Я бриться ненавижу! Из-за этого даже в институте позволял себе небольшую «брутальную небритость». Однако бороду и усы я ненавижу не меньше, из-за чего даже «в поле» не доводил свое лицо до состояния такой запущенности, когда бритье превращается уже в пытку.

Способ борьбы с этой неприятной особенностью мужского организма я получил так же спонтанно, как и умение делать кофе. Утром подошел к умывальнику, посмотрел на себя в зеркало и раздраженно подумал в адрес щетины: «Да что б ты пропала, зараза!» С силой явно переборщил, потому, что робкие «наклевыши» нащупал на собственной физиономии только к концу четвертого дня, умываясь после занятий. Это было счастье!

Сильнее я радовался только обнаружив, что кофе перестало «являться» мне во сне, а появляется в любую минуту, стоит только внутренне «потянуть» его, как-будто чашечка стоит на другом конце стола, а ты подтягиваешь ее потянув за скатерть. Это ощущение пришло на чистой интуиции, а вот чтобы получить кофе в местной таре, я потел не один час. С легкость оно стало мне даваться значительно позже, уже в дороге.

Стоило ли вообще возиться? А это как посмотреть! Таскать с собой целый сервиз из беленьких чашек с блюдами и килограммы чайных ложек — не очень удобно, а бросать их каждый раз после использования... Нет, не то чтобы жаба душила, но как-то не поднималась рука — вроде как частичка дома... И да — на будущее тоже был определенный задел: не всегда стоит привлекать к себе внимание, а кофе может захотеться в самый неподходящий для его чудесного появления момент. Ну как-то так.

Тогда же, уже в дороге, я довел до совершенства «закливание чистоты», хотя никаким заклинанием оно и не было и делалось так же при вхождении в определенное внутреннее состояние: закрытые глаза, глубокий вдох, затем будто пускаешь невидимый поток по своему телу, ну как-будто стоишь под теплым водопадом. Точно так же и с руками, только и разницы, что площадь воздействия меньше.

Мехраб от этой моей «самодеятельности» бесился по-страшному! Называл безграмотностью и дилетантством. Утверждал, что подобные манипуляции «сырой силой» рано или поздно сыграют со мной дурную шутку или вообще приведут к необратимому магическому истощению.

Не то, чтобы я ему не верил, но поскольку специфика моего дара оставалась для него загадкой и некоторые вещи до которых я доходил случайно или методом «тыка», он не мог

объяснить ни мне, ни себе, хоть и делал «хорошую мину» и многозначительно надувал щеки, то мне приходилось и к его советам относиться критически, а то и с изрядной долей скепсиса, что бесило джинна еще больше.

Мне не хотелось окончательно портить отношения с Мехрабом, но и пренебрегать собственным способом работы с манной и отказываться от наработок, очень облегчившими мне пребывание в этом отсталом мире, я не хотел. Поэтому я предложил ему компромисс — все до чего дошел сам, остается в моем пользовании, но в дальнейшем продолжаю изучать магию классическим способом и не занимаюсь самодеятельностью.

А для себя решил, что совершенствоваться во владении сырой силой я смогу и позже, когда джинн меня покинет. Нужно попытаться взять максимум из тех знаний, которые он захочет мне дать, а все, что можно получить опытным путем — оставить «на потом».

Глава седьмая, в которой герой наконец отправляется в путь

Как я уже говорил: неделя отведенная Мерхабом нам на адаптацию, пролетела стремительно. Никаких особых дел не возникло и торчать в этом захолустье и дальше — не имело никакого смысла. Так что одним прекрасным теплым и солнечным утром мы впятером, а именно: я, Мерхаб, Воронуша и две лошадки, отправились в путь.

Сам этот «путь» был определен весьма приблизительно, так что я все утро тихонько напевал себе под нос на разные лады: «Ничто нас не собьет с пути — нам по-фигу куда идти!» Джинн, по утрам традиционно пребывающий «не в духе», искоса и с неодобрением на меня поглядывал, но поскольку пел я реально очень тихо, а гитару, которую Мерхаб почему-то совершенно «не переваривал», даже не брал в руки (хоть и очень хотелось, а движение лошадей «шагом» вполне это позволяло), то не находил повода придрасться.

Почему ехали так медленно? А дело в том, что лошадки, создания довольно прихотливые и утомляются, в отличие от описанных в шедеврах мировой литературы скачек, когда герой часами летит галопом, довольно быстро. Поэтому «шагом» на них можно уехать намного дальше, чем тем же пресловутым «галопом» или даже «рысью» и хватит их, в таком щадящем режиме, намного дольше! Можно было бы ехать и переменным аллюром, но зачем? Лошадки ведь и на аллюре потеют, а если мы никуда не спешим, то к чему раньше времени вонять лошадиным потом... Кто пробовал, тот знает, что это отнюдь не духи и даже не одеколон! Короче — шагом.

Мерхаб и я ехали на лошадях, а Воронуша предпочитал ехать на мне, ухватившись коготками за одежду на моем плече и подогнув лапки для лучшей устойчивости. Ему до полного излечения еще требовалось некоторое время, но в своей корзинке, которая абсолютно устраивала его в начале нашего знакомства, днем он теперь сидеть категорически отказывался и перебирался туда с моего плеча, только с наступлением сумерек, отужинав предварительно в нашей компании.

Спать вороненок ложился задолго до наступления полной темноты, а просыпался, кстати, совсем не с рассветом, как его вольные сородичи. Я бы сказал даже — далеко не с рассветом, так что я даже подумывал, что с кличкой поторопился, а назвать его следовало, возможно «Сонюшей», поскольку этот мерзавец даже норовил клюнуть меня в палец, если я случайно будил его без того, чтобы немедленно предоставить трапезу. Впрочем, не исключено, что повышенная сонливость — это ни что иное, как реакция организма на серьезную травму.

Свое негодование он демонстрировал так же и когда мы наоборот — садились завтракать не пригласив его к столу. В этом случае хрипло орущий комок перьев шлепался прямо посреди скатерти и трепыхая здоровым крылом начинал метаться от меня к Мерхабу требовательно разевая рот.

Что удивительно, но с некоторых пор джинн уже не только не морщился брезгливо от одного вида вороненка, но и эти его демарши воспринимал снисходительно и с юмором, даже можно сказать, что поощрял его к себе внимание, то и дело отправляя в горластую пасточку нахалюги лакомые кусочки из своей миски. А буквально еще неделю назад, было трудно даже представить, что джинн возьмет в рот что-нибудь, чего перед этим касался вороненок!

Частично, возможно, сказалось то, что еще в таверне, аккуратно замотав Воронуше больное крыло целлофановым пакетом, я его тщательно вымыл в теплой мыльной воде с добавлением отвара полыни, так как опасался паразитов, которые случаются и у птиц. Паразитов не оказалось, но высохнув и старательно пройдясь клювом по всем своим перышкам, питомец приобрел довольно ухоженный вид.

Однако, подозреваю, что на изменение отношения джинна к моему «спасеньшу» больше повлияло то, что он убедился в его уме и рассудительности. Сначала Мерхаб просто не верил, что тот поступает разумно и понимает буквально все, что я ему говорю. Однако, став свидетелем нескольких подобных эпизодов, он впервые посмотрел на меня с искренним уважением и пробормотав что-то вроде: «С ума сойти!», начал относиться к Воронуше как к несколько экзотичному, но вполне полноправному члену нашей команды.

Сказать честно: я вздохнул с облегчением. Трудно жить, когда постоянно опасаясь, что кто-то, кого ты взял под свою ответственность, может оказаться за окном или на помойке даже без особой провинности, а просто потому, что твой спутник считает его просто блажью, исчезновения которой ты можешь даже не заметить!

Теперь же, когда в нашей скромной компании наступила почти что идиллия, можно было расслабиться и получать удовольствие от общения. Хотя, про удовольствие — это я пожалуй переборщил, ведь и «почти» сказал подсознательно, именно потому, что переносить джинна в больших дозах, оказалось реально трудно.

Пока мы жили в таверне — это ощущалось не так остро, потому что за исключением времени проводимом за обучением, да еще во-время совместных трапез, мы с Мерхабом особо не соприкасались: он периодически исчезал по своим делам.

Чем он занимался во время отлучек, — то ли пытался найти следы бывшего могущества, то ли перемещался в свое измерение — мне он не только не докладывал, но и сразу пресек проявления моего любопытства. Хоть было немного обидно, но это так же давало мне право на собственные секреты и время, проведенное по собственному усмотрению.

Так или иначе, но раньше плохое настроение джинна оставлял вне зоны нашего общения, а вот теперь, круглосуточно находясь в моем обществе, он именно на мне и оттачивал свою язвительность, сарказм и ехидство. Только во время обучения он почти не давал им воли — что и говорить, а педагогическая жилка у Мерхаба была сильна.

За прошедшие дни я убедился, что характер джинна только очень-очень корректный человек мог бы назвать плохим, а менее корректный, подобрал бы более сильные определения. Мне иногда казалось, что у него в организме имеется ядовитая железа, которую он стимулирует, тайком от меня поглощая в немереных количествах смесь из горчицы и острого перца, чтобы выплеснуть получившийся продукт на мою бедную голову!

Сначала я больше отмалчивался, но когда заметил, что это не помогает, стал давать себе волю в словесной дуэли — ехать так было веселее, но и утомительнее. Впрочем, я забежал сильно вперед и рассказал то, чего еще не случилось, а на данный момент шел всего первый день нашего пути и мне еще не успела опротиветь однообразная дорога.

Итак, мы с джинном ехали, коняшки нас везли, вороненок сидел у меня на плече, для лучшей устойчивости прижавшись горячим бочком к моей шее, а вокруг все искрилось от еще не испарившейся росы и в кустах вдоль дороги во всю щебетали невидимые в листве птицы.

Настроение, у меня по крайней мере, было благостным и, чтобы оно таким и оставалось, стоило позаботиться о занятии для Мерхаба. Поскольку уроки магии на ходу

были пока вне моей квалификации, то следовало придумать какую-нибудь интересную тему для разговора. И тут я вспомнил...

— Мерхаб, а Мерхаб, помнишь ты обещал мне легенду рассказать, про то, почему ваш горный хребет так чудно называли? Расскажи, а? Все равно делать пока нечего.

Джинн раздраженно зыркнул в мою сторону и скроил такую гримасу, что я уже подумал, что напрасно вообще затронул его: «не буди лихо, пока оно тихо», как говорится. Но он вдруг устремил взгляд поверх деревьев, туда, где вдалеке голубели в утреннем воздухе угрюмые скалы Разлучника, тяжело вздохнул, чуть ли не со всхлипом и заговорил:

— Про Разлучник есть много сказаний, легенд и просто сказок — уж больно он грандиозен и на кого-то давит своим величием, а у кого-то возбуждает интерес и будит фантазию. Кое-что из них — вымысел чистой воды, но есть и другие, которые просто старая-старая информация, сохранившаяся в форме сказаний.

Мне не хочется сейчас пересказывать легенды на тему его возникновения, а если говорить про то, как он мог образоваться в реальности, то скорее всего — это был мощнейший тектонический выброс, спровоцированный каким-то катаклизмом, или даже катастрофой космического масштаба...

Я уже знал, что Мерхаб ни какой-нибудь неграмотный «старик Хотаббыч», но все же такие слова как «тектонический выброс» и «катастрофа космического масштаба» не часто встречались в его лексиконе и я весь превратился в слух: порассуждать на научную тему, было даже интереснее, чем просто послушать легенды.

— Я знаю, что в глубокой древности, еще задолго до моего рождения, наш мир пережил ряд серьезных катаклизмов. На их счет были разные версии, от природного происхождения, до последствий магических войн неведомых цивилизаций. Не знаю кто прав, но вот что остается фактом: на протяжении веков, лик планеты менялся, менялись очертания материков, всплывали и тонули острова, возникали и разрушались архипелаги, но только одна особенность переходила из эпохи в эпоху — этот материк оставался самым большим на планете и его, почти на всем протяжении существования, всегда рассекал этот гигантский хребет. Понимаешь, что это значит?

С ответом спешить я не стал, а глубоко задумался. Вот что это может значить, если мыслить шире, исходя из масштабов цивилизации, а не отдельного индивидуума? Не знаю, нашел бы я ответ так быстро, не будь я по профессии археологом, но факт остается фактом, как любит повторять Мерхаб, догадка пришла мне в голову довольно быстро:

— Если бы я захотел оставить свой след в веках, захотел бы сохранить нечто важное, сокровищницу знаний и культуры, например, — начал я говорить медленно, будто ступая в темноте или по неверному льду, — то устроил бы хранилище именно там, где материк наиболее устойчив к разрушению... — Мерхаб смотрел на меня сосредоточено и испытующе, и я продолжил, — и думаю, что подобная мысль приходила кому-нибудь в каждой из погибших рас и исчезнувших цивилизаций...

Короткая, но яркая, как солнечный луч в грозовой туче, улыбка джинна стала мне наградой...

Глава восьмая, в которой герой доказывает, что есть нечто, что ничего не стоит, но крайне дорого ценится

Шел шестой или седьмой день настолько однообразного пути, что я сбился со счета. Эйфория и новизна первых дней пути прошли и постепенно накапливалось раздражение даже у меня, а если говорить про джинна, то он уже едва ли не капал ядом на дорогу. Пока правда, еще в переносном смысле, но если ничего не переменится, то не исключая, что это случится и в прямом!

До чего же противное существо человек... эм-м... ну и джинн тоже! Вместо того, чтобы радоваться, что едем без происшествий, мы медленно, но верно зверели от рутины.

Довольно долго мы ехали по вполне приличной дороге, когда она практически уперлась в каменный завал. Почему «практически»? Да потому, что в этом месте когда-то сошел чудовищный камнепад и на сегодняшний день, в этом беспорядочном нагромождении громадных камней, была расчищена только довольно узенькая тропинка.

Не заглубляясь я подозрительно заглянул в эту каменную щель... Ничего себе дорожка! Мало того, что конные по ней могли ехать только по-одному всаднику в ряд, так еще при этом, беспорядочно сваленные по сторонам камни, местами нависали бы у них едва ли не над головой — если покатаются, так и не увернешься!

С другой стороны, вплотную к завалу, подступали стволы вековых деревьев обширного лесного массива, если судить по тому, что он уходил в сторону на сколько «хватало глаз», а «необширные» леса мне здесь еще не попадались. Заглубляясь в лес тоже уходила довольно широкая дорога, как подозреваю — обход камнепада, но она была подозрительно запущенной и, похоже, совсем не пользовалась спросом. Гм-м... Ну и в чем здесь подвох? Намного удлинит путь? Не знаю, но спешить нам особо некуда и по мне, она все же предпочтительней того каменного лабиринта, что вел насквозь...

Джинн внимательно, но молча наблюдал за мной и заговорил только когда я уже было совсем собрался предложить объезд.

— Ну что, мой ученый друг? По твоему выразительному лицу я уже понял, что подсказал тебе здравый смысл, но это очень подходящий случай, чтобы испытать твою интуицию. Что подсказывает тебе она? Какой путь тут более опасен? — джинн смотрел на меня хитро прищурив левый глаз и кривя губы в своей коронной ехидной усмешке.

— Интуиция? Ну что ж... — и я добросовестно попытался разбудить свою интуицию.

Эта дама с трудом продрала заспанные глаза, заглянула в жуткую, каменную щель, зябко поежилась и безоговорочно ткнула пальцем в сторону лесной дороги. Я пожал плечами:

— В данном, конкретном случае, моя интуиция полностью согласна с моим здравым смыслом! — озвучил я джинну свой вердикт.

Он издевательски заржал, а потом сообщил делано-доверительным тоном:

— Я не очень высокого мнения о твоём здравом смысле, но выходит, что о твоей интуиции, я должен думать еще хуже! Безопаснее — тропинка! — выдал он свою точку зрения таким безапелляционным тоном, что чувство протеста и волна негодования затопили во мне всякое уважение к его способностям и я уже просто не мог подчиниться его

авторитету!

— Я не ставлю под сомнение твои способности... В целом... Но в данном случае, думаю, что ты ошибаешься! — выделив голосом «в целом» и «в данном», ответил я так же с издевательски преувеличенным почтением.

Мерхаба мое упрямство взбесило не меньше, чем меня, только что, его пренебрежение. Ведь не первый же день знакомы и у него уже был повод проникнуться уважением если не к моим способностям, то хотя бы к человеческим качествам, но ведь нет! Мне снова и снова приходится доказывать, что я стою не так мало, как он себе воображает! Или ему бы хотелось...

Раздражительность и дурной нрав джинна то и дело «показывали зубки» и вызывали язвительные пикировки между нами. Возможно он уже жалел, что поддавшись чувству благодарности, взвалил на себя квест по моей адаптации, а возможно он просто развлекался таким образом за мой счет...

— Ну что же, раз ты так в себе уверен, то может и ответственность за последствия на себя возьмешь?

Подавил в себе раздражение Мерхаб и опять вернулся к своему язвительному тону. Ответственность? Вот же гад! "Весовые" категории-то у нас несравнимы и в случае ошибки я просто костей могу не собрать, тогда как ему, по большому счету, ничего и не угрожает. Но и терпеть его выпады мне изрядно надоело! А, была не была!

— Конечно, мой язвительный друг! Раз уж ты оставляешь выбор за мной, то будет справедливо и ответственность за этот выбор возложить на меня, — излишне многословно ответил я в его цветистой восточной манере.

Джинн только хмыкнул, пожал плечами и пробормотав:

— Да будет так, — первым направил своего коня на лесную дорогу.

...Мы ехали уже не менее получаса, когда по правую руку от нас открылась довольно большая поляна, похожая на след от давнего пожара, только — только, всего пару-тройку лет, как начавшего зарастать душистым разнотравьем. В глубине леса, с противоположной от нас стороны этой поляны, в данный момент раздавался нарастающий шум, как будто не особо заботясь о дороге, по лесу передвигалось какое-то очень крупное животное. Мерхаб искоса бросил на меня ехидный взгляд:

— Ну что ж? Кажется мы сейчас узнаем, по какой причине эта дорога совсем не пользуется популярностью! Ты готов, мой упрямый друг?

Я с напускным безразличием пожал плечами. «Угу... Узнаем... Но до чего же не хочется признавать его правоту! Впрочем, куда я спешу? Может еще и не придется!» Ждать, действительно, долго не пришлось: ломая довольно внушительный подлесок как человек ломал бы, скажем, речной тростник, взвалив на одно плечо внушительную дубину, вырезанную из цельного ствола уже не молодого дуба, а другой рукой игриво покачивая целую тушу крупного оленя, к нам приближался великан...

Увидев нас он остановился и издал угрожающий рык. «А владеет ли он человеческой речью?» — подумалось как-то отстранено и, наверное, запоздало? Но страха все равно почему-то не было от слова «совсем».

— Ну и как тебе «причинка»? Не маловата? — продолжал ехидничать мой спутник, — и что теперь говорит твоя интуиция?

А что интуиция? При появлении великана она ни мало не дернулась спокойно его

разглядывая, а на замечание Мерхаба, только презрительно фыркнула. Ну вот сейчас и проверим, насколько я могу ей доверять в дальнейшем!

Не дожидаясь новых реплик вредного джинна я соскочил с коня и сделал навстречу великану несколько шагов, прикинув, однако, то безопасное расстояние, на котором он, при дурном раскладе, однозначно не достал бы меня своей дубиной.

Сделав эти, чисто символические, встречные шаги я почтительно приложил руку к сердцу и отвесил довольно глубокий поклон:

— Приветствую тебя, великий и уважаемый хозяин этого леса! — настолько громко, насколько позволяли голосовые связки без того, что бы не сорваться на крик, произнес я и с замиранием сердца стал ждать ответного хода великана...

А тот молчал, но выражение ярости на его лице медленно, но верно уступало место предельному изумлению.

— Приветствую и я тебя... путник... — наконец ответил он красивым и звучным баритоном не только вполне членораздельно, но и неожиданно учтиво.

Я облегченно перевел дух. Начать диалог бывает необыкновенно трудно, но поддерживать его — несравнимо проще и это уже совсем иной уровень общения.

— Мы мирные путники и хотели бы просить у тебя разрешения воспользоваться этой дорогой для того, чтобы обойти камнепад... Не сочти за дерзость с нашей стороны, но мы опасаемся продолжать путь по той ненадежной тропинке, что проложена там между камней... Мы пройдем максимально быстро и не станем докучать ни тебе, ни твоим соплеменникам или домочадцам...

Все. Достаточно. Все необходимые «реверансы» сделаны, сказано вежливо и с достоинством, причина аргументирована. Выказываем уважение, но не лебезим... Надеюсь, что интонацией передал это достаточно доходчиво... Великан с минуту молчал и разглядывал меня и моего молчаливого спутника.

— Ты, видимо, едешь из очень уж отдаленных мест, поскольку ни вежливым обращением, ни здравыми суждениями, не идешь ни в какие сравнения с человечками, виденными мной прежде... Будешь ли ты... э-э... будете ли вы... не настолько стеснены во времени, чтобы воспользоваться моим гостеприимством?

Ох ты! Ну он и загнул! Дикарь говорите, а в «реверансах» мне, цивилизованному и образованному, ни мало не уступит! А это приглашение — даже больше, чем я мог рассчитывать! Я бросил короткий взгляд на пребывающего в глубоком ступоре джинна и ответил за нас обоих:

— Мы никуда не спешим и путь наш еще долог... — еще раз повторил свой жест, но в поклоне склонил только голову, — мы с радостью сделаем привал, и с благодарностью примем твое приглашение!

Глава девятая, в которой герой доказывает великанам превосходство человеческой расы

Верите? Я категорически против спаивания аборигенов крепкими спиртными напитками! Почему только крепкими? А до слабых все народы как-то и сами вполне доходили. Только перегонка браги в самогон — это достижения уже цивилизованного общества. Сомневаетесь? А вы попробуйте сварганить змеевик подручными средствами? Во-от!

К чему я это? Да просто в гостях нам чуть было не предложили попробовать нечто... э... Нет, бесполезно, определение все равно не подберу: образования не хватит. Да — у меня высшее, то тут нужно высшее определенного профиля, так сказать. А еще лучше вообще — высшее практическое, чего не имею-с!

Короче, когда великан со звучным именем Гэрхарэд, задумчиво морща лоб стал смешивать в громадной чаше с ручками различные жидкости, очень узнаваемо благоухающие кислятиной, то я решил, что интуиция меня все же подвела и безопаснее было ехать по той стремной тропинке, нежели сейчас пробовать то, что нам предложит радушный хозяин в качестве выпивки...

Нет, граждане! Поймите меня правильно: я не трезвенник! Опустошить с друзьями под пашлычок и картошечку с солеными огурчиками несколько бутылок «беленькой», ну или «первачка», как вариант, да после баньки, да под соответствующее настроение — это с нашим удовольствием!

Ну или выцедить пару-тройку бокалов хорошего вина, под «сырную тарелку» и шоколад, да на пару с приятной женщиной, да с не менее приятным продолжением... Это, как говорится: «Всегда готов!».

Или после обильной трапезы, опять же — в интеллигентной компании, под приятный разговор, принять пару-тройку рюмок хорошего коньяка, да закусывая его тонко порезанным лимоном, да запивая сваренной по всем правилам «Робустой», или «Арабикой»... м-м... Не откажусь никогда!

Пивком, в жаркую погоду, тоже был не дурак себя побаловать. Одной-двумя кружками: пивной живот не входит в число моих фетишей! И серьезно пьяным меня не видел никто... кроме мамы...

Когда-то давно, еще в пору моей юности, после первого опыта приема алкоголя с друзьями в «подворотне», матушка предложила мне «набраться» до потери сознания. Мда... Ну во-первых — чтобы я на собственной нежной шкурке почувствовал все «удовольствие» от данного процесса и его последствий, ну и для того, чтобы определил свою меру: вот до сих я себя контролирую, а вот от сих — я в хлам! Очень полезный опыт был, знаете ли, и во многом помог мне в дальнейшей жизни.

«Употреблять» с умом — это тоже, частично, от маменьки. Это ведь она отдала меня под крыло моего незабвенного тренера, Савелия Петровича, который и просветил нас, глупых пацанов, что пить можно по-разному и если «употреблять» умеренно, с соблюдением культуры питания, то не сопьешься и до скотского нажерательства никогда не скатишься, а умеренное — способно принести тебе много радостей и сделать жизнь ярче и многограннее...

Эх! Мечты-воспоминания... А вот то, что намерен предложить нам наш хлебосольный хозяин — если и сделает мою жизнь ярче, то очень на короткий срок, после чего она окрасится исключительно в мрачные краски, а по сему, я не готов к подобной процедуре от слова «совсем»! Угу, не был готов пить подобное тогда, и не собираюсь начинать пить «это» теперь. Стоило ли в другой мир попадать, чтобы сомнительными жидкостями травиться, как малолетний недоумок?!

Ну а когда он, посмотрев на свет мутную жидкость, с плавающими в ней вполне себе узнаваемыми цельными мухоморами, плеснул в чашу еще и оттуда...!!! Я твердо решил, что таких извращенных издевательств над своей печенью, точно не потерплю!

Однако и обижать Гэрхарэда отказом, мне очень не хотелось. Мужик ведь искренне хотел потрафить гостям, отгрохал такой обильный стол, которого я в этой глуши встретить никак не ожидал! Ну то, что дичи на нем будет предостаточно — это как раз было предсказуемо, но то как она была приготовлена..! М-м-м... Мечта! У них здесь явно были и коптильни, и печи, а не только открытые очаги.

И в кондитерском искусстве их дамы толк знали, и разносолы были на столе — закачаешься! Не говорю уж про сыры, творожки и сметану! Культура скотоводства явно присутствовала у этого народа далеко не в зачаточном состоянии. Хотя-я...

Нет, покупным это точно быть не могло, судя по замечаниям великана, с которого началось наше знакомство. Да и не прокормилось бы целое племя великанов одной охотой — а то, что Гэрхарэд не одиночка, следовало из множества его высказываний. Нет, жили они не селениями, но их семейные усадьбы, одна от другой были не дальше, чем в дневном переходе.

У Гэрхарэда пары пока еще не было. Как он упомянул: был он старшим сыном в семье и отделился от родителей совсем недавно. Так что сейчас ему по хозяйству помогали незамужняя сестра и вдовья тетушка. Были, догадываюсь, и еще работники, но с ними меня Гэрхарэд не познакомил, а дамам представил, правда за стол с нами они не сели: накрыли по-быстрому и куда-то удалились.

Был великан мужчиной серьезным, положительным и, как и я, уже вполне созрел до семейной жизни и мечтал о симпатичной великанше, хозяйке для своего очага. С этим у них было все не так просто: следовало сначала завести свой дом и хозяйство и только тогда идти свататься...

Эк я, право, от темы-то отвлекся? Так значит брага! Распробовали сей продукт великаны давно. Сначала, как водится, получилось случайно, а потом и специально стали ставить бродить, ну а потом и «крепить» ее разными добавками принялись, для пущего эффекта! Одна из них, настойка грибов-пятнышей, как здесь называли мухоморы, меня и напугала.

Ну, вот. Раз решил местным напитком печень не гробить, то следовало от выпивки отказаться. А как? Способов множество, от выливания напитков «куда Бог пошлет» до отговорок болезнью или обетом, еще можно в «шахеризада» поиграть: заболтать хозяина до полной потери чувства времени, а там, глядишь и утро уже!

Но ни одним из перечисленных способов воспользоваться мне не хотелось. Вот не лежала душа и все! Поэтому понюхав то, что мне налил хлебосольный хозяин в самую маленькую из посуды, которую он же мне и выделил под выпивку, я так в лицо ему и заявил:

— Гэрхарэд, а ты уверен, что мне, человеку из очень-очень дальних краев, этот напиток

не причинит вреда? — и торопливо, чтобы великан не успел принять возражение на свой счет и обидеться, добавил, — у нас там пьют совсем другое, а здесь я и в человеческих селениях кроме эля ничего не пил...

Спросил и сразу поздравил себя с интуитивно выбранной тактикой, все же эта моя дама, как оказалось, заслуживает всяческого доверия и даже восхищения, я бы сказал! Потому, что великан отреагировал абсолютно адекватно и даже стал извиняться, что сам не подумал о такой возможности!

— Ох, Ричард, прости дурака! Вы, люди, такие хрупкие, а я и не подумал, что наше легкое пойло, которое пьют даже женщины и подростки, может тебе повредить!

Правда, упоминание хрупкости нашей натуры и сравнение с женщинами, причем, не в нашу пользу естественно, почему-то вдруг сильно меня задело за живое! Я стал объяснять, что дело даже не в крепости, а в составе...

Гэрхарэд усомнился, я стал убеждать... Вот так и вышло, что слово за слово, да... э-э... кулаком по столу, через пятнадцать минут я уже чертил угольком на столешнице схему самогонного аппарата! Потом он скопировал схему на кусок беленого полотна и куда-то услал с ним свою сестру... А уже на следующее утро я повторял инструкцию к чертежу еще одному великану — Мергелу, дядьке моего, теперь уже, приятеля...

Никого не удивляет, что за время рассказа я ни разу не упомянул джинна? А его и не было!

Нет, до усадьбы великана он со мной доехал и даже за стол сел, но едва утолив первый голод, Мерхаб сослался на важные дела и договорившись со мной о встрече в ближайшем попутном городке, слинял куда-то, покинув нас с Воронушей на милость Гэрхарэда. Вот такой вот финт! Впрочем, назад — к самогонному аппарату...

Умельцами великаны оказались великими! Знали и кузнечное дело, и стеклодувное, так что уловив идею, сам аппарат сварганили без труда, а заодно и набор стеклянной посуды под крепкий алкоголь: не их же глиняной тарой употреблять настолько деликатный напиток?! Аппарат вышел, естественно, размера соответствующего мастеру, но змеевик явно мастерила ювелир — таким крошечным и изящным он выглядел по сравнению с остальными деталями!

Мне жутко хотелось увидеть глаза великанов в тот момент, когда они опробуют продукт перегонки и я, конечно же, охотно согласился на их предложение задержаться у них в гостях еще на денек, с тайным желанием поприсутствовать, так сказать... Надо ли упоминать, что принцип очистки самогона от сивушных масел я не утаил? Так вот — не утаил и даже расписал несколько способов этого процесса.

И да — продукцию сего титана инженерного искусства я тоже собирался опробовать! А что? Самогон, по-всему, должен был выйти качественным, условия на счет закуски и приятной компании соблюдены, даже и баньку «по черному» мужики организовали, так чего было ломаться?!

Каким был результат? Да как сказать? Каюсь, не удержался я, немного, но повредничал...

Когда «накапало» столько, что хватило бы на два великанских стопарика. Приличных таких, если по аналогии, то размером как наши граненные стаканы, а для них, соответственно, как для нас небольшая стопка грамм на пятьдесят — по крайней мере такую я мог «махнуть» залпом, я стал их уговаривать:

— Гэрхарэд, Мергел, вы смотрите осторожнее, мужики! Заранее приготовьте воды на запивку и закуску какую-нибудь серьезную. И пробуйте сначала осторожно, по маленькому

глотку... — ну и еще минут на пять в том же духе!

И это все на фоне того, как сам я хряпнул стопашик, любезно сделанный Мергелом специально под мои размеры, без запивки и закуси! Ну и конечно же добился того, что они, как настоящие мушщины, разлили самогон, хитренько эдак ухмыльнулись, снисходительно на меня посмотрели, да и тяпнули первач залпом...!!!

Ржал я не скрываясь и в голос! Только прежде предусмотрительно залез с ногами на высокий подоконник, чтобы великаны меня не раздавили, когда будут искать чем запить то ощущение пожара в глотке, которое они наверняка получили!!!

Видом вытаращенных на пол-лица глаз, текущих по щекам слез и распахнутых ртов, а так же судорожным метанием в поисках воды, я был полностью отомщен за снисходительное отношение к такому «слабому и хрупкому» мне!

Глава десятая, в которой герой решает воспользоваться представившейся ему свободой

После той моей шуточки, великаны, что свойственно только сильным духом людям... ну и не совсем людям... и даже совсем не людям, но ключевое понятие тут «сильные духом», на меня совсем не обиделись, а убедившись в безвредности неприятного ощущения, даже поржали дружно над своей паникой и оценили, как ловко я их подвел к дурацкому поступку. Короче: парнями они оказались даже еще более классными, чем представлялось мне на первом этапе нашего знакомства.

Ну а после того, как количество продукта перегонки увеличилось, мы с ними перешли к следующему этапу знакомства...

Клянусь! О возможном похмелье я их добросовестно предупредил, но... Своей нормы они пока не знали, так что на следующий день мне пришлось помогать великаншам в благородном деле спасения мужиков от похмельного синдрома.

Человек я на эту тему информированный, хоть сам страдал крайне редко, но матушка сочла правильным меня просветить и с медицинской точки зрения и, что важнее, с чисто житейской. Поэтому, сам накануне остановился я вовремя и утром поднялся пораньше, чтобы уже к моменту пробуждения мужиков иметь наготове некоторые, скажем так, медикаменты...

Моз — вдовая тетка Гэрхарэда, и Мооюн — его сестричка, мое предупреждение о возможном утреннем недомогании их родственников, встретили недоверчиво, но поскольку завтрак все равно следовало готовить, то некоторое изменение в меню они приняли без особого напряжения, тем более, что я не только давал советы, но и оказывал активную помощь... ну, насколько это было в моих силах...

Состояние похмельных великанов от такого же, но среди моих «земных» приятелей, ничем не отличалось, хотя например бывший прапор ВДВ Дрюня Голец, мог выпить «беленькой» немногим меньше, чем вчера осилили Гэрхарэд и Мергел, так что по жбану рассола, каждый размером с наше классическое эмалированное ведро, они приняли с благодарностью, а уж мой фирменный хаш с острыми приправами и клюквенным соком — основа для него уже была готова у хозяйственных великанш — вообще пошел на ура!

В благодарность за него и за в целом приятно проведенное время, Мергел вызвался проводить меня по самой короткой тропинке до того города, где мы условились встретиться с джинном. Так что уже на закате я стучал в двери таверны под «изысканным» названием «На перекрестке».

По словам первого встреченного нами в этом мире трактирщика, у которого мы довольно долго гостили, пока джинн обучал меня основам магии, трактиры с таким названием, по какой-то древней традиции, существовали во всех, хоть сколько-нибудь заметных городках и мэры этих городков, тщательно следили за тем, чтобы трактир с подобным названием у них обязательно был, ибо его наличие, как бы подтверждало статус города. Здесь даже говорили уничижительно: «Да какой там город! Сельцо, даже без трактира «На перекрестке»!

Этой особенностью мы с Мерхабом и воспользовались, чтобы назначить место встречи там, где точно не разминемся. Если трактир окажется совсем уж пропащей дырой, что маловероятно, учитывая его пусть и негласный, но статус, или по какой другой причине нам

не захочется там останавливаться, то информацию о своем месте жительства у его хозяина по любому можно будет оставить за денежку малую.

Как собственно и предполагалось, трактир оказался вполне приличным и цены в нем были приемлемые, но вот «сюрпрайз» — джинна в нем не оказалось, как и какой-нибудь весточки от него. «Упс!», как говорится! И как же это следует понимать?

Сказать по чести — расстроился я несильно, пара дней, весело проведенных у великанов, для меня явно оказалось недостаточно, для того, чтобы отдохнуть от скверного нрава джинна и хорошенько соскучится по нему, настолько «хорошенько», чтобы выдержать до следующих «каникул», которые еще неизвестно когда представятся. Что он мог меня покинуть, вот так, внезапно, не предупредив и не попрощавшись, я не верил: какой бы там характер джинн не имел, но ни безответственным, ни хамом он не был. Нет его — значит задерживается и ничего более!

Однако, поскольку он не ожидал меня в Теплинне, как звался этот вполне себе приятный городок с большим количеством садов и скверов, совсем не напоминающий вонючие города нашей средневековой Европы, как впрочем и Россию того же периода — не было в нем коронной российской распутицы, когда даже летом телега могла по оси застрять в грязи посреди улицы немалого по размерам города. Ну и архитектура была иной: здесь был более мягкий климат и возможность строить что-то не такое монументальное, как российские избы и терема, жителями использовалась с энтузиазмом.

Так вот: раз Мерхаб не ожидал меня как было условлено при расставании, то значит и я имею право несколько подкорректировать договоренности. Мне уже давно хотелось пристать к какому-нибудь каравану или обозу, с коими мы во множестве регулярно встречались на постоянных дворах, и с которыми так же регулярно расходились каждый своей дорогой, хотя, напомним, такой уж строго определенной цели путешествия или «поджимающих» сроков, у нас с Мерхабом и не было.

Однако, на все мои просьбы джинн или отделялся отговорками, или вообще отмалчивался и просто поступал как считал нужным ни сколько не считаясь с моим мнением. Так что сейчас, вместо того, чтобы неведомо сколько ждать его в городе, я мог подрядиться в охрану какого-нибудь каравана и сопроводив его до следующего привала, вернуться назад или в одиночестве, или же опять напросившись к кому-нибудь в попутчики.

Сделать это было легко, так как «подсыл» от бандитов здесь не боялись, страхуясь от подобного зла элементарнейшим образом: давали малую магическую клятву на специальном артефакте, имеющемся в кармане любого «караванбаши» — дословно «голова каравана», или «старшего» обоза — ударение на второй слог.

Хотел я этого не из глупого каприза: меня донимал информационный голод! Занятий магией мне категорически не хватало для его утоления, а Мерхаб содержательными беседами меня не баловал: ему больше нравилось поучать и ехидничать. Я хотел хотя бы иметь возможность беседовать с людьми, наблюдать их быт и анализировать поступки, а джинн чурался близкого общения с «черной костью».

Подходящий для моих целей обоз я недавно обогнал на въезде в город, правда не исключено, что он в город и ехал... Но сегодня пятница, завтра и послезавтра — торговые дни и даже если ехали сюда на базар, то возвращаться-то все равно будут, да еще и с деньгами. Это не то, что грабить телеги с товаром, который еще сбыть предстоит, да и не по самым выгодным ценам, тут готовое золотишко!

Так что стеречься селяне и на обратном пути должны, да еще как бы и не сильнее, а значит от лишнего охранника не откажутся! Ну а если откажутся, то хоть в попутчики напрашусь — все не сидеть здесь сиднем, дожидаясь возвращения не весть куда умотавшего джинна.

Так что жду до завершения торгов и если Мерхаб за это время так и не объявится — еду сопровождать обоз, ну а если вернется, то значит такая у меня судьба — терпеть его выходы без достойного перерыва! В загаданные сроки джинн не объявился...

Я даже забеспокоился: уж не случилось ли с ним чего? Это ведь в нашем мире он могучий джинн, почти всесильное существо, а в своем — он лишь один из многих и я что-то сильно сомневаюсь, что сейчас он путешествует здесь, а не находится там. Только толку от моего беспокойства? Помочь все равно не могу, а сидеть и изводить себя дурными мыслями, мне что-то не хочется. Уж лучше поступить как решил.

Набросав коротенькую писульку с изложением моих соображений и планов, оставил ее, как договаривались, «На перекрестке» у трактирщика, где перед этим снял комнату на двое суток и поручив свою лошадку попечению здешнего конюха, со спокойной душой пошел набираться впечатлений.

И не только, кстати. Дело в том, что как мне казалось, пришло время утолить одну из моих страстей: еще занимаясь единоборствами я «подхватил» одну очень противную для Советского Союза «болезнь», которая называлась «мечи и прочий «холодняк»». И «лечить» ее там было и не на что — настоящее оружие очень недешевая страсть, а главное, запретов на него столько, что ей богу, с пистолетом было бы проще!

А тут — лафа: вполне официально можешь таскать на себе хоть целый арсенал! Применять — нет, нужны серьезные аргументы, а иметь — сколько угодно. Пока мы были с джинном, то заговаривать об оружии было как-то и неловко — он сам и горячее и холодное оружие «в одном флаконе» и меня на то же натаскивал, так что... Ну, сами понимаете: с характером джинна еще и нарываться лишний раз...

Зато теперь, да еще перед тем как искать работу охранника, приличный клинок купить сам Бог велел! Ну я и купил. Хотя очень не плохой палаш и не менее хороший кинжал и проделали изрядную брешь в тех капиталах, что оставил мне джинн «на жизнь». После покупок, довольный как слон, я и двинулся туда, где развлечения отвечали моим желаниям. Ну не на петушьи же бои было идти, право слово?!

Вволю потолкавшись среди торгующего и покупающего люда, я налопался разных вкусностей, что здесь продавались «в разнос» и насмотрелся на простенькие, но забавные представления кукольников и мастеров чревовещания, которые или «играли спектакли» надетыми на пальцы самодельными куклами, или развлекали публику юмористическими диалогами с очень искусно сделанными «персонами», как здесь называли комбинированных кукол, с фарфоровыми лицами и движущимися глазами и челюстью.

И если работа кукольного театра меня умилила, то чревовещатели восхищали не только мастерством исполнения, но и храбростью, так как темы, которые они поднимали в своих диалогах-монологам, встали бы поперек горла не одному властью имущему... Однако час потехи минул и пора было подумать и о деле! Мужики торг заканчивали, но расслабиться по-настоящему еще не успели, так что было самое время поговорить о работе для меня на завтра, ну и на остальные ближайшие дни.

Сказано — сделано. Охранником меня наняли, да еще и с большой охотой, так как те

мужики, что их сюда сопровождали, были попутным отрядом наемников и путь держали в более цивилизованные места, где спрос, а значит и вознаграждение за их услуги, были на порядок выше.

Я едва не застонал, получив эту информацию: вот к кому бы мне присоединиться! Но наверное все же рано, ведь я ни в их правилах, ни в привычках — не в зуб ногой! Но и в компании только с Мерхабом, если все и дальше пойдет как было, ни знаний, ни опыта для самостоятельной жизни мне не добыть!

Зато повезло мне в другом: оставаясь незамеченным мне удалось подглядеть процедуру найма охранника. Очень полезная информация, я вам доложу. Иначе, боюсь, хитрый "старшой" развел бы меня как лоха!

«Править службу», как здесь говорят, мне предстояло в компании еще двоих нанятых на это дело мужиков: могучих, про которых можно было бы сказать «поперек себя шире», если бы эта поговорка относилась не к толстякам. Толстыми мои напарники не были от слова «совсем», вот только при среднем росте имели непропорционально широкие плечи и выпуклую грудь.

Мне они напоминали гномов, хотя, если объективно, то гномьего у них, кроме густых бород, заплетенных в три косички, ничего не было. Но вот привязалось в голове «братья-гномы» и хоть режь! Звали мужиков Сулим и Нихим, и отличить их можно было только по разной «масти». Сулим был темноголов, но бороду имел рыжую, а у Нихима и голова и борода были русыми.

Хоть наши работодатели и «приняли на грудь» по приличной порции горячительного, в честь удачного торга, но выехать нам все равно предстояло на рассвете, чтобы уже затемно добраться до постоянного двора: ночевать под открытым небом имея при себе приличную, по местным меркам, сумму в серебре, мужики естественно, не хотели. А нам и лучше: они-то и в течении дня на телегах покемарить могли, а нам верхами их охранять и бдить предстояло. Однако благим сим планам, как и множеству из таковых, сбыться была не судьба...

Глава одиннадцатая, в которой герой все же находит приключения на свою голову... ну или ниже!

Спокойно мы ехали ровно до полудня, перекусив в сухомятку в седле и предвкушая остановку и полноценный обед в скором времени, однако то, на что мы наткнулись, отбило аппетит не только селянам и такому цивилизованному мне, но и казалось бы, весьма бывалым «братьям-гномам».

Они уже начали было высматривать полянку под бивак, желательно такую, на которой уже останавливались раньше другие обозы: такие поляны были оборудованы бревнами для сиденья и зачастую кострища на них были обложены камнями так, что на них удобнее было готовить. Да и запас подсушенных дров на них было принято оставлять для следующих путников.

Меня такие порядки не удивляли: довелось как-то съездить с другом к его родне в Сибирь. Так там, в лесных «заимках», всегда можно было найти запас дров, чая, соли, сухарей и спичек, а кое-где — так и сахара с крупами, и парой банок тушенки — мало ли какая беда занесет в них путника?

Вот что-то наподобие и высматривали Сулим с Нихимом, когда обоз свернул за очередной поворот...

Когда это произошло, я как раз ехал замыкающим, так как от "лихого люда" следовало стеречься не только с "головы", но и с "тылу". Поэтому, когда впереди необъяснимо застопорилось движение и послышались хоть и громкие, но не очень конкретные возгласы, я, выхватив меч, бросился на помощь напарникам, чья очередь была, выражаясь местным языком, «блюсти дозор». Вот таким бравым молодцом с мечом в руках я и выметнулся на ту полянку и уже через несколько мгновений меня и скрутил этот недуг...

Да, я блевал... Я блевал долго и... кхем... плодотворно, и мне совсем не стыдно, потому что удержать в себе съеденную накануне пищу, смогли буквально единицы! А может им просто не было чем?

Зрелище, представшее перед нашими глазами, откровенно того стоило! Живописная прежде полянка на небольшом возвышении с огромным, толстым дубом на вершинке и огибаемая с одного боку прелестным ручейком, одной стороной граничила с трактом, по которому мы сюда и приехали, а двумя другими упиралась в лесную чащу.

Накануне она видимо приглянулась какой-то компании путников, ехавших, по утверждению тех наших спутников, которые что-то смыслили в следопытстве, «верхами», но лошадок, по-видимому, увели те, кто с самими этими путниками учинили то дикое безобразие, вид которого, заставил нас исторгнуть свои завтраки. Если говорить коротко, то людей порубили «в капусту»!

Не хочу вдаваться в подробности, ибо если опишу все слишком уж достоверно и максимально близко к увиденному, то боюсь, что и все читатели после этого еще долго не смогут нормально трапезничать!

Не знаю существуют ли страны или миры, где убитых принято оставлять непогребенными, но ни мой прежний, ни этот нынешний, к таковым не относились, так что с похоронам мы провозились до самого заката: дождя давно не было и сухая земля плохо поддавалась нашим усилиям, тем более, что ни лопат, ни заступов, ни какого-нибудь еще подходящего для рытья земли инструмента, в достатке у нас не было. Ну да не бросать же

тела людей как падаль, на съедение диким зверям?

Все время, что мы возились с погребением, меня не покидало какое-то странное чувство: казалось, что на поляне мы не одни и от неведомого существа, которое по моим ощущениям, составляло нам компанию, веяло какой-то потусторонней жутью. Однако, более конкретно оно никак себя не проявляло и я решил, что просто так мое подсознание реагирует на картину массового убийства которую мы тут застали: как — никак, но такое количество изуродованных трупов для моей психики, непривычной к подобному зрелищу — явный перебор.

Тем более, что к чисто визуальному эффекту был щедро добавлен и обонятельный, и осязательный: от запаха свежей пролитой крови и от «аромата» выпотрошенных тел откровенно мутило, несмотря на то, что все уже выяснили, так сказать, «опытным путем», что блевать больше просто нечем! А липкие от крови руки, казалось, придется отмывать неделю, ну и мухи — куда же без них...

Пока завершили свой скорбный труд и отмывались в ручье, сгустились сумерки и мы, посомневавшись немного, все же решили заночевать поблизости. Ближе к лесу, с противоположной стороны от тракта, как бы за спиной великанского дуба, росшего по центру поляны, которую неизвестные «доброхоты» превратили в филиал скотобойни, была очень даже неплохая и вместительная полянка, окруженная с трех сторон густым колючим кустарником, заваленным к тому же сухими и ломкими ветками, делающими совершенно невозможным бесшумное передвижение по ним.

С четвертой стороны полянку ограничивал неширокий, но довольно бурный ручей, который помимо снабжения нас чистой и холодной водой, мог выполнять еще и защитную функцию, так что посадив дежурного напротив единственного прохода, мы могли быть если не гарантированы от того, чтобы повторить участь тех несчастных, чьими похоронами только что занимались, то хотя бы, получали шанс отбиться!

Я так подробно об этом пишу, чтобы объяснить, почему мы, здорово впечатленные той жестокостью, с которой был уничтожен отряд, остались однако, буквально в паре десятков шагов от края зловещей поляны, не смотря на мандраж, разной степени тяжести, имевший место быть в нашей разношерстной компании, ведь никому не хотелось разделить участь предшественников.

Некоторые сомнения на сей счет развеяли Сулим с Нихимом, которые быстренько сгоняли на несколько «поприщ» (хрен его знает сколько в нормальном мероисчислении это значило — спросить не рискнул) и заверили всех, что хоть подходящие для ночевки полянки там и имеются, но с этой, конкурировать в плане защищенности, они не могут от слова «никак»!

Освободив лошадей от упряжи, прагматичные крестьяне предпочли не использовать телеги для сна, а выстроили из них что-то вроде вагенбурга — дополнительной защиты, но замкнутого не в кольцо, а на заросли окружающие поляну-бивак. Естественно, что своих драгоценных коняшек, они завели в самую середину. Впрочем — я такую заботу о животных только приветствовал.

Вскорости на поляне запылали три костра: на одном планировалось готовить «снедать», ужин то есть, а два других использовались для просушки стиранных рубашках наиболее впечатлительными мужиками, которые либо реально вымазались в крови, либо которым казалось, что от одежды разит кровью — к последним принадлежал и я. Только в отличие от большинства крестьян, мне было во что переодеться...

Фактически не имея в желудке за целый день и маковой росинки, к идее приготовления пищи, все отнеслись с прохладцей: никто не верил, что сможет нормально поесть после увиденного. Однако, когда вскипятили один котелок на пробу для чая, то напиток не только пошел на «ура», но и успешно реанимировал, казалось напрочь сдохший аппетит!

И все время пока мы обустроивали лагерь, мылись и стирались, пили чай, а потом готовили кулеш, по моему фирменному рецепту (самая быстрая каша, кроме геркулеса, которого здесь не знают) и ели его, а затем разыгрывали как в «фанты» очередность дежурства, мне казалось, что тот «злой и жуткий», или просто «жуткий» — до конца я так и не разобрался, по-прежнему рядом и внимательно следит за нами с каким-то хищным, чтобы не сказать — «гастрономическим» интересом...

Ночь прошла тревожно и не только для меня: периодически кто-нибудь из моих спутников вставал и подходил к костру то попить, то покурить. Табак здесь знали, но использовали и еще несколько трав со слабым наркотическим эффектом — одни с успокоительным, другие — наоборот, с возбуждающим.

Как просветил меня Мерхаб, были и галлюциногены, но очень дорогие и посему использовались только знатю. Было даже какое-то общество с романтическим названием «Общество знатоков грез». Боюсь только, что эти «знатоки» все же не подозревали, куда могут привести их эти «грезы»!

Впрочем — речь не о дорогих развлечениях, а о том, что по моему, кое-кто из крестьян, не доверяя надежности дежурств, как раз и покуривал эти стимуляторы, подсаживаясь к караульным. Я тоже, хоть и без всяких стимуляторов, заснуть смог только ближе к рассвету, но вопреки всем моим опасениям и ощущениям, ночь прошла без происшествий.

Едва рассвет набрал силу, как крестьяне, привыкшие к ранней пробудке, зашевелились на своих подстилках, а я, промаявшись почти всю ночь, решил наплевать на завтрак и подремать подольше, но едва над лесом взошло солнце и осветило тот дуб-великан, что вздымал к небу свои ветви совсем недалеко от нас, как над поляной, где-то в вышине, раздался такой страшный крик, полный тоски и нечеловеческой муки, что меня с подстилки как ветром сдуло!

Подхватились и все остальные мои спутники, а Сулим с Нихимом оказались не только полностью экипированными, но и обнажили свои немаленькие ятаганы. Крестьяне тоже похватили кто чего имел и все напряженно уставились туда, откуда донесся этот крик.

«Ну вот,» — подумал я как-то отстранено, — «дождался, проявил себя мой незримый соглядатай! Поздновато только, как это он, после восхода? Или он не может уйти?» — вдруг резанула догадка, — «он где-то там, на дубе и ни напасть ни уйти просто не мог!»

— Надо посмотреть! — заявил я решительно, — нам еще ехать и ехать, а оставлять за спиной «непонятки» до следующей ночи — совсем не дело! Пока светло — тайком не нападешь, а не спать еще одну ночь..? Вдруг кто-нибудь из дежурных не выдержит и уснет..? Все за себя поручиться смогут? Эту ночь-то почти не спали...

Крестьяне смотрели на меня напряженно и поддержать никто не спешил. Что хуже — «братья-гномы» тоже не особо рвались одобрять мою идею. Говоря откровенно — я и сам не особо жаждал ее осуществлять. Здравый смысл вроде как говорил, что я полностью прав и надо бы все разъяснить, а инстинкт самосохранения вопил: «Ходу отсюда! Ходу!»

Мне стало стыдно своего страха, но кто-то нерешительный внутри меня, принялся уговаривать, что это не наше дело и тот «крикун» ведь не напал прошлой ночью, а если

уехать подальше, то авось и вообще отстанет! Тем более, если я прав и он от дуба отлучится не может!

Поймав себя на этой слабости я психанул: «Новый мир, новая жизнь, новая натура, говоришь? А сам, как паршивый интеллигент, опять норовишь отделаться умными словами, лишь бы оправдать свое бездействие?! Надо, наконец, из доцента в мужика превращаться!» Вынул свой палаш и попер к поляне с дубом!

Впрочем, «одиноким героем» я оставался недолго! Отдать должное «братьям-гномам», как только я взял инициативу на себя, они почти тут же пристроились прикрывать мне спину. Вот так, углом, мы и вышли на подозрительную поляну. Впрочем, вечерняя и утренние росы очень хорошо поработали, выполнили свою миссию и всякие мелкие хищники и падальщики, подбиравшие остатки кровавого пира всю ночь. Так что теперь, вчерашнее «поле кровавой жатвы», уже никого не напугало бы своим видом.

Когда мы были уже шагах в двадцати от дуба, из его кроны (теперь уже точно — из кроны), опять раздался тот душераздирающий крик, который мы уже слышали, но видимо мы все ждали чего-то такого или новизна впечатлений была утеряна, но такого панического впечатления он на нас уже не произвел.

Да и то, что слышался он из одного и того же места — сильно успокаивало. Видимо не одного меня посетила догадка о том, что неизвестный «крикун» с места двинуться не может, потому что Сулим с Нихимом понимающе переглянулись и согласно кивнули бороатыми головами, понимая, как видно, друг друга без слов.

Я даже немного им позавидовал: приятелей и довольно близких, у меня было много, но вот такого друга, чтобы понимал с полуслова я имел только пару лет, в детстве, до тех пор пока родители Сереги не переехали в другой город. Поначалу мы с ним еще переписывались, но детство полно впечатлений и не верит в то, что потеря может быть невозполнима, так что наша переписка потихоньку сошла на нет...

А вот Сулиму с Нихимом повезло больше — судьба не развела их по-быстрому в разные стороны и теперь лучших напарников им было не пожелать.

Настороженный, как кобра перед броском, я приблизился к корявому стволу местного древесного великана и задрав голову вгляделся в переплетение ветвей. Что-то там несомненно было, но достаточно высоко, чтобы толком невозможно было ничего разглядеть. Серое... кажется... или серо-коричневое, почти сливающееся по цвету с корой дубовых ветвей, если бы оно периодически не дергалось, то шансов что-то заметить, было бы несравнима меньше.

Однако «оно» дергалось. Судорожно так, похоже... Вот же черт! Что-то своим движением оно точно напоминало, но вот что?! И что теперь делать?!

Но вот странное существо дернулось еще раз и я неожиданно вспомнил, что именно мне напоминают его движения! Вернее «кого»! Точно так дергалась и извивалась куколка, когда из нее пыталась выбраться бабочка! Ой-ей! Если это так, то нам следует очень поспешить, потому что если вылупится ТАКАЯ бабочка, боюсь, никому мало не покажется! «Давите паровозы, пока они еще чайники!» — гласит народная мудрость и она права!

— Сулим, Нихим, там, кажется, вылупляется что-то кошмарное, — развернулся я к своим напарникам, — и если успеет выползти... Короче: я лезу наверх, а вы страхуйте внизу. Я или сброшу его к вам, или прибью на месте, ну или сам сигану вниз, а вы будьте начеку, чтобы прибить его, если он прыгнет следом... Понятно?

Две бороды дружно поднялись вверх и так же дружно опустились: «гномы» кивнули.

Палаш я с собой не потащил — в ветвях от него все равно было бы мало толку. Либо справлюсь кинжалом, либо... Не-е — второго «либо» не будет! Не для того я попал аж в другой мир, чтобы здесь так бездарно загнуться!

Лезть по дубу оказалось неожиданно легко: нижняя часть была покрыта настолько толстой и изрезанной корой, что было достаточно трещин, за которые можно и рукой ухватиться, и куда ступней упереться, а уж когда пошли ветви... Однако одна особенность мне бросилась в глаза, хотя вглядываться особо времени и не было: недавно здесь уже кто-то лазил и этот «кто-то», похоже, габаритами меня намного превышал!

А если учесть, что я и для своего-то мира, что называется, «росточком удался», да и плечи у меня... А в этом мире, где «высокими» считались те, кого у нас выше «средних» бы не посчитался, то выводы напрашиваются неутешительные! Кто-то, видимо, ожидает появления этой... ну, будем называть и дальше «бабочкой», за неимением лучших аналогий... И навещает ее, и следит за развитием... При этом «он» крупный и наверняка сильный, и пребывает от нас в опасной близости... Может и сейчас откуда-нибудь следит за нашими действиями и вмешается, в случае чего...

«Ой, ей!» — едва не взвыл в голос, — «да это же самка следит за тем как развивается потомство!» А как самки его защищают, надеюсь, никому не надо рассказывать?!

Казалось бы, ничего себе так выводы, подходящие. Верно? И вроде вполне аргументированные... Но насколько же далеки они оказались от реального положения вещей!

Глава двенадцатая, в которой герой узнает, кого именно он нашел...

Подстегиваемый всеми этими мыслями о скором вылуплении местного чудовища и о возможном наблюдении еще одного чудовища... «женского полу», я добрался до таинственного кокона быстрее белки, охраняющей свой склад орехов! Когда серебристо-зеленовато-серое покрытие (все-таки не серое и совсем даже не коричневое!) оказалось прямо над головой, перебрался на другую сторону ствола и дальше лез уже там. Прикинув, что нужную высоту уже набрал, стал осторожно переходить к цели...

Потрясающей красоты нежное девичье лицо, с закрытыми глазами и со страдающе изломанными бровями на белом, будто алебастровом высоком лбу, с обижено изогнутыми алыми губами, оказалось настолько внезапной находкой, что я едва не сверзился с дуба прямо к «братьям-гномам» под ноги и поговорка моего мира: «Ты что, с дуба рухнул?» едва не обрела реализацию в мире этом!

Впрочем, самоирония конечно вещь хорошая, но каким образом это дивное существо оказалось на дереве и какое она имеет отношение к тем диким воплям, что разносились над округой, следовало выяснить максимально быстро. Оглядевшись и поняв, что никого больше поблизости не наблюдается, а то, что я принял за кокон, ничто иное как подобие нашего спального мешка, только связанного из какой-то суровой пряжи и девушка просто подвешена в этом мешке на дубовые ветви.

Все ее тело было упаковано в этот диковинный чехол так, что только изящная головка с буйной гривой темных, спутанных волос, торчала наружу. Красавица видимо пребывала в таком положении довольно давно, так как явно лишилась чувств от голода и жажды...

И нет! Даже не хочу думать, что делается у нее в мешке в таком случае... Я уже не в том по-дурацки романтическом возрасте, когда можно пребывать в заблуждении о наличии в организмах прекрасных дам неких физиологических процессов... Хотя, думать можно и не думать, но учитывать желательно!

И хоть никакого запаха пока не чувствуется, но это не означает, что «рассупонивать» девушку следует далеко от ручья и в присутствии кучи ротозеев, а наоборот — желательно без лишних глаз, чтобы не засмущать красавицу до смерти, поблизости от проточной воды, а так же с костром, полотенцем и хоть с какой-то сменой белья!

Какое она имела отношение к тем, напугавшим нас едва ли не до недержания, воплям? А жертва! Что же еще? Кем и для кого оставлена — вопрос другой, но статус красавицы, у меня, по крайней мере, не вызывал ни малейшего сомнения!

Правильные выводы? Как считаете? Вот и мне они казались совершенно логичными и снова я ошибался и еще слава Богу и моему ангелу-хранителю, что моя ошибка выяснилась до того, как я принялся осуществлять свои планы...

Потому что едва я протянул к красавице руку, как она вскинула веки, опущенные, к слову, самыми густыми и длинными ресницами, которые мне когда-либо приходилось видеть, а посмотрелся я на них, и на искусственные в том числе, предостаточно, и уставилась мне прямо в глаза... огромными, янтарно-желтыми глазищами, с черными и узкими как у кошки, зрачками... Все, занавес, клиента можно уносить...

Эффект был настолько силен, что я не сразу вспомнил как дышать! Все это время

дивное существо молча меня разглядывало, но стоило мне шевельнуться, как оно... м-м... она, наверное все же «она», зашипела, тоже, вполне себе по-кошачьи и попыталась тяпнуть меня за руку, которую я, в шоке от происходящего, своевременно не убрал подальше!

Мда... И что же теперь делать? Нет, спускать ее отсюда нужно однозначно, но если раньше я думал, что вполне справлюсь с этим и один, поскольку девушка выглядела достаточно хрупкой, то теперь, приближать ее лицо к своей шее, да и к прочим частям тела, у меня не было ни малейшего желания!

Однако, тут возникал еще один вопрос: а как ее воспримут мои спутники? Не говорю даже про крестьян, а хотя бы Сулим и Нихимом? Боюсь, что если они пожелают мою «находку» попросту прибить, то не смотря на то, что мечом я владею прилично, моего спортивного опыта может не хватить против их боевого и девчонку я отбить не смогу...

А что касается крестьян, то в их реакции я не сомневаюсь: консерваторы до мозга костей и такие же мракобесы, они, я думаю, одинаковы для всех миров, объединенных одним временным периодом! Средневековье — есть средневековье!

Не знаю, чего бы я там надумал и, к счастью, теперь уже не узнаю никогда, потому что удивительная девица опять задергалась в своем коконе и я обратил внимание на некоторое утолщение у нее в районе живота. Присмотревшись я понял, что там имеется что-то вроде кармана и в нем что-то лежит.

Ни без некоторого трепета, поскольку на ум мне пришли кенгуру с их сумками и кенгурятами, я довольно бесцеремонно, в том смысле, что не поинтересовавшись мнением хозяйки, имею в виду, а не без осторожности, сунул руку в этот карман и едва ее не отдернул, наткнувшись там на что-то прохладное и гладкое, но в следующую секунду уже опознал кожаный чехол, который мог оказаться ножнами или футляром. Однако форма выпуклости кармана, скорее говорила в пользу последнего, в чем я и убедился, подцепив его пальцами и достав на свет божий...

Находка оказалась довольно коротким кожаным тубусом, коричневого цвета, в которых здесь хранились особо ценные папирусы, один из которых, правда украшенный золотой инкрустацией и драгоценными камнями, мне с просветительскими целями, как-то продемонстрировал Мерхаб.

Не долго думая я открыл его и вытряхнул на ладонь... Да, это тоже был папирус, но в каком виде?! Грубо оторванный от какого-то другого куска, смятый, он был испещрен небрежно или крайне торопливо начертанными знаками местной письменности, с которой я, хвала тому же Мерхабу, был уже неплохо знаком и гласил: «Тому кто найдет! К защитному кокону находится княжна Мартиника Лилитиль Нугварская, которую мы везли в обитель св. Мартиники для лечения от вампиризма, но подверглись нападению адептов ордена Праведности и Чистоты. Если ты это читаешь, то из нас не выжил никто. Мы решили спрятать княжну в кроне дуба и предоставить все воле Всевышнего! Княжну надлежит доставить либо в обитель св. Мартиники, ее покровительницы, либо ее отцу, князю Нугварскому. Заклинаем тебя своей кровью выполнить это. Храни Бог княжну и того, кто ей поможет.»

Вот так вот: хоть и в явной спешке, но со всеми знаками препинания и ссылками на Всевышнего! Уважаю...

И все становится намного проще, хотя и намного сложнее... О чем это я? Объясняю: сомневаюсь, что при нынешнем культе кастовости, кто-нибудь из крестьян рискнет поднять руку на княжну, будь она хоть сто раз вампиршей! Это раз. Два — это доставка ее к месту

назначения. Угу. Очень прибыльное предприятие, от которого никогда не откажутся наемники. А значит о Сулиме с Нихимом тоже можно не беспокоиться, но! Вот тут вылезает просто гигантское «НО», в виде какого-то «ордена Праведности и Чистоты», который в фарш изрубил немаленький и неслабенький отряд сопровождения... Угу, но княжну пока не нашел, а нас только трое...

Глава тринадцатая, с которой, по сути, и начинается КВЕСТ!

На счет спутников, всех без исключения, я не ошибся, ну почти. А в том, в чем и ошибся, то все равно — в лучшую сторону: княжна-вампириша оказалась лицом неприкосновенным, но поживиться от сопровождения этого «лица», пожелали не только мои напарники по охране. Пара крестьян тоже решила присоединиться к сему опасному предприятию и даже порекомендовала приятелей, которые пока находились дома, но наверняка тоже будут не прочь подзаработать... Впрочем — по порядку...

Лазать вверх-вниз по дубу я не стал: покричал напарникам и сбросил им чехол с запиской — читать они умели, что к слову, выяснил еще «старшой», при нашем найме. Подождал их реакции и не ошибся в ожиданиях: через три минуты, пыхтя с непривычки, они разглядывали мою находку.

Княжну, при этом, увеличение количества таращившихся на нее крупных мужчин, казалось, не трогало вообще! Только если кто-то неосмотрительно пересекал некую, воображаемую черту, она шипела и клацала зубами.

— Ни хрена себе! — выразил общее мнение Сулим, который в этой паре молчунов, был все же немного поразговорчивее. — не в себе девка, в помрачении... — констатировал он данный факт, когда челюсти княжны клацнули в опасной близости от его пальцев, которыми он пытался пощупать «кокон» в который та была погружена.

Однако даже тени агрессии не проявил, как я и предполагал, впрочем, окончательно успокоив меня на этот счет. Нихим молчком полез чесать затылок.

Я считаю, что надо везти... — сделал я им посыл для размышления, но оказалось, что зря старался: мнение на этот счет они уже имели.

— Надоть... — кивнул мне Сулим, — тока решить следоват, куды? К папане ейной, страшновато — кнез все жи, а в монастырь — так далече слишком. Не довезем с етим орденом на хвосте...

И он вопросительно посмотрела на напарника, который согласно кивнул:

— Эгеж...

— А вам, что же, у князей наемничать не доводилось?

— Неа, мы тута, по малости... Прибыль канешна не та, да нам хватает, а Нихим? — его напарник на этот раз только согласно мотнул бородищей.

— Ну, так если дело только за этим встало, то переговоры с князем я на себя возьму, не беспокойтесь. А везти, раз говорите, что до монастыря дольше, лучше действительно, к отцу.

Мужики переглянулись и теперь согласно кивнули уже оба.

— А крестьяне как? На вилы ее не поднимут? — решил я подстраховаться: выводы выводами, но сколько их я уже сегодня сделал? Ага, и все неверные.

— На вилы? Да с чего бы?! — поразился моему вопросу даже Нихим, а Сулим подхватил его фразу, разъясняя мне мое заблуждение.

— Канешна! Дело-то обычное! Даже в селе, ежели кого вампирюга покусает, то коли вовремя неладное заметят, али если свидетель был, то сразу на костер не тащат — в монастырь святого покровителя везут, чтобы тот у Господа душу укушенного отмолил, — говорил он странно на меня поглядывая, — а я смотрю ты издалека, раз таких простых вещей не знаешь? Да и говоришь вроде по нашему, а понять тебя бывает с трудом... Не бастард ли

какова кнеза, что обчаться с ними привык?

Теперь уже я в затылок полез: врать или не врать, вот в чем вопрос? А если врать, то не заврюсь ли часом? Выбрал «золотую середину»:

— Я и вправду издалека. Князю не бастард, а просто помер отец раньше чем меня признал, а родня его нам с матушкой не благоволила. Вот я и решил счастья на чужбине попытать... А знания у меня больше книжные — что прочел, о том знаю, чего ни читал — нет... Ну и речь — книжная, да еще и говор у меня не здешний.

А что? Ведь ни словом же не соврал! Мама с папой хоть и не расписанные были, но ведь не по их вине — намерения ведь тоже нужно учитывать. Так что «бастардом» мне зваться вроде и не стоит? Хотя с другой стороны, а не по фиг ли? Тут как ни скажи, лишь бы потом не ошибиться, а я не ошибусь, поскольку никогда себя незаконнорожденным не считал, да и мама так говорила...

Сулим видимо почувствовал, что я тверд в своих словах, ну или моя версия вполне совпадала с его догадками, потому что он только крякнул и сочувственно похлопал меня по плечу:

— Из княжичей, значит, да в наемники? Эх, судьба! Ну да ниче, может и лучше, что свою долю сам у Судьбы зубами вырвешь? Она, Судьба-то, смелым и упорным благоволит... Ну, чо! Девку-то как отсель сымать будем? — резко сменил он тему.

Показалось мне или нет, что он о судьбе как-то не так говорил? Будто о живом существе, что реально обитает где-то поблизости? Впрочем, простонародные суеверия принимают иногда такие причудливые формы..!

Хотя-я... а чего я, собственно, удивляюсь, если у них тут в порядке вещей покусанных «вампирюгой» людей по монастырям возить?! Может и судьба у них не просто понятие, а именно, что «Богиня Судьба», а ни как иначе? «Другой мир, батенька, а ты к джинну привык, а то, что это тоже не напиток, а совершенно необычное существо, как-то подзабыл?!» — попенял я себе мысленно, — «привыкай уже, давай! Да и прав Сулим — сколько еще можно на этом дубе желуди изображать?!»

С проблемой спуска, вопреки моим опасениям, справились мгновенно: мужики мигом сбегали за вожжами и Нихим приволок их ко мне на дерево, а Сулим остался страховать нашу «находку» снизу.

Меня за вожжами не погнали — немного, едва заметно, но их отношение ко мне после «откровений на дубе», переменилось. Стало более уважительным, что ли? Говорю же: кастовость — страшная сила! Будь я хоть с голой ж...й в прорехе, но «княжич» и этим все сказано! «А я еще, к тому же, ничем таким в прорехах не блещу и палаш у меня хороший, и лошадь «справная», да и разговариваю «по книжному» — «белая кость» однако!» — похихикал я мысленно и стал обвязывать княжну для спуска, по мере сил уберегая руки, да и лицо, от ее укусов: не хватало, чтобы и меня «вампирюга» покусала! Вдруг у них здесь монастыря святого Ричарда не имеется?! Кто меня отмаливать-то будет?

Как и предсказали мои напарники, крестьяне восприняли известие о несчастье с княжной с достаточным пониманием и, что немаловажно, дали ряд полезных советов с чисто крестьянской практичностью.

Во-первых — все дружно заявили, что «футляр» княжны сплетен из заговоренной пряжи и вынимать ее оттуда «не следоват»! Во-вторых меня просветили, что укус

новообращенного вампира, до тех пор пока он сам охотится не начнет и не погубит первую свою жертву, для людей не опасен. Молодой вампир как бы еще немного живой, ибо душа его не покинула, а вот со смертью первой жертвы, отлетает и душа погубителя...

Ну, как-то так, в общих чертах. Там еще столько нюансов было, что у меня едва мозги не закипели и что там действительно соответствует реальному положению вещей, а что чистое «народное творчество» и плод суеверия — лично я, выяснять бы не взялся! На трезвую голову, по крайней мере. Сюрпризом для меня оказалось только то, что не все пожелали самоустраниться от рискованного предприятия, которое нами затевалось.

Да! Совсем забыл упомянуть про моего верного спутника Воронушу! Крыло его зажил еще до посещения нами гостеприимных великанов, но летать самостоятельно он не любил. То ли память о боли была еще сильна, то ли лень чистой воды, которой не чужды никакие живые твари, но он либо скакал поблизости от меня, либо сидел у меня на плече, вспоминая о том, что он все же птица, только когда подворачивалось что-то интересное с его, птичьей, точки зрения. Но и тогда, удовлетворив свое любопытство, птенец возвращался на мое плечо. Говорю «птенец», потому что желтенькая окантовка на его клюве, хоть и поуменилась, но еще не пропала совсем.

Так вот: Воронуша шарахался от княжны как черт от ладана! Хотя, подозреваю, что не от «княжны», а от «вампириши», коей она являлась по сути. Крестьяне, в отличие от джинна, моего вороненка объявлять «грязной вороной» совсем не торопились, а к тому что я его лечил, отнеслись, неожиданно, с пониманием.

Честно? Я был удивлен. Мне казалось, что голый альтруизм этой категории граждан, не свойственен категорически! Но нет: пожалуй животинку, хоть и такую бесполезную в хозяйстве как ворона, было для них понятно и если что и вызывало некоторые вопросы, так только то, что это я, здоровый мужик, наемник, а проникся к бедолаге сочувствием...

Реакцию Воронуши на вампиришу мне тоже «объяснили», как то, что «ворон — птица мертвых, а не мертвый и не живой вампир, претит ему как соль нечистому»! Вот так, не больше и не меньше. Попутно рассказали, что по реакции вороны, можно отличить «вампириюгу», когда он в человеческой личине, а такое, по крайней мере по их словам, — случается. Так что объявлять ворону «бесполезной в хозяйстве» я поспешил!

Ехать решили сначала к ним в село, благо дело, что оно находилось почти в той же стороне, что и княжество Нугварское, да и договор на сопровождение следовало соблюсти и закрыть, что было и справедливо, и отката от неисполненной магической клятвы позволяло избежать.

Там запастись припасами, прихватить верховых лошадей для тех крестьянских парней, что пожелали нам компанию составить, да их «охочих» приятелей «поспрашать», ну и рвануть «напрямки», тропами, известными только местным охотникам, прямо до княжества отца нашей вампириши!

Я был откровенно рад подобному плану, поскольку меня сильно напрягала мысль об ордене Праведности и Чистоты, что мог повиснуть у нас «на хвосте», следуй мы по обычному тракту...

Княжну, не вынимая ее из «футляра», разместили в телеге на сене, причем крестьяне позаботились о «пологе» — укрытии от солнца. Оно не то, чтобы обжигало вампиришу, но сильно ее беспокоило и делало излишне агрессивной.

Дружно взявшись всей компанией они за какой-то час сплели нечто среднее между мелкой, длинной и узкой корзиной и шалашом косарей, тем, что только для ночлега, и

закрепили его над девушкой. О том кормить вампиршу или «погодить», мнения разошлись: я по натуре совершенно не терпел, если рядом со мной был кто-то голодный. Да что там! С моей легкой руки, у нас на даче даже домовые мыши были сытыми и упитанными моими стараниями! И если вампирша действительно не опасна, то я готов был поделиться с нею кровушкой.

Прочим моим спутникам тоже немного крови жалко не было, но они боялись, что после еды вампирша окрепнет настолько, что сможет выбраться из кокона и тогда нам всем мало не покажется. Девушка членораздельной речью не владела и поддержать или опровергнуть теории крестьян не могла.

Мне, естественно, тоже не было желательно освобождение существа, про которое я совершенно ничего не знал достоверно, но знать, что мелкая и худенькая девчонка больше двух суток голодает и ничего не предпринять в этом направлении — было выше моих сил!

Поэтому, наплевав на все доводы крестьян и собственного рассудка, я опять решил довериться интуиции, ведь до сих пор эта дама была вполне достойным моим помощником. Я бы даже сказал — напарником и единомышленником!

Прогнав мужиков подальше от телеги с нашей загадочной то ли поклажей, то ли пассажиркой, мы с Сулимом и Нихимом, которые к своей чести, покинуть меня отказались, принялись кормить «вампирюгу». Но поскольку я, вспомнив разные истории из литературы моей Родины, где говорилось о способности некоторых видов вампиров почти мгновенно опустошать «донора», то было решено подстраховаться максимально!

В результате происходило это так: Сулим сел в такую позу, чтобы держа голову вампирши у себя на коленях, было удобно фиксировать ее лицо — мне не улыбалось, чтобы та рванулась и вцепилась зубами мне в руку. А именно руку, левую, я и надрезал по ребру ладони от мизинца к запястью. Почему так? Ну вроде как удобнее направлять струйку крови. Я же накормить девчонку хотел, а не умыть и тем более — не искупать в своей крови. А таким способом, сжимая и разжимая кулак, можно было еще и усиливать кровотечение. Ну и последнее — резать вены я почему-то опасался, а раз уж действую по интуиции...

Нихим остался на подстраховке и вооружившись где-то подобранной дубиной, стоял наготове, чтобы оглушить вампиршу, если что-то пойдет не по нашему плану. Прежде чем лезть в телегу, я одобрительно на него покосился: постановка ног, изгиб торса, мощные напряженные мышцы рук — все говорило о том, что дубиной он владеет прекрасно и самой же вампирше будет лучше, если она обойдется без фокусов.

Впрочем, едва струйка крови оказалась у нее над губами, как девушка принялась ее ловит и жадно глотать ни делая никаких попыток вырваться из рук Сулима или приподняться. Из чего я сделал вывод, что вампирша разумнее, чем кажется. Этот вывод подтвердился спустя минут пять, когда мы закончили «пробное» кормление: глубоко и как-то «сладко» вздохнув, вампирша расслабилась и прикрыв глаза сказала совершенно членораздельно:

Благодарю, господа, — и тут же сонно засопела.

Поглядев после этой фразы на лица своих напарников, я догадался, как выгляжу сам..!

К слову: обращение «господин», «госпожа», «сударь», «сударыня», а так же почему-то «синьор», «сеньорита» и «синьора» — были здесь вполне в ходу. И если две первые пары употреблялись как «приставки вежливости», то последняя тройка применялась в обращении исключительно к крупным владельцам земель (достоинством не ниже графства) и их

наследникам, что подчеркивалось обязательной приставкой «владельческий» или «владельческая» соответственно.

Крестьяне, правда, употребляли еще слова «господарь» и «господарыня», но это непосредственно к своим арендодателям, у которых состояли на «земельном договоре». Такими являлись все мелкие владельцы земель, предпочитающие сдавать их в аренду крестьянам, до баронства включительно.

Крепостничества или другой равнозначной формы собственности на людей здесь не было, но существовала и лазейка: так называемые «должники» и «закладные». И если смысл кабалы первых понятен, то про вторых, кроме того, что в «заклад» можно отдать своего ребенка или жену, я до конца не уяснил, запутавшись в многочисленных оговорках и уточнениях, зачастую противоречивых, что было свойственно просвещавшим меня крестьянам.

Еще были и «пленные» — взятые в плен воины, при полноценном вооруженном конфликте между государствами, а еще могли быть угнаны в неволю граждане другого государства, проигравшего в войне. Про этих крестьяне практически ничего не знали, поскольку пока им с такими людьми сталкиваться не приходилось...

Короче: как везде — рабство вроде вне закона, но рабы имеются!

Глава четырнадцатая, в которой у героя разрешается несколько житейских вопросов

Когда мы, все втроем, в полном шоке от внезапно заговорившей «человеческим голосом» вампириши, вернулись к крестьянам, то после нашего рассказа, нам было совершенно спокойно заявлено, цитирую: «Так а шо ж вы хотели?! Вампирюги завсегда када голодные, человеческий облик теряют, а становятся совсем как зверье бессловесное!»

— А что же вы раньше это нам не сказали! — заорал я первое, что смог выговорить после такой тирады «трехэтажного», который я, интеллигент в Бог знает каком поколении, даже сам от себя не ожидал! Я-то вампиришу почти как животное воспринимал, а она, оказывается, вполне себе девушка!

Правда как на крестьян, так и на наемников, моя лингвистическая эскапада произвела совсем не такое действие, как я ожидал: им вполне понравилась! По крайней мере — намного больше, чем моя обычная речь. А Нихим, выслушав меня открыв рот, даже решил поделиться впечатлениями, вопреки своему обыкновению, пробурчав вполне членораздельно:

— Ты смотри, — толкнул он в бок напарника, — даже по человечески говорить умеет, а я уж думал... — и опять замолчал, видимо, до следующего душевного потрясения...

А я в растерянности полез в затылок: такая реакция простых людей открыла для меня несколько иной ракурс восприятия моих с ними взаимоотношений. Как там у нас говорили? «Будь проще и люди к тебе потянутся»?! Вот поговорил я на дубе с напарниками и их отношение ко мне заметно потеплело, а следом и крестьяне стали на меня поглядывать с некоторой толикой симпатии. Так может действительно, не стоит так уж сильно закрываться от них под панцирем отчужденности? Открыться... ну, пусть «приоткрыться» и подпустить ближе?

Вот например, я уже ни раз замечал заинтересованные взгляды окружающих на футляр с моей семиструнной подругой, но достать ее не решался. «Кто его знает, — думал с изрядной опаской, — как воспримут это мое пристрастие окружающие... э-э... — ну, будем называть вещи своими именами, — простолюдины?» Не люблю это слово, но что делать, если оно отражает суть что крестьян, что моих напарников? И поймите меня правильно: речь не о «простоте» как таковой. Крестьяне, с их житейской сметкой и постоянным «себе на уме» и простота, в уничижительном ее значении, — вещи буквально несовместимые. Но вот если судить в плане воспитания и образования...

Не хочу сказать, что они прерогатива исключительно власть имущих, нет, среди тех такое быдло образованное встречается, что ни приведи Бог, ни один простолюдин не сравнится! Но существует определенный менталитет, сформированный среди крестьянства — вот что я имею в виду. Я-то наоборот, думал, что могу предсказать реакцию знати на то или иное мое поведение, а крестьяне — для меня темный лес. А выходит-то все совсем не так!

Что я о знати знаю? Ну, например, что на Земле в их среде — игра на музыкальных инструментах вроде бы как приветствовалась. В некий временной период — точно! Считалось даже, что это входит в программу обучения знатного ребенка. Однако ведь были и времена, когда это считалось прерогативой исключительно плебса! Причем подчеркну: «на Земле»! О здешних я вообще ничего не знаю.

Джинн, например, и сейчас считал, что мне не стоит даже доставать гитару, в присутствии местной знати. Хотя я бы рискнул: что я потеряю-то на данном временном промежутке?! Не примут? Чихну и уеду в другое государство, где придержу свои таланты исключительно для личного пользования. А примут — вообще отлично: стану местных дам земными песенками охмурять!

А сейчас вдруг как откровение меня посетило: крестьяне все поймут правильно, не стоит опасаться, что умение играть на музыкальном инструменте, да еще таком сложном как гитара, меня принизит в их глазах! Наоборот — мое владение инструментом сыграет мне на руку. Надо же, почти скаламбурил: «гитара сыграет на руку»! Так что не зря я ее с собой потащил — она нам скрасит еще не один вечер...

Обрадованный этим открытием, я уже более спокойно выяснил, что «голод вампирюгам застит разум» и они почти не помнят того, что творят сами или что делают с ними в это время. Так что смущения красавицы-вампириши, по пробуждении, я напрасно опасался, а то ведь мы такие интимные детали при ней обсуждали..!

Мужики не просто так нас ждали, а накрыли качественный такой «дастархан», в смысле — место для сытной трапезы. Вчера-то мы не особо изощрялись, похлебали кондер по моему рецепту, да улеглись ночевать — не говорю «спать» — сон тот еще был! А теперь «вампириюгу» на дереве нашли, причину ночного мандража поняли, расслабились, а соответственно и аппетит проснулся.

Когда я разглядел, чем предстоит «снестать», то аж замычал от предвкушения!

— Чего мычишь? — тут же пристал ко мне «старшой», — али не любо?

— Наоборот! Любо и очень! — тут же заверил его я и поспешил к накрытой белым «рядном» полянке: розовое сало толщиной в четыре пальца мужской руки, с равномерными мясными прожилками, ноздреватый, еще свежий хлеб, белоснежные луковицы, щедро накромянные на четыре части, бардовые помидоры, да полведра вареной «картохи» «в мундирах» — надо быть дураком, чтобы от этой благодати нос воротить! Для полного блаженства мне не хватает малости...

А вот об этом-то я и не подумал! Про гитару, олух царя небесного, целый психологический экскурс забабахал, а вот о том, как простой люд воспримет мое умение колдовать — ни на минуту не задумался! Счастье просто, что и это они повидали и у них в деревне даже ворожея была. Нет, все же наш брат интеллигент, зачастую «задним умом крепок». Ну или действует, сплошь и рядом, через задницу — кому что ближе, выбирайте, не стесняйтесь...

— Ептыть! — шарахнулся от меня вправо старшой.

— Хух! — скопировал его движение мужик сидевший слева, а уже через секунду вся только что благостно расслабленная компания, напряженно тарасилась на исходящую горячим паром и умопомрачительно благоухающую только что сваренным кофе, кокетливую белую чашечку с золотым ободком!

— Упс! — я смущенно развел руками, стараясь не выплеснуть на кого-нибудь горячий напиток.

Похоже, что манипуляция чистой силой сыграла-таки со мной дурную шутку, как и предупреждал Мерхаб! Творить заклинание на «автопилоте» мне еще долго не светит, а вот так «пожелать» — это я всегда пожалуйста. Вот и дожелался...

— Сразу предупреждаю — особо ничего не умею — две-три мелочи мой предел! — тут же постарался охладить горячие головы, ну и на будущее: знаю я этих мужиков, если сразу

не прибьют, то тут же приспособят на роль Золотой Рыбки!

После моих слов мужики заметно расслабились, а «старшой», которого, к слову, звали почти земным именем Харитон, на слух, по крайней мере, хмыкнув сказал, усаживаясь на прежнее место:

— Ты, княжич, прям как та шкатулка с сюрпризами, — блеснул он знанием мудреного словца и горделиво задрал бороду, — что не день, то находка! У тебя «старшая кровь»-то по отцу или по матушке будет?

Ну и что мне ему отвечать? «По джинну», что ли? Поэтому сказал чистую правду:

— Ни у матери, ни у отца в роду ничего подобного не наблюдалось...

Потом, естественно, отвечал на вопрос: «А чаво такова чернова пьешь, что пахнет так вкусно?» Однако попробовать не один не решился, ибо «барская блажь» и «не пристало», впрочем — я не особо то и настаивал.

— А чаво еще из ворожбы умеешь, — принялся расспрашивать меня Харитон, когда страсти вокруг кофе поутихли, — наша-то ворожка скотину от овода заговаривала, окот облегчала, колодец почистить могла и даже родник призвать... Вообще сильна была баба, да не убереглась: зимой на своем же крыльце на наледи оскользнулась, да виском-то обкованный засов и приложила! Натуська, ученица ее, на шум-то выскочила, но помочь ничем уже не смогла! А ей, Натуське-то, еще учиться да учиться было, ничего пока толкового как ворожка учудить не может. Пока тока коровам роды облегчает, да заговаривает им вымя на хороший удой...

— Не, я вымя точно заговорить не смогу! Да и колодец почистить — тоже вряд ли, — тут же открестился я от хозяйственных проблем, — я все больше для личных нужд. Щетину со щек убрал, рубашки у меня всегда свежие. Кофейком вот себя балую, а так чтобы нормальный стол организовать — проще на рынке купить, да руками все сделать!

Он понимающе покивал кудлатой головой:

— Бладобреи у нас без надобности, да и кофей твой, одно баловство. «Старшая кровь» она такие шутки любит — вроде проявилась, а толку-то от нее... Эх! — и он махнул рукой и на меня, и на мою никчемную магию. Раз скоту от меня пользы нет, то и на что нужна та сила?!

А я мысленно перекрестился: перейти в разряд обыденности, бывает намного спокойнее. Обойдусь я как-нибудь и без всемирной известности. «Тем более, что мне, как той Натуське, учиться да учиться! Как там мой джинн поживает? Появился уже или нет и что сказал, если появился?» — как-то сами собой перескочили мысли на Мерхаба. Не то, чтобы я по нему соскучился, но намного спокойней было бы знать причину его отсутствия...

За всеми этими заботами да разговорами, да еще потому, наверное, что крестьяне не особо-то и спешили возвращаться к своим повседневным проблемам, (ну это я так думаю, потому что ни с кормлением и обустройством княжны на телеге, ни позднее, с трапезой, никто из них нас с напарниками не торопил, да и сам не торопился), выехали мы когда солнце уже прилично поднялось на небосводе, да так же неспешно, совсем не погоня лошадей, тронулись по дороге к конечной точке маршрута. Ночевать нам, как я понял, что спеши, что нет, а все равно еще одну ночь на чужих кроватях предстояло. Спасибо, что хотя бы на этот раз не под открытым небом, а в более цивилизованной обстановке...

Глава пятнадцатая, в которой герой переживает ночное приключение...

К вечеру прибыли на постоялый двор. Правда не на тот, на котором планировали заночевать вчера, а прилично так подальше, но мне это было совершенно без разницы. Сначала, как только телега с княжной въехала на подворье, там начался настоящий шумер: коровы в хлеву замычали, овцы заблеяли и устроили в своем загоне настоящий гон по кругу, кони на конюшне храпели и били в стойла копытами! Форменный дурдом!

Я почему-то сразу понял, что это живность так нашему визиту «радуется» и уж было хотел назад поворачивать, но Харитон, вот же бывалый мужик, покопался недолго у себя в сумке и вынул какой-то голубой камешек на простом шнурке, покачал его над княжной, потом телегу пару раз вокруг обошел и вся живность мигом успокоилась.

— Что-то я не видел, чтобы наши кони так на княжну реагировали, — удивился я, не припоминая, чтобы «старшой» накануне подобные манипуляции проводил.

— Да ты просто не обратил внимания — тогда все больше следили, чтобы в крови не уделаться или не наступить на что не следует. А я сам решил, что кони так на ту бойню реагируют — крестьянские лошадки-то, к кровище непривыкшие... А потом и успокоил их, когда вы ее с дерева сняли.

Я понимающе покивал в ответ, радуясь, что так просто разрешилась серьезная проблема.

Трактирщик, правда, все равно успел это безобразие засечь и подошел к нам за объяснениями. Я уже думал, что все, ночевать мне опять в чистом поле с вампиршей под боком, но нет, обошлось, он, как и крестьяне ранее, вполне спокойно и с пониманием отнесся к тому, что под его кровом проведет ночь «вампирюга».

— Случается, — чинно упрятал он за пояс большие пальцы обеих рук, — что мимо возят укушенных в монастырь отмаливать и у меня, бывает, останавливаются. Главное, что вы про вампиршу знаете, а не тайком она с вами путешествует. Тогда беда — всех ночью пожрет! Бывали случаи, там где скотину не держат. Люди-то вампирюг не чувят, только скотина.

— А мне сказали, что их только вороны чувят, — не удержался я, чтобы не влезть в беседу.

— Так то истинных, — посмотрел на меня мужик как на младенца, — эта переродится, так тоже акромья ворон да воронов ее никто чувять не будет! А пока вон какой переполох наделали, хорошо, что у вашего «старшого» баюн-камень имеется. Хотя я тоже обзавелся, не без того, но так все два лучше, чем ни одного! — рассудительно закончил он свою речь и пошел хлопотать о нашем устройстве.

Девушку я на руках перенес в самые лучшие покои гостевого дома — были здесь предусмотрены и такие. Если обычные — это просто комнаты большого размера или поменьше, с одним спальным местом или с несколькими, то «покои» состояли из двух помещений: проходной «гостиной» и изолированной «спальни». В гостиной я планировал сам ночевать, а спальню предоставить княжне.

Вообще — это разделение на «гостевой» дом и «харчевенный», видимо от слов «харчи» и «харчеваться», мне очень понравилось. Когда мы с джинном проживали в таверне, то я не

раз сетовал на то, что разгулявшиеся и подвыпившие мужики чуть ли не до утра шумят, а нередко, что и бузят, за лишенной звукоизоляции перегородкой.

Только и спасался тем, что Мерхаб, когда я ему вконец надоел жалобами на шум, стал на наш номер «полог тишины» ставить, ворча и язвя, как водится, по поводу «избалованных сибаритов», которых «испортили блага цивилизации» и на капризы которых, ему приходится тратить драгоценную манну. А здесь хорошо придумали — пируют в одном помещении, ночуют — в другом. И тихо, и запахи кухни не беспокоят. Там, правда, тоже номера были, но намного дешевле, для совсем уж непритязательной публики.

Кормили вампиршу на этот раз мы вдвоем. Признаюсь — по моему настоянию. Много крови мне терять не хотелось, а мысли про то, что ей еды маловато — точили меня не хуже жука-древоточца! Маленькая ведь, худенькая такая, легонькая, а сколько на дереве провисела, пока мы ее обнаружили, да и потом она вряд ли досыта наелась: открывать себе кровотечение я не планировал, а небольшую рану как не береди, а все равно кровь быстро сворачивается и много из нее не выжмешь.

Еще меня беспокоило, как все-таки в этом своем чехле, девчонка обходится с физиологией, но допрошенные на этот раз «с пристрастием» крестьяне, хором заверили меня, что «вампирюгам» с их метаболизмом «это дело» так часто как нам, простым смертным, вроде как и без надобности — усвояемость крови почти стопроцентная, да еще и заговоренная пряжа чехла на них успокоительное действие оказывает, ну и в плане физиологии все процессы тоже тормозит, поэтому, кстати, и спит она тоже так много...

Худо-бедно успокоившись на сей счет, я позвал Сулима с Нихимом и уже без прежних многочисленных предосторожностей, раз уж клиентка оказалась вполне коммуникабельной, мы провели процедуру кормления. Так что на этот раз на ужин с перевязанными руками пошли мы все трое.

Вот от чего я в этом мире в полном восторге, так это от местной кухни! Там, в двадцатом веке, мы все уже даже забыли, что говядина и свинина должны отличаться по вкусу. Да, и не только от портянок, но и друг от друга! Что утка и курица, это разные птицы и тоже на вкус друг на друга не похожи! Что печеная индейка — это почти деликатес, а не нечто среднее между мясным блюдом и дровами для растопки каминов. Про гусей я вообще молчу: у нас в России гусятина — это одно сплошное разочарование!

А здесь аромат печеного гуся можно почуять еще на подходе к харчевне! И спутать его с той же печеной поросятиной, не смог бы ни один едок, не говорю уж про гурманов. Вот и сейчас, едва выйдя из гостиного дома, мы с братьями-гномами дружно потянули носами и так же дружно хекнули выдыхая: жареный гусь просто требовал, чтобы мы прибавили ход!

Однако, по прибытии я соблазнился еще и местной лапшой с потрохами — тоже скажу я вам, вещь! Я еще помнил мамину домашнюю, самодельную лапшу, которую она готовила с потрохами птицы, купленной на колхозном рынке — никаких бройлеров с птицефабрик! Однако до местной, та кура не дотянула, видимо сказывалась кормежка комбикормами...

Потом случилось забавное — крестьяне похвастались трактирщику, какой у них необычный охранник: мало того, что княжич из обедневших, так еще и колдун, умеет потрясающий по вкусу напиток наколдovывать! И это при том, что никто из них мой «сказочно вкусный» кофе попробовать так и не решился! «Сдавать» трактирщику, который представился дядькой Михалом, своих хвастливых спутников я не стал, а наоборот кивал да поддакивал, про себя угорая от смеха.

Правда потом им за болтливый язык расплачиваться пришлось, когда дядька Михал уговорил меня на всю компанию кофе наколдовать, не бесплатно, а за то, что постой для меня даром выйдет. Ну а я возьми и согласись — уж больно мне хотелось видеть, как мои спутники выкручиваться будут! Ничего — попробовали, не умерли. Кое-кому даже понравилось. Даже большому количеству дегустаторов, чем я ожидал.

Если решу отказаться от короны и где-нибудь осесть простым обывателем, то можно будет кофейню открыть — местные примут, даже сомневаться нечего. Но это я так, по приколу. Попытать судьбу насчет чего-то большего, пока желание не пропало.

Короче — вечер прошел весело. Для меня по крайней мере. Так что спать я ушел за полночь, а вот в номере меня ждал сюрприз...

Вваливаюсь, эдак небрежно в свою комнату, куда по моему желанию был принесен нормального размера топчан, взамен стоявшего там ранее, коротенького и узкого диванчика. Благостный и расслабленный, с твердым намерением проверить напоследок княжну, да и завалиться спать!

Крестьянам что, они привычные, хоть и киряли все дружно до полуночи, но завтра все как штык повскакивают чуть свет, в отличии от меня, который в прошлой своей жизни предпочитал все подобные мероприятия планировать под выходные, чтобы иметь возможность полноценно выспаться после. Однако, благим этим намерениям, как впрочем и большинству их собратьев, исполнится была не судьба...

Надо сказать, что те два номера, что считались в местной градации категорией «люкс», были угловыми и в обеих комнатах имели по нормальному, полноценному окну, что я оценил еще при найме, так как ненавижу спать в духоте. Эти окошки даже были оформлены игривыми занавесочками, в отличии от всех прочих, менее престижных номеров, сей привилегии лишенных. Вот на подоконнике этого окошка и поджидал меня «сюрприз».

Как я не ломанулся сразу же на выход — загадка по сей день! То ли мужская гордость меня тормознула, то ли пресловутая интуиция, а может все же на скорость реакции сказалось выпитое спиртное, но я не повернул назад, не заорал и даже не ойкнул, хотя все эти реакции были бы вполне оправданы, так как освещенная яркой полной луной, на подоконнике расположилась вампирша!

— Та-а-ак... Значит выбралась? — немного хрипло начал я диалог и кашлянул, убирая из голоса малейший намек на страх — хищникам нельзя демонстрировать слабость! Либо ты владеешь ситуацией, либо ты — пища и никак иначе! В ответ неожиданно раздался приятный перелив девичьего смеха:

— Чудн о й... Чего там выбирать-то? Или ты думал, что в кокон меня насильно засунули? — спросила княжна мило наклонив головку и беспечно покачивая одной стройной ножкой в сапожк е из мягкой кожи, тогда как другая, согнутая в колене, стояла на подоконнике и служила опорой для девичьего локотка.

Я невольно обратил внимание на белоснежную, будто светящуюся кожу на ее лице и на тонкой, аристократической кисти, которая сейчас расслабленно свешивалась и на длинные, изящные пальчики девушки.

— А разве нет?! — искренне поразился я, так как действительно считал, что тот мешок из зачарованной ткани защищает больше окружающих от вампира, а уж потом — вампира от окружающей среды.

— Конечно нет. Меня ведь не по желанию обратили, а наоборот — чтобы подчинить.

Меня совсем не радует такое бессмертие, — с ударением на «такое» заявила девушка, — так что в монастырь я вполне добровольно ехала и в кокон легла, потому что не хотела в случае чего, в период возможного беспамятства, навредить окружающим. Вот как в воду глядела: эти монстры из ордена не могли, чтобы не вмешаться! Таких ребят погубили... — с неожиданной тоской закончила она и вдруг с детской непосредственностью ткнула в окошко пальцем, — а твоя птичка от меня сбежала! Вон она, на яблоне ночевать устроилась.

Я непроизвольно шагнул к окну, чтобы посмотреть и тут же руки княжны с неожиданной силой обхватили меня за шею, а ее лицо оказалось прямо напротив моего. Она двигалась с такой скоростью, что того момента, как она из расслабленно-сидячей позы оказалась стоящей на коленях на подоконнике, мое зрение не уловило!

Сознаюсь честно — я шарахнулся! Но девчонка с ловкостью обезьяны обхватила меня за талию ногами, а попавшийся сзади мне под колени топчан усугубил ситуацию и через пару секунд я уже полу-лежал на нем с оседлавшей мои бедра вампиршей.

«Попался!», — метнулось паническое.

— Попался, — игриво мурлыкнула княжна томным шепотом, — поиграем? — и столько сексуальности было в ее интонациях, что я немедленно успокоился: кошечка сыта и желает других развлечений, подсказала мужская интуиция.

— А не куснешь? — полушутя уточнил я у этого создания.

Она чуть вывернула голову в сторону, в ярком свете полной луны демонстрируя мне очень красивые, густо-синие глаза с длинными, изогнутыми ресницами:

— Видишь? Пока не вытянется зрачок и они не поменяют цвет — я в рассудке, можешь не переживать за свою шею, ну а потом... я отправлюсь спать в свой кокон и ты опять, сможешь не переживать... ни о чем... Хотя-я... — протянула она «бархатным», невыносимо сексуальным шепотом, — ты так хорошо накормил меня своей кровью, что я не скоро потеряю рассудок... Очень, очень не скоро... — намекая, с очень многозначительной и двусмысленной интонацией промурлыкала девушка и потянулась губами к моим губам.

— Да наплевать! — рывкнуло во мне что-то лихое и бесшабашное, — когда еще подвернется ТАКОЕ приключение?

Да и не собирается она нападать, чувствую же...

Заглушив остатки здравого смысла, острая до боли волна сексуального желания ударила по рецепторам и рыкнув что-то нечленораздельное я одним движением перевернул девушку и впился губами в ее приоткрывшийся с готовностью рот...

Дальнейшее запомнилось отдельными отрывками: вот кажется только-только мы соединили губы и я, углубляя поцелуй, отстранено, мельком отметил, что клыков и правда, совсем не чувствуется, как уже половина одежды оказалась на полу и я жадно сминая ее упругие груди, чтобы через секунду прильнуть губами к торчащими соскам и услышать ее первый стон наслаждения...

Вот пытаюсь стянуть с нее бриджи, а она со смехом напоминает, что не лишним было бы сначала их расстегнуть и помогает это сделать своими тонкими ловкими пальчиками... А в следующий момент эти пальчики уже сжимают мою возбужденную, вздыбленную плоть и я убей, но не помню, когда стянул собственные штаны...

А вот тот момент, когда зацеловав это миниатюрное тело до алых отметин я первый раз вошел в него, я помню отчетливо, и то ощущение горячей, влажной плоти, медленно, упруго, но уступающей моему напору, мне еще долго будет приходить в эротических снах, пятная простыни характерными пятнами...

А потом события опять пошли урывками: вот только что княжна с силой выгнулась подо мной, упиравшись в подушку растрепанной кудрявой головой и застонала так, что ее оргазму, казалось, позавидовала сама луна, беззастенчиво наблюдавшая за этой сценой, а следующий эпизод — прекрасная девушка сидящая на мне в позе наездницы и вскрикивающая при каждом движении классическое:

— Да, да, да... — и мои жадные руки сжимающие ее нежные ягодицы...

И да — проснулись мы в обнимку, но на постели княжны и тот момент, когда она предложила перебраться в ее комнату я смутно, но припоминал, так как после «надцатого» раза мозги, хоть и с трудом, но начали участвовать в процессе, а некоторые позы приятнее отрабатывать на более широком полигоне, нежели мой скромный и несколько жестковатый топчан...

Мое утреннее появление за завтраком, мои спутники и немногочисленная прислуга встретили откровенно завистливыми взглядами и многозначительным кряканьем, — видимо ночью мы с княжной изрядно пошумели... Мда, неловко получилось, но раз уж получилось...

Однако, хоть и поглядывали с любопытством, но с расспросами ко мне мужики сунуться не решились, поскольку на их взгляды я ответил своим, отработанным, которым и раньше отвечал на заинтересованные взгляды коллег и приятелей и который — прямой, строгий и самую чуточку агрессивный, ничуть не располагал к разговорам и скабрёзным шуточкам. Раньше срабатывал он безупречно, сработал и сейчас, и только Силим пробормотал будто ни к кому не обращаясь:

— И не побоялся же...

И то ли одобряя, то ли осуждая, неопределенно помотал кудлатой головой.

Глава шестнадцатая, в которой герой выясняет, что его авторитет существенно подрос

Всю оставшуюся дорогу до деревни княжна сладко проспала в своем коконе, в который сама же и перебралась с кровати, но мне уже было намного спокойнее: информация из первых уст — это не тот коктейль из вымысла и суеверий, приправленный толикой реальных фактов, которым я был вынужден довольствоваться с подачи крестьян.

То, что сытая княжна вполне могла себя контролировать, да еще и делала это вполне добровольно, очень радовал и обнадеживал меня. Тем более теперь, когда наши отношения немного вышли за рамки формальных. Нет, нет, нет! Про детали «неформального общения» вспоминать как раз не стоит!

И тут на меня напал ржач: проведя с княжной предельно бурную ночь, я так и не удосужился с ней познакомиться! Ну, то есть банально обменяться информацией об имени, я имею в виду. Как, однако, это по земному! Или здесь тоже действует поговорка, что «секс не повод для знакомства»? Моветон, однако, надо исправляться!

И хотя мое имя княжна вполне могла слышать из обращения моих спутников, да и слышала, наверняка, но это совсем не означает, что не было необходимости представиться, например в самом начале разговора, все же статус ее никто не отменял, вон как крестьяне кланялись и вообще обращаются очень почтительно, хоть между собой и называют «вампирюгой», но это скорее общее название таких существ и напрямую княжны не касается...

Мда... а я тогда не то, что струхнул, но напрягся конкретно, вот и упустил счастливую возможность продемонстрировать свои светские манеры... Однако то, что продемонстрировал, возможно в полной мере компенсировало недостаток вежливости? Судя по реакции девушки, уж что-что, а этикет ночью ее интересовал меньше всего.

Стоп, не вспоминать, я сказал! Однако непослушные мысли норовили все время съехать на тему ночного приключения и не смотря на то, что я точно не опозорился как мужчина, все равно хотелось бы знать, захочет княжна продолжения или у нее это типа «сезонного обострения», связанное с полнолунием, например? Как оно вообще бывает у вампиров? И что девушка станет чувствовать, когда с нее снимут это наваждение? Вдруг пожалеет? Впрочем — моей вины перед ней по любому нет...

Сам не заметил, как с темы приятной ночи съехал на совсем не приятную тему ордена и орденов. Для чего уничтожать неинициированного вампира, если его вполне можно отмотить?! Мракобесие какое-то! Даже крестьяне относятся лояльно к этой беде, а уж таких перестраховщиков, как этот слой населения, еще поискать надо, а тут не смутило, что пришлось уничтожить целый отряд совершенно здоровых мужиков, чтобы добраться до княжеской дочки...

Стоп-стоп-стоп, а не здесь ли собака зарыта? Ведь девчонку сначала попытались обратить против ее воли! «Подчинить», — кажется так она сказала? Ну и кто это мог ухитриться проделать, под отцовским-то крылом? Возможно «копали» под репутацию князя? Или не под репутацию?

А ордены погнались за кортежем... Зачем? Чтобы убить или все же закончить обращение? Сами по себе они действуют или в сговоре с теми, кто хотел обратить княжну? Или их просто натравили, когда первоначальный план постигла неудача?

Что им надо, этим орденцам, и что грозит от их рук девушке? Неплохо бы разобраться, важно это для меня или нет? В том смысле, как расставить приоритеты? Тем более, что отряд, как понял, возглавлю именно я — Сулим дал мне понять это еще в самом начале, а значит и ответственность за людей ложится на меня.

Добровольно я девушку конечно никому не отдам, но и разделить судьбу тех, кто сопровождал ее до нас, тоже очень бы не хотелось и если напрямую смерть ей не грозит, то это сулит варианты и свободу маневра... Однако информации для правильных выводов мне явно недостает!

— Княжич, — кто-то неожиданно тронул меня за плечо так, что я аж вздрогнул: тут такая тема в голове и вдруг за плечо хватают!

— Я зову тебя, зову, а ты будто уснул, — Сулим, причина моего конфуза, смотрел совсем не насмешливо, а скорее виновато, — задумался, княжич? О том, как дальше княжну повезем?

Ого! А тревожно-то не одному мне, выходит.

— Да, — кивнул головой, — сильно, понимаешь, меня этот орден тревожит. Как думаешь, они ее убить хотели или просто не пустить в монастырь? «Не нашли» на дереве или специально оставили?

— Не пустить..? — Сулим полез в затылок, — знаешь, я как-то об этом не подумал, но вот сейчас ты спросил и мне тоже как-то странно показалось, что они ее не нашли и просто уехали. Если специально гнались, то должны были все в округе обшарить, а тот дуб — в первую очередь! — мужчина даже глаза прикрыл, видимо прокручивая варианты, — только и специально оставлять... тово, не укладывается как-то. Не надежно... Вот мы же ее нашли? Кто другой тоже наткнуться мог и тоже первым делом в монастырь вампирюгу повез бы...

— Любой бы повез? А если бы не знал, что княжна?

Сулим пожал плечами:

— Кто ж его знает? Чужие мысли, сам понимаешь... но большинство все же захотели бы помочь живой душе. На крайняк — прибили бы, но оборота ни кто бы не допустил — это же грех какой, вампирюгу в мир допустить?! Так что, либо и впрямь не нашли, либо на «авось» понадеялись, либо... — он замолчал на целую минуту, а потом выдал философски, — либо случилось что-то такое, про что мы не знаем!

Угу. Нехватка информации просто вопит в уши! И не мне одному.

— Так ты чего меня звал-то? — вспомнил я с чего начался наш разговор.

— А? А-а... Так это, там мужики спрашивают, на обед останавливаться будем или лучше поскорее до деревни доехать? Если без обеда, то задолго до заката приедем...

Оп-па! А с каких это пор на такие темы моим мнением интересоваться стали? Раньше Харитон нас, охрану, просто перед фактом ставил. Эк мой авторитет вырос всего за одну ночь! Интересно почему: из-за кофе, или из-за... э-э... по другой причине?

— Думаю, что лучше скорее в деревню, — с вопросом взглянул в лицо наемнику, — там уже и повечеряем нормально, а кто сильно голоден может и на ходу чего-нибудь перехватить? Как думаешь?

Сулим довольно заулыбался и опять в затылок полез:

— Так ить, ты наверное прав, старшой, лучше поскорее в деревню... Все же спокойнее, с такой-то поклажей...

— Ну, значит так и решим, передай Харитону, — сказал и будто не заметил, что он меня «старшой» назвал. Но приятно, что уж душой кривить?

Добрались до деревни, как и обещал Харитон, когда солнце только стало клониться к закату и облака у горизонта еще не покраснели, а пока что только зарумянились. Телеги, в процессе следования по центральной улице, одна за другой сворачивали в подворья — как и большинство известных мне деревень, эта имела одну улицу и все дома были построены по обе стороны вдоль нее.

«Для защиты — не очень», — отметил где-то на заднем плане рассудка, — «видимо тихо у них тут или хозяин земель крут и лих, раз налетов распалившихся соседей или разбойников не боятся».

Позднее оказалось, что я и прав и неправ одновременно. Деревня под оригинальным названием Бесов Ложок, могла себе позволить не заботиться о защите, так как располагалась в очень удачном месте, так называемом «ложке», о безопасности которого, позаботилась сама природа. Овраги и чащи закрывали поселение с одной стороны, с другой — длинным «языком» тянулись болота, третья сторона треугольника частично была прикрыта озером, а проход караулил замок владетельного синьора, так что лезть в этот природный мешок было себе дороже. Тем лучше — хоть отдохнем по-человечески!

Когда телега со спящей на ней княжной осталась, как здесь говорят «сам в двоих», то есть на пару с еще одной, к моему удивлению не Харитона, а скромненького мужичонки в рубаше с заплатками на локтях, впереди показалось богатое подворье, куда и свернули наш возничий Митря и этот самый мужик, имени которого, я, видимо, так и не узнал. По тому, что встречать его никто не выскочил, я сделал вывод, что он здесь в работниках, если вообще не «закладной».

А Митря чувствовал себя, что называется, «звездой»! По-свойски постучав рукоятью кнута по ставням он громко рывкнул на выглянувшую на стук женщину:

— Хозяина зови! Гости к нему... — и подмигнул в нашу сторону.

— Вот же, прохиндей, наверняка планирует угоститься «крепленным» на халявку! — шепнул мне Сулим и я с ним согласился — уж больно красноречивая харя была у Митри!

Как раз в этот момент мы удостоились лицезреть и того, у которого этим вечером нам предстояло стать на постой и, честно говоря, впечатление он произвел на меня... не очень. Малоросл и толст, практически до состояния колобка, улыбается льстиво, но глаза при этом, смотрят холодно и как бы не зло. Неприятный тип, короче, и слава Богу, что общаться с ним нам недолго. А Митря, тем временем, разливался соловьем, расхваливая нас с напарниками, мое княжье достоинство, а главное — возможные выгоды от отца княжны. Упомянул даже, что при ней «грамотка» была, в которой все «расписано».

В этом месте я чуть по лбу себя не саданул: страдаю, что нормально барышне не представился, прежде чем в койке ее ублажать, не знаю, как теперь поделikatнее ее имя узнать, но ведь я его в той самой «грамотке» читал, а значит можно будет это так обыграть, что вроде так и задумано было, раз мы заочно, как бы, знакомы! Вот же! Своей соплеменнице я бы не задумываясь в шуточной форме все выложил, а перед княжной комплекую. В жизни бы в себе это не заподозрил!

Или, не приведи Бог, дело в другом? Тьфу-тьфу, сгинь, рассыпсья! Только влюбиться мне не хватало! В вампиршу! Романтик, блин... Хотя-я... Нет-нет, никаких «хотя»! Я же приключений хотел, путешествий, а стоит жениться и будешь у жениной юбки сидеть, княжество «дозором обходить» да перед тестем выслуживаться! Нет. Сдам красавицу отцу и слиняю, от греха! Самое оптимальное решение. Да и из загаданного мной идеала, у княжны

кроме красоты и сексуальности вряд ли еще что-то новое для меня обнаружится...

Глава семнадцатая, в которой герой готовится к отражению атаки, а его спутники находят странный кинжал...

Мартиника Лилитиль Нугварская... Мартиника... Ника... Лили... — освежив память (помощью письма-завещания неизвестных мне охранников, я мысленно перебирал имена княжны, «катая» их на языке, подбирая то, как бы мне хотелось ее называть... ну, если прошлая ночь не окажется разовым мероприятием... Наконец остановился на Лилли, именно так, с ударением на первом слоге и двумя «л», остальные имена как-то «не ложились» на это хрупкое создание, с нежной, будто светящейся кожей, похожей на жемчуг.

Нет, полное имя ей как раз вполне подходило, но не станешь же называть девушку в постели полным именем? Ага, еще и с титулом! А что? Прикольно вышло бы, после каждого особо страстного действия шептать: «Ваше сиятельство, княжна Мартиника Лилитиль Нугварская!» — пока все выговоришь — уже рассвет и да — на более интересные вещи времени не осталось!

Под эти нескромные мысли, извлек из телеги кокон с княжной и понес в «светелку», которую выделил для нее хозяин, наслаждаясь ощущением легонького девичьего тела на своих руках. Потом мы все, имею в виду всех охранников, тщательно вымыли руки и покормили нашу подопечную. На этот раз, расхрабрившись, предложили ей кусать самой и с удивлением отметили, что при кормлении таким образом, руки остаются целыми: вот отпускает княжна твою кисть, а проколы от клыков затягиваются так быстро, что едва их наличие отметить успеваешь! Так что «травить» раны, которые мы себе раньше нанесли, в прошлое кормление, совсем и не пришлось. Что же — еще один плюс в пользу девушки.

А потом была ночь... Не хочу вдаваться в подробности, но комплексовал я зря: если это и следствие «сезонного обострения» у вампиров, то оно еще не закончилось. Ну а что там будет дальше — вот когда будет, тогда и поглядим!

Галопом, рысью, шагом... Галопом, рысью, шагом... Когда чувствуем, что лошадки начинают «палиться» — привал. Время давно перевалило за полдень, а выехали мы с рассветом, проспав едва ли по пять часов. Я — меньше... За удовольствия надобно платить, знаете ли. Про княжну не говорю — она вчера за день отлично выспалась. Но про отдых думается меньше всего: поганое чувство, что нам «дышат в спину», от которого встают дыбом волосы по всему телу и постоянно хочется оглянуться, изводит не меня одного, но и «братьев-гномов», что страхуют Лилли, которая теперь едет верхом, сзади и спереди. Я — в арьергарде, поэтому вижу их короткие, но частые взгляды через плечо.

Однако оглядываться — напрасный труд, поскольку нас либо еще не догнали, либо отслеживают каким-то артефактом, потому что погони не видно и не слышно топота копыт, даже если приложить ухо к земле — способ, который здесь практикуют, как мне объяснили. Правда или очередное поверье — не знаю, как уже сказал, услышать, ни у меня, ни у напарников, ничего не получилось.

Наконец, чувство опасности стало настолько сильным, что я не выдержал и не слушая возражений спутников на тему «так ведь никого не слышать», приказал всем свернуть с торной тропы, на какое-то заросшее травой ответвление, под прямым углом отходившее от

прежнего нашего пути, ведущего во владения отца-князя по прямой, по которой повели нас деревенские охотники, подрядившиеся в сопровождение княжны, как и пророчили прежние спутники.

К слову, хоть я и не скрывал возможные опасности нашего предприятия, кроме нас с княжной и Сулима с Нехимом, желающих попытать счастья набралось аж семнадцать добровольцев, из которых семеро промышляли охотой и хорошо знали лесные тропы, однако та часть леса, по которой мы ехали теперь, была им уже почти незнакома, ну кроме той тропы, которая самым коротким путем вела в Нугвару, куда они не раз продавали добытые шкуры.

Так вот: то ответвление, на которое я приказал свернуть, хоть и было пошире тропы, но явно давно не пользовалось популярностью, однако при этом так настойчиво манило меня за собой, что я решил довериться чутью. Интуиция, до сего момента неоднократно проверяемая Мерхабом, меня еще ни разу не подводила, так почему было не рискнуть довериться ей еще раз?!

Отдельно Нехиму велел срубить молоденькую елочку и привязать ее на веревке к седлу, чтобы можно было волочить за собой по следу. Маскировка так себе, хреновенькая, честно скажу, особенно если нас выслеживают с помощью артефакта, но в такой ситуации как у нас, ничем пренебрегать не стоит, а навредить-то уж точно не навредит! Соответственно, теперь Нехим стал замыкающим, а я с княжной сместился в авангард.

Когда заброшенная дорога закончилась на огромной поляне с не менее заброшенным подворьем у ее дальней кромки, с довольно большим бревенчатым домом в два этажа на каменном фундаменте, посередине того, что когда-то было подворьем, я даже и не удивился особенно — ждал чего-то подобного. Ко входу в дом вела широкая каменная лестница, из-за чего он больше напоминал усадьбу какого-то богатого человека, нежели скромную сторожку лесника с хозяйственными сараюшками или приют охотников.

На господский «охотничий домик» он тоже не тянул — уж больно много нежилых построек было на подворье. Ну как построек? Развалин таковых — это было бы вернее. Я вообще-то в сельской жизни понимаю мало, но зачем в охотничьем домике, будь это собственность знатного синьора или сторожка простых охотников, какие-то еще постройки кроме, скажем, конюшни или сараюшки для шкур? А тут их навскидку не менее пяти виднеется, даже характерный холмик погребка торчит, если я не обознался.

Жилой-то дом явно из сосны строился, да из цельных бревен, да на каменном фундаменте, да окна ему перед тем как бросить, рачительные хозяева забить приказали, не исключено, что вернуться планировали, да видать не судьба... Так что он сохранился не чета всем остальным постройкам, которые скорее угадывались, чем узнавались, даже и не скажешь, что стоит заколоченным приличное количество лет. С одной стороны — очень даже хорошо, в той ситуации, что мы оказались, а с другой — выламывая запор повозиться нам пришлось изрядно, тем более, что дверь ломать я запретил — еще послужит нам службу!

Так что совсем не заржавевший, будто заговоренный, замок, пришлось из двери вырубать вместе с петлями, А ощущение приближающейся опасности совсем не ослабевало и в дом мы уже не входили, а вбегали, ведя на поводу коней — благо дело, что телег у нас теперь с собой не было, а груз мы уложили в переметные сумы и нагрузили ими подменных лошадей. Княжна тоже уложила свой зачарованный кокон в переметную суму, но совсем расставаться с ним не рискнула и теперь эта сума висела на луке ее седла.

Предчувствие нас не обмануло: едва разместили коней в просторной гостиной, как

Онег, молодой парень из охотников, которого я погнал на второй этаж в качестве наблюдателя, заполошено оттуда скатился и тараща глаза заорал:

— Старшой! Едут!

— Ты чего орешь-то? — шикнул на него Сулим, ящерицей скользнув ко входу и приникая к щели, — здесь глухих нету!

— Ладно тебе, — махнул я на него рукой и спросил сразу у обоих, — уже на поляне или еще на дороге? Сколько их?

— Так эта... На дальнем краю... одного увидал... — ответил Онег, а Сулим только дернул плечом и отошел от двери.

Я глянул на явно струхнувшего парня и мотнул головой: мда, информативно, нечего сказать! Потом кивнул напарнику:

— Ты, Сулим, ступай-ка на верх лучше сам, а то этому горе-воину хрен знает что привидеться может!

Не смотря на общее напряжение, мужики заулыбались, а парень покраснел и юркнул куда-то за конские крупы.

— Так, Нихим — ты к двери, если что — свисти! Остальные — разошлись по комнатам, проверили везде ли окна забиты, а тождемся гостей через дыру, — и сам первым направился к левой двери рассуждая на ходу:

«Убирать качественно прибитые доски не хотелось бы, но если найдутся подходящие щели для лучников... Хотя-я... их ведь и прорубить можно, если аккуратненько... и если нам время позволит. Отбиться в этом... блокгаузе, назовем его так, шансы вполне приличные — сначала стрелами на расстоянии, а если ворвутся, то отступая по лестнице, уже мечами. Все зависит от того, сколько врагов у нас на хвосте...», — обходя дом по периметру комнату за комнатой прикидывал я стратегию боя.

Наконец круг замкнул, встретившись с теми, кто пошел направо — даже и не ожидал, что комнат окажется так много. А это хреново, господа! По два человечка на комнату получается, и это если всех на первом этаже оставить, а ведь второй занять тоже было бы не худо! Или всех на второй вести? Тогда нас просто подпалить могут, а это совсем пропавший вариант. Нет, как решил: сначала бьемся на первом, выбивая как можно больше врагов на расстоянии, а уж потом...

— Эй, старшой, — послышался характерный тенорок Митри, с какими-то странными интонациями, — ты тока поглядь чаво тут такое!

Я пригляделся: большая часть той сборной солянки, которая называлась гордым именем «отряд сопровождения» и которую я послал осматривать комнаты, очутившись за толстыми стенами как-то быстро успокоилась и вместо выполнения моего приказа, столпилось вокруг чего-то, чего из-за их спин видно не было.

«Твою ж бабушку...» — так и просился на язык родной трехэтажный, но я глубоко вздохнул и подавил в себе сей порыв: орать на крестьян дело зряшное, они к этому привыкли настолько, что просто отключают слуховые рецепторы до той поры, пока «барин не проорется». Так что спросил вполне спокойно:

— Вы что, уже все окна осмотрели или мечтаете, чтобы враг вам с тылу зашел?! Вы чего как овцы столпились, когда надо готовиться от погони отбиваться?!

— Так эта, там Сулим с Нихимом смотрют, не видать пока никого, — обернулся ко мне здоровяк с по-детски безусым, румяным лицом, которого звали, если не ошибаюсь, то ли Петря, то ли Петрай, — а тут она чего!

— Ну что там у вас, — безнадежно вздохнул я, признавая поражение: у крестьян мой авторитет почти никакой, зря я на что-то надеялся и от ордена, если это они у нас на хвосте, с этими увальнями мне не отбиться, надо другой план придумывать... — показывайте скорее и делом займемся! Пока погоня там яйца чешет, может успеем тут к обороне подготовиться...

Мои слова прослушали в пол уха: погоня пока не стреляет, можно и поглазеть на что-то интересное. Ну чисто дети, право слово! Раздвинув плечом столпившихся мужиков я прошел вперед и наконец увидел на что они так таращатся: посреди большой комнаты стоял круглый обеденный стол с массивной столешницей на толстых ножках, а в самый центр этого стола, почти по самую рукоятку, кто-то воткнул довольно внушительных размеров кинжал с обоюдоострым лезвием, выраженной гардой и крупным лиловым камнем на навершии рукоятки.

— Ну, кинжал, неужто никогда оружия не видели? — пожал я плечами, — кто его нашел?

— Да нашел-то Тимир, да тока... глянь, княжич, чудо какое! — с этими словами, говоривший протянул руку с рукояти кинжала и сжал ладонь, однако та, задрожала будто... да, будто голограмма и в руку ему не далась! Тьфу, чертовщина! Ну откуда здесь голограмма и на хрена ее было устанавливать в заброшенном доме?! Впрочем: торчит посреди стола, есть-пить не просит, никому не угрожает, ну и хрен с ней!

Приблизительно это я и высказал этим, прости Господи, баранам, и погнал их готовить позиции для лучников, а сам, потеснив Нихима, обзрел поляну перед домом, пока пустую, слава Всевышнему и хлопнул напарника по плечу:

— Бди, Нихим, видишь какие нам помощнички достались?! Только на самих себя надеяться можно. Если кого увидишь, свистни, а я пока к Сулиму схожу — как бы нас с той стороны лесом не обошли... — попросил молчуна и после его согласного кивка двинулся к лестнице на второй этаж.

Чтобы попасть к нужной мне лестнице, опять следовало миновать ту, большую комнату с голограммой кинжала. Она располагалась сразу за прихожей, где сейчас кучковались наши лошади и в нее с разных сторон выходило несколько дверей. Я даже подумывал, а не забить ли половину из них гвоздями? Хотя... тут как не прикидывай, а всегда палка о двух концах выходит: забьешь двери, к кому-то на помощь бежать в обход будет дольше, да и подобраться к тебе за этими дверями смогут ближе! «Эх, в этот бы дом, да отряд серьезных бойцов, а не этих ротозеев...» — тыща мильён первый раз помянул я своих мужиков и с чувством врезал ладонью по косяку.

В этот момент я заметил тоненькую фигурку княжны, которая замерла как статуэтка в дверном проеме напротив и слегка устыдился: демонстрировать эмоции перед слабой девушкой, ни есть хорошо. В ее глазах я должен быть... Впрочем, рыцарь без страха и упрека — это явно не мое амплуа, так что и тужиться не стоит! А что она вообще тут делает? Вот уж кому давно сидеть на втором этаже следует!

До этого момента, Лилли тоже слонялась от окна к окну, нервно ломая пальцы и я уже разок предложил ей составить компанию тому, кто наблюдает сверху — хоть польза будет. Так чего она опять тут? Да еще вдруг замерла вытаращив глаза и по-простонародному приоткрыв рот. «Угу. Еще одна жертва «чудесного кинжала», — подумал я несколько снисходительно, решив, что понял причину ее изумления, но почти сразу же до меня дошло,

что о «чудесных» свойствах голограммы девушка ничего знать не может, поскольку отсутствовала в комнате в момент ее обнаружения, а со стороны — это самый обыкновенный кинжал. Ну, пусть дорогой, пусть даже драгоценный, ну так ведь кому-кому, но уж ни как не княжне, столбенеть при виде будь какого дорогого оружия!

Однако вопроса я задать не успел: с грацией кошки, девушка скользнула в комнату и не протягивая рук, изящно изогнувшись над столом, максимально приблизив к голограмме свое лицо с разгорающимися нешуточным интересом, глазами.

— Надо же, никогда не думала, что мне доведется лично увидеть это чудо! Сам Эль Каюн и в этой забытой богами глуши! Так вот, куда он подевался... А ведь думали, что принц Гиттир его утопил, когда спасался с загоревшегося корабля... Значит он... Нет, даже не представляю, как он решился оставить здесь такое сокровище! Хотя-я-я... — задумавшись она тянула это «я» пока хватило дыхания, а потом вдруг резко развернулась в мою сторону.

— Скажи, ты ведь маг?

— Ну, да... Если можно так сказать... — немного растерялся я от внезапности ее вопроса.

— Сильный?

— Ну, как тебе сказать, — начал мямлить я, судорожно пытаюсь сообразить, насколько мне выгодно говорить ей правду, — да! Сильный, но почти необученный, — наконец выдохнул решительно: интуиция настоятельно советовала не врать княжне в этом вопросе. И сразу предупредил, — но это строго между нами. Я не хочу, чтобы о моей силе узнали до того, как я научусь ею прилично пользоваться...

Девушка успокаивающе махнула рукой:

— Это — как пожелаешь. Я только для того спросила, чтобы понять, имеется ли у нас шанс... Так вот — можно попробовать! Ты уже пытался взять кинжал? — с напряженным вниманием уставилась она мне в глаза распахнутыми как пропасти зрачками и казалось, перестала дышать, ожидая ответа.

— Нет! Но его взять и невозможно. Мужики пытались — он нематериален. Просто картинка...

— Для «мужиков» — да, просто картинка, а для меня он еще и опасен, поскольку создан чтобы уничтожать таких как я! В том числе... Не знаю, как это в нем действует, но дотронуться бы не рискнула. А вот ты, вполне можешь попробовать!

— И? Ну, что случится, если я попробую? Ты говорила про шанс, но нам тут не этот ножичек нужен, а как минимум пара десятков наемников с опытом реальной войны. Вот тогда да, был бы реальный шанс, а сейчас я склоняюсь к банальному бегству, причем в разные стороны и с криком «спасайся, кто может!» Если так сделать, да еще перед каждым беглецом тючок привязать, типа кокон с твоим телом, то могут не понять за кем гнаться, вот это и будет шансом сбежать от погони. Везти тебя с таким сопровождением, было авантюрой, уж извини... Только ведь и выбора не было.

А про себя я подумал, что наверное еще можно было бы обратиться к владельческому сеньору этих мест, только вот знать бы заранее, в каких он отношениях с орденом. А то нас всех бы там же и прикопали... С простым народом контактировать иногда безопаснее, чем с теми, кто силен в интригах и чей интерес никогда не лежит на поверхности. Хотя в данном случае, «народ» — это явно не проходной вариант.

На мою тираду, княжна нетерпеливо дернула подбородком:

— Ты попробуй сначала, а если получится, тогда и о прочем можно будет говорить, ну а

нет, вот тогда и рванем с воплями! Я, кстати, и сама такого беглеца «с тучком» изобразить могу, — и она улыбнулась так задорно, будто и не по ее голову к нам пожаловала погоня.

— Ладно, — ответил и одновременно подумал: «А и правда, чего я ломаюсь-то?! За спрос не получишь в нос! Ну, наверно...» — что делать-то надо?

— Да ничего особенного — просто возьми его и вытащи из столешницы...

Без особой надежды я протянул руку к кинжалу и... сомкнул пальцы на его шероховатой рукояти: черен лег в ладонь, будто век там вековал! Еще не веря происходящему я с силой потянул клинок из деревяшки и чуть по лбу себе не заехал сиреневым камнем в наверху — кинжал выскочил из столешницы так легко, будто теперь стол стал иллюзией!

— Ничего себе!

Я, в некотором обалдении, разглядывал клинок в своих руках и оружие будто ластилось к пальцам. Чудится, конечно, но так реалистично! Хотя-я... вещь-то магическая, так что с ним не все так просто. Но до чего же хорош! Обоюдоострый, отлично сбалансированный, эдакий хищник! Гарда, на мой вкус, излишне причудливых очертаний, но зато наверняка хорошо защищает руку и... Нет, не показалось: «сиреневый» камень в наверху налился цветом и теперь он скорее лиловый с пурпурными переливами. Да уж, по своей воле я теперь этот ножичек точно никому не отдам!

— Да и не получится, — согласно кивнула княжна, — он из тех заговоренных вещей, которые раз в руки дались, то до самой смерти владельца с ним остаются.

— Это что, я последнюю фразу вслух сказал, что ли? — офигел я еще и от ее слов, вдобавок, — а как же он тут оказался? Ты что-то про принца говорила..?

Лилли рассмеялась, глядя на мою смущенную физиономию и прижала свой пальчик мне к губам:

— Про кинжал — все потом, а остальное: просто ты плохо мимикой владеешь — все мысли по лицу прочесть можно! Вот и сейчас — ну чего ты рассердился? А вообще — срочно учись выглядеть невозмутимым. Перед зеркалом потренируйся, что ли? Поверь — это тебе даже жизнь спасти может, особенно если окажешься среди царедворцев... Впрочем — об этом тоже потом! Кинжал тебя явно признал, теперь если силы хватит, можешь попробовать портал открыть...

— Погоди-погоди! На сколько я знаю, портал можно открыть только в знакомое место. Так что я, даже если и смогу, то куда он нас занесет-то?! А как потом оттуда добираться?!

Девушка почесала переносицу:

— А ведь точно. Куда ты можешь, туда нам не надо... Впрочем, я ведь вампирша теперь, а это не только проблемы, но и бонусы. Давай я попробую тебе передать несколько мыслеобразов на разном расстоянии от нашего замка: до какого места дотянуться сможешь, туда нас и отправишь!

— Стоп-стоп! — опять перебил я княжну, — «нас» — это кого? Если мужиков здесь бросим, думаешь «эти» их пощадят? Надо всех собрать, а тогда уж и пробовать...

— Чудак! А вдруг не получится?! Этих пентюхов пока соберешь, пока им все растолкуешь, а потом раз — и облом! А они здесь все толпой... Давай я тебе мыслеобразы передам, ты мне опишешь, что видишь и откроешь крохотный порталчик... да хоть в соседнюю комнату, ну а если все получится, тогда и твоих мужиков пригласим и объяснять им ничего не будем, просто ты им прикажешь иди в портал и все! А уж там и поговорить, и все объяснить время будет.

Все, что говорила княжна выглядело весьма разумным, а соблазн смотаться без боя и не

испытывать судьбу, прямо свирбил между лопатками!

— Ладно, передавай! Что от меня-то нужно?

— Стань на колени, чтобы мне не тянуться, голову запрокинь, мысленно откройся и постарайся не дергаться — я еще тот специалист...

Угу. Легко сказать «мысленно откройся»! Кто-нибудь делал раньше такое?! Лично я — нет...

Однако наши с Лилли опасения не оправдались. Едва ее прохладные ладошки легли мне на виски, как тут же и увидел: заводь какой-то небольшой реки, кусты с двух сторон окружают лужок с сочной шелковистой травой и туман, будто вечереет... Следом пришел вид довольно широкой площади, по всему периметру какие-то лавки, а в центре столб с металлическим гербом на навершии... Третья, как понял, это прямо у замка: открытое пространство передо рвом, плещет зеленоватая вода, мост поднят — вижу свисающие цепи и серо-коричневые стены за ним в обе стороны...

В следующую секунду Лилли меня отпустила и обессиленно оперлась спиной о массивный стол, в котором раньше дожидался своего часа Аль Каюн — такое имя носил мой кинжал. И так-то бледная, теперь кожа княжны аж в голубизну отдавала! Вот же черт, явно ей «сеанс» дался намного дороже, чем мне... Впрочем, если все получится, то любые усилия оправданы будут. Теперь дело за мной.

Глава восемнадцатая, в которой герой вместе с княжной и соратниками героически сбегает!

«Теперь моя очередь», — дал я себе мысленный посыл и еще раз прокрутил в голове незамысловатые инструкции, данные мне Лилли, а именно: как можно лучше воспроизвести в памяти место желаемого переноса, стать лицом к точке открытия портала, поднять перед лицом кинжал, держа его за лезвие так, чтобы лиловый камень в навершии оказался прямо напротив глаз и «струйкой» направить силу на кристалл...

Закрываться он должен был и того проще: после перемещения последнего из соратников, следовало пройти в портал самому и обернувшись к нему, перевернуть кинжал кристаллом вниз и мысленно пожелать portalу закрыться. В теории — никакого риска для пользователя с оторванными частями тела и прочими неприятностями. Если силы не хватает, то портал просто не открывается. Проще простого! Верно? Только: «Просто было на бумаге, да забыли про овраги!» Как-то оно случится на практике..?

Мысленно перекрестившись, пробую! Ну, что сказать? Вроде как все получилось? Небольшой такой, скромный порталчик, размером всего-то с футбольный мяч, позволил нам с княжной заглянуть в прихожую к нашим лошадам и благополучно схлопнулся, едва кинжал оказался острием вверх.

— Мда... Направь взгляд ниже, что ли? — прокомментировала Лилли мои успехи, — как мы перелазить-то будем на такой высоте? Нет-нет, если не получится, то как-нибудь справимся, — поспешила она меня обнадежить, видя смущение на моем лице, — но времени это займет больше, а значит и сил у тебя... Постарайся, ладно?

Ну, что можно ответить на такую просьбу? Я только согласно кивнул головой и стал поднимать кинжал, но девушка придержала мне руку:

— Нет, что ты, не сейчас! Мы уже и так знаем, что у тебя вполне получается, так что манну экономя, а поправить фокус портала постарайся сразу вместе с главной попыткой. Все, иди мужиков собирай, а я пока за своим коконом сбегает.

Первым делом, по лестнице через ступеньку, я буквально поскакал на второй этаж: разбуженная сила неудовлетворенно ворочалась в районе солнечного сплетения, будоражила кровь и не хило с намеком «стреляла» в руки. «Погоди немножко», — уговаривал я ее, — «сейчас соберемся быстренько и я тебя отпущу!» Но сначала я хотел лично убедиться, что у нас на все это есть время.

И оно явно имелось: неясные силуэты всадников маячили на дальнем краю поляны, но попыток к атаке не предпринимали. Если меня не обманывает зрение, так кое-кто из них еще и спешил. Ожидают подкрепление? Похоже на то. Предположение, что это всего лишь небольшая группа с каким-то отслеживающим артефактом, все больше казалось самым вероятным. Возможно, что наши недруги разослали по округе несколько таких отрядов, чтобы повысить вероятность обнаружения пропажи, а основные силы должны подойти позднее, после условного сигнала, например.

Никакая другая догадка на ум просто не шла: ведь догнали же, так чего не атакуют?! Эх, знать бы заранее, что их там мало, можно было бы попытаться дать бой! Впрочем, все может быть и совсем не так. Как там сказал Селим? «Мы просто чего-то не знаем!» Да и нет худа без добра: Аль Каюн — приобретение достойное и не такого риска! Только бы с порталом все получилось...

Теперь можно было и мое воинство собирать. Селима я попросил спуститься не раньше, чем я ему свистну, а пока все же не оставлять свой пост. Точно такую же просьбу озвучил и Нихиму: снимать наблюдение раньше времени — это прямо-таки самым напрашиваться на неприятности!

Самым трудным оказалось, убедить мужиков оставить лошадей в доме!

— Чудаки! Если доставим княжну в целости, ее отец столько заплатит, что на нескольких лошадей хватит, а если все здесь погибнем, то и лошади никому из нас не понадобятся! Да и не на смерть мы их покидаем, авось со скотиной-то никто воевать не станет. Может те даже так их здесь и оставят. Вернетесь — поглядите! — пытался я их убедить, но эти упертые только переминались с ноги на ногу и упрямо мотали головами.

Наконец мое терпение лопнуло!

— Короче так! Я открываю портал и начинаю считать до тридцати: кто в течении этого времени в портал не пройдет, тот остается здесь, «с лошадами»! В конце концов, главное — это свобода выбора, и просьба потом не пенять товарищам, которые вернутся с наградой! Если, конечно, оставшихся погоня не перебьет...

Не знаю, какой аргумент из этой моей тирады возымел действие, но переглянувшись, мои спутники наконец изъявили желание составить нам компанию. Впрочем, вышло все равно по-ихнему...

Собрав свое воинство и свистнув Селиму с Нехимом, я предупредил их, чтобы шли первыми и с той стороны подстраховали княжну, которая пойдет третьей, ну а все остальные уже следом... Разумно, верно? Мало ли что может ожидать нас на выходе? Потом, как и планировал, встал напротив глухой стены, поднес к глазам кристалл, помня о просьбе Лилли, голову немного наклонил, чтобы взгляд проходил через него под некоторым углом к полу, а не в стену на высоте моего роста и отпустил силу, бурлящую у меня в подвздошь...

Нет, вообще-то порталы открываются беззвучно... В теории. Но на этот раз видимо сыграла роль разница в давлении, потому что «ш-ш-ш-ш-и-и-и-х-х-х» моего портала прозвучало довольно громко, при этом мне заложило уши и в открывшийся проем вынесло все шапки с мужиков и какой-то мелкий мусор, скопившийся в комнате по углам. Да и было бы странно, если бы ничего такого не случилось, потому что портал у меня получился... мягко говоря, изрядным: вся стена напротив которой я стоял, исчезла что вверх, что в стороны!

Мужики, однако, сориентировались мгновенно: с радостным гиком они тут же бросились в прихожую и уже через десяток секунд появились оттуда таща за собой лошадей. Я, забыв о своей угрозе считать до тридцати, пребывал в шоке и таращился на провал с отвисшей челюстью до тех пор, пока Селим не заскочил обратно и не выволок меня в проход, цепко ухватив под свободную от кинжала руку.

Только ощутив под ногами мягкую траву и получив в лицо порцию прохладного воздуха с сильным запахом стоялой воды, я пришел в себя в достаточной степени, чтобы закрыть проход, но еще не меньше минуты после этого, простоял тараща глаза на мрачноватые стены родового замка князей Нугварских. Вообще-то я планировал дотянуть нас «хотя бы» до той площади со столбом, что Лилли мне «показала», так как выходить на безлюдном берегу мне как-то не хотелось. Однако попасть под самые стены замка, скажу честно, на такое мое нахальство не замахивалось! Нет, где-то внутри я по-мальчишески хотел блеснуть, типа «вот все рты раскроют!», но рассудком все же не воспринимал этот вариант всерьез и вдруг — на

тебе! Да и размеры портала...

Немного справившись с растерянностью я нашел глазами княжну и поразился странной смеси чувств, отразившихся на ее лице и в глазах, распахнутых чуть ли не на половину лица: откровенный страх был круто замешан на глубочайшем уважении, я бы даже сказал, почтении, и все это приправлено каким-то детским восторгом. Ну, будто ребенку пообещали чудо и он его ждал, но испугался масштаба, которого даже не представлял...

И я подумал, причем почему-то с интонациями Мерхаба: «Манипуляции чистой силой тебя когда-нибудь точно доведут до цугундера!» Причем, что такое «цугундер», я понятия не имею!

Глава девятнадцатая, в которой герой вкушает плоды удачи и узнает про свой кинжал подробнее...

Честно? После такого фокуса, который я провернул не от ума великого, я ожидал, как подобное описывают в книгах, физической слабости, подгибающихся ног и прочих «радостей» перерасхода энергии и крайне удивился, ничего подобного не ощутив. Воздержавшись от простецкого почесывания затылка, я с уверенной миной на лице обратился к княжне:

— Надеюсь, что стража вашего замка не пропустила нашего фееричного появления? Что-то никто не спешит ни только мост опускать, а хотя бы окликнуть.

К этому моменту Лилли тоже пришла в себя, но хотя ее глаза уже вернули себе прежние размеры, почтительности с некой опаской в них еще хватало, поэтому и ответила с совершенно не свойственными ей до этого интонациями:

— Уверена, что скоро опустят, гос... Ричард. В нашем гарнизоне железное правило: если происходит что-то странное или непонятное стражникам, об этом обязательно следует доложить хозяину и ни в коем случае, не принимать решение самостоятельно!

Я одобрительно покивал головой. Уверен, что это правило уберегло замок от множества неприятностей. А то некоторым простофилям только дай волю! Наконец, спустя еще минут пятнадцать, что дало некоторое представление о размерах замка, между зубцов «надвратной» появилось бледное мужское лицо без следов растительности, так любимой местными жителями и князь, а это был именно он, спросил приятным сильным голосом:

Если это действительно сиятельная княжна Лиллитиль Нугварская с сопровождением, то не будет ли она так любезна, чтобы ответить на несколько вопросов своему отцу?

Лилли вздохнула и прошла к самому краю не подъемной части моста, заканчивающейся метрах в трех от противоположного края рва, я двинулся следом и ненавязчиво пристроился чуть сзади, у нее за правым плечом: кто знает, как станут развиваться события и нет ли в замке кого-то, кто решится на провокацию? Береженого, знаете ли, Бог бережет, а когда вокруг столько неясностей...

— Конечно, отец, извольте спрашивать...

— Как я вас называл когда бывал недоволен?

— Как раз так, как изволили обратиться теперь и на «вы», даже когда я была совсем крошкой.

Мужчина удовлетворенно кивнул, но доверять не торопился.

— Это правильный ответ, но его знали многие... А скажите-ка, дочь моя, кто живет в самом нижнем ящике моего стола в кабинете?

Княжна коротко рассмеялась и погрозила отцу пальцем:

— Вы не должны спрашивать об этом прилюдно, дорогой отец, потому что это наша с вами тайна!

Мужчина на башне тоже рассмеялся с явным облегчением, чуть повернул голову и кивнул кому-то, кто стоял у него за спиной:

— Это моя Тиль, открывайте ворота! — донеслось до меня сказанное негромко: над водой звук слышится четче и разносится дальше.

Подтверждение услышанному долго ждать не пришлось, потому что уже спустя всего пару минут, цепи загремели и с натужным скрипом мост опустился, открыв вид на уже

поднятую решетку и распахнутые створки. Я призывно махнул рукой своим людям, предложил ладонь Лилли и мы первыми шагнули на потемневшие брусья, следом двинулись мои напарники, ведя на поводу не только своих лошадей, но не забыв прихватить и мою, а уже за ними, так же с лошадками на поводе, скромно, чтобы не сказать «робко», пристроились остальные мужики...

Ну, что сказать? Гостеприимство князя не обмануло самых смелых ожиданий: моих парней разместили правда, все равно на этаже для слуг, но отдельно, в двух просторных, чистых комнатах с топчанами в качестве кроватей и овчиной вместо постелей. Подозреваю, что при необходимости их использовали как казарменные помещения, когда приходилось созывать ополчение. Мужики явно ничего подобного не ожидали и были польщены и смущены, а я, навестив их в этих «хоромах», попенял им укоризненно той самой, наибанальнейшей фразой, которую обычно говорят в подобной ситуации: «Я же говорил!»

На что, даже вечно отмалчивающийся Нихим, с неожиданным для него энтузиазмом, стукнул меня своей крепенькой ладонью чуть выше поясницы и заявил:

— А я всегда говорил Сулиму, что с княжичем мы не пропадем!

«Надо же, оказывается он меня с самого начала поддерживал, а я даже не догадывался», — поразился я открытию, — «думал, что у них Сулим принимает решение за обоих!» И повернувшись к молчуну, благодарно потрепал его по плечу.

Самому мне отвели покои из двух смежных комнат, из которых дальняя, с огромной кроватью под двойным балдахином не вызвала сомнений своим предназначением, а ближняя, наоборот, могла быть чем угодно, по желанию хозяина, поскольку ее наполняла самая разная мебель, начиная от вместительного сундука и заканчивая письменным столом и невесть как здесь оказавшимся, вышитым шелком пухом! Эти покои располагались всего этажом выше, но из-за высоты потолков и длинного перехода с двумя лестницами, чтобы навестить парней и посмотреть, как их устроили, тащиться мне пришлось изрядно.

Второй сюрприз нас ожидал уже через час, за который лично я, едва-едва успел оглядеться и привести себя в порядок: умыться, расчесать отросшие по местной моде кудри, которые во время скачки свалились чуть ли не до состояния войлока, почистить обувь и переодеть пропахшую лошадиным потом и пропыленную одежду. Эх, в баньку бы сейчас! Но увы — помыться может и получиться перед сном, а вот с банями здесь облом!

А вот здешняя поварская братия, за то же время, ухитрилась отгрохать целый праздничный стол, развив, на мой неискушенный взгляд, просто рекордную скорость! Ладно холодные закуски, их настругать из содержимого погребов недолго, то же и про всяческие соленья, но печеная вепрятина, жареные гуси и благоухающая, еще теплая сдоба у них откуда?! Причем мясо подавали все еще пышущее жаром! А вы знаете, к примеру, сколько времени жарится гусь? Про свинину вообще молчу! И не думаю, что в замке так едят каждый день, поскольку наплыва гостей сейчас явно не наблюдалось...

Впрочем, специалист по быту средневековых князей из меня тот еще, только и надежды, что при констатации данного факта, вполне применимо слово «пока» — ведь один шанс познать его изнутри мне уже представился? Ну вот — лиха беда начало! А пока, да — просто старался не сильно таращить глаза: нам, княжичам, все не в диковинку!

Вот, к стати о гостях. По некоторым фразам и оговоркам княжны, мне представлялась более оживленная жизнь в замке, а тут... да, именно, чувствовалось скрытое напряжение, будто в осаде или в ожидании неприятеля, хотя и совсем уж пустым обеденный зал не

оказался. Кроме моих крестьян, которых (надо же!), посадили за «барский» стол, хоть и в самом его конце, по левую сторону от хозяина, видимо потому, что религиозные жесты тут принято «творить» левой рукой (правая для более низменных целей, хоть левшей здесь тоже хватает), устроились три типа в рясах под капюшонами.

Один из них, в темно-вишневых одеждах, ни на секунду не усомнившись и не промедлив, благословил подошедшую к нему Лилли и даже отеческим жестом погладил девушку по почтительно наклоненной головке и что-то тихо спросил ее, выслушал ответ и с сожалением покачив головой. Я, будь у меня такая возможность, все равно даже прислушиваться бы не стал, и без того вполне догадываясь, о чем могла идти речь между «пастырем» и нашей попорченной вампиром, зубастой «овечкой».

Справа от хозяина, через одно кресло, которое по-видимому оставалось за княжной, подбоченившись, сидел здоровенный, разряженный в парчу бугай с такой надменной рожей, что сразу же возникало желание хорошенько заехать по ней, и желательно с ноги! Продолжили правый ряд еще трое мужчин, в одежде поскромнее и с более приятным выражением на лицах. Тех, кто сидел еще дальше, сверху уже было толком не разглядеть.

Князь, пока его дочь общалась с представителем местной религии, перегнувшись через ее кресло, что-то сказал разряженному типу, на что тот фыркнул, как норовистый жеребец, но все же сказал что-то соседям и они дружно отсели на одно кресло.

Наблюдать все происходящее в обеденном зале, как и наслаждаться ароматами подаваемых блюд, отчего мой желудок совсем было приуныл и затянул свою тоскливую песню, я мог пока шел по узкой длинной галерее, на две трети опоясывающей зал где-то под самым его потолком. Мы со служанкой, которую прислали ко мне в покои, чтобы пригласить на торжественный обед в честь счастливого возвращения княжны, спустились на нее откуда-то из бокового коридора и теперь нам еще предстояло топать чуть ли не над головами у пирующих, чтобы добраться до лестницы, ведущей отсюда вниз. Была, правда, здесь еще одна, винтовая, но она выходила прямо у князя за спиной, а появляться оттуда гостю... Как меня вообще занесло на эту галерею?

А просто. Еще почти в начале пути, когда мы вдруг оказались в каких-то узких переходах и я несколько раз поймал на себе странноватый, будто виноватый взгляд девушки, то сначала заподозрил неладное и даже передвинул кинжал под руку, но когда нам навстречу пару раз попались торопливо шагающие слуги с пустыми блюдами, меня осенило:

— Послушай, красавица, а теми ли ты меня коридорами ведешь? — с усмешкой прищурился я на девицу, отчего та ойкнула, а ее глаза сделались совсем как у шрековского кота!

— Ой, господин, простите глупую! Только не жальтесь на меня князю! Нашего дворецкого-то подагра скрутила, тяжело ему по лестницам ходить, вот он меня за вами и спроворил, а я по привычке в черный ход свернула... Если князю скажите, то и мне лихо будет, и дворецкому беда! Не жальтесь, а? А я уж отслужу... — и она горестно вздохнула.

Я снисходительно хмыкнул, радуясь своей догадливости:

— Да, что с тебя взять, золотая рыбка?! Плыви уж так...

— Агась... — кивнула мне девчонка ошарашено и с опаской на меня покосившись, покачала головой, — до чего же вы баре чудные все же, куды же мне тут плавать, в замке-то?! Может чего другого удумаешь?

Я расхохотался:

— Не обращай внимания, то присказка у моего народа такая, по сказке! Означает, что

мне от тебя ничего не нужно и ты можешь не беспокоиться.

Вообще-то я на девчонку совсем не сердился. С чего бы? А где-то даже наоборот — был рад узнать, что параллельно с «господскими» коридорами, здесь куча ходов попроще, да и наверняка намного короче: слугам-то бегать больше приходится, да и ждать господ не любят. Не знаю, понадобится мне это или нет, но знание все равно грело... А когда мы вышли на эту галерею, то я вообще порадовался, что не меня первого все разглядывать станут, а прежде я на всех погляжу, а может и какие расклады прикину, если в глаза кинутся.

Вот, например, уже сейчас вижу, что этот разряженный мне рад не будет! Или это я сильно себе льщу, раз решил будто князь для меня место приготовил?! А слуги, тем временем, споро поменяли блюда и приборы у освободившегося кресла и я отметил для себя, что вилок у гостей здесь нет, вместо них по два маленьких кинжала, один с плоским лезвием, как рондель, а другой вроде мизерикордии, но оба намного меньше. А вот салфеток положили аж две, одну из которых заправляют за ворот камзола, а второй вытирают руки.

Нет, про «аж» — это без иронии, в моем-то мире, помнится, в это время про салфетки вообще не знали, а пальцы облизывали или вытирали о волосы. Бе-е-е... Вообще-то, великое благо для меня, что в этом мире жители намного чище. Конечно человек может привыкнуть ко всему, но как же здорово, когда к некоторым... э-э... особенностям культуры, привыкать не надо!

Вот так и вышло, что к моменту моего появления в зале, у меня в активе уже были, доброжелательно настроенная ко мне служанка и некоторое понимание раскладов в замке, не говоря уже про то, что на действительно освобожденное для меня, как для почетного гостя, место, я опустился уже с некоторым знанием местного столового этикета.

То, что праздничный обед плавно перешел в ужин, меня совсем не удивило: даже в наше время такое зачастую случалось на крупных праздниках, таких как свадьба и новый год, ну или у очень уж хлебосольных хозяев. Нас с княжной несколько раз заставили пересказать наши приключения: сначала каждого его часть, а потом и то, что пережили вместе, но на мой вкус, как-то совсем мало уделили внимания героической смерти тех парней, которых мы с крестьянами хоронили в виде частей тела и мне стало обидно за них, а общество князя и прочих, сделалось неприятным.

Поэтому, после того, как Лилли рассказала, какой я сильный маг и как «потрясающе» открыл портал «аж до самого замка», я не стал признаваться, как в реальности обстояло дело, а напустил на себя неопределенно-многозначительный вид, и потупился с явно видимой, фальшивой скромностью, на всякий случай наводя «тень на плетень», что практиковал и раньше, в компании, которая не вызывала у меня доверия.

Не знаю, это ли сыграло роль, но двоюродный кузен князя, барон, с весьма претензионным именем Драго Грандерр, которое при желании можно было перевести как «Большой Дракон», тот самый, которому пришлось отсечь от князя в «мою честь», так сказать, сменил сдержано-агрессивный вид на приторно-любезный, отчего стал еще противнее на мой вкус. К счастью, долго терпеть мне его не пришлось: элементарно воспользовался тем же предлогом, что и княжна, которая на часок пораньше, скромно потупив глазки заявила, что хотела бы сегодня лечь пораньше.

Вот и я, правда без лишних гримас, объявил, что благодарен за роскошный стол и приятную компанию и отчаливаю в свои покои, дабы вкусить теперь радости комфортного сна. Мне доброжелательно покивали все без исключения и, воздержавшись от плоских

шуточек на тему о слишком ранней усталости, (кто же станет нарываться на недовольство сильного мага?), пожелали хороших сновидений.

Вопреки собственным словам, усталости я не чувствовал, поэтому вернувшись в свои покои, прежде всего попросил служанку с почти земным именем Даша (ударение на последнюю букву), ту самую скромняшку с выразительными глазами, что вела меня в обеденный зал «партизанскими тропами», организовать мне помывку. В девчонке я не ошибся и большая дубовая бочка с горячей водой, которые здесь использовались в качестве ванной, была мне организована за какие-то считанные минуты, и я с благодарностью, смог оценить ее преимущества перед другими способами здешней помывки. В чем они заключаются? Поделюсь!

Во-первых, помимо лестниц, с двух сторон жилого здания были оборудованы скаты, вроде нашего пандуса и бочку легко было закатить на любой этаж, во-вторых — у нее в боку была затычка как раз на уровне ведра, через которую легко было слить грязную воду, ну и в-третьих — высокие борта бочки позволяли погружаться в воду целиком и мыться несильно расплескивая ее на пол. Наверное было и в-четвертых: вода в большом объеме остывала не так быстро, но это уже мое личное мнение, на котором не настаиваю!

Я чувствовал себя немного виноватым перед этой девушкой, потому что моя просьба закрепить ее за мной в качестве услуги на все то время, что продлится гостеприимство князя, вызвала понимающие взгляды и сальные усмешки у пирующих, и я надеялся хотя бы материально компенсировать ей невольно нанесенный ущерб репутации. Однако, предложив малышке монету, получил еще один урок правил поведения, обычных для местной знати: вся прислуга в замке была из «кабальных»!

Переводя на доступный мне язык — они все были в своеобразной собственности у князя и никакая дополнительная оплата их услуг не подразумевалась. Да ладно бы это, но в спектр услуг входило удовлетворение всех желаний и потребностей хозяина и да, «тех самых» в том числе! Как раз тот случай, про который я упоминал ранее: рабства вроде как нет, но рабы имеются! Ибо как назвать иначе людей, которые не имеют права на отказ?!

В результате, в моем отношении еще один камешек упал на чашу неприязни...

Впрочем, лучше о приятном: пока мылся, исподволь все время прислушивался, не заявится ли ко мне в гости некая клыкастая особа. Однако, к моему разочарованию, «цокающих» шагов, говорящих о том, что идет знатная особа в туфельках, в коридоре слышно не было, только Даша время от времени громыхала своими сабо, принося и унося всякие нужные в процессе помывки предметы.

Я расстраиваться не спешил, полагая, что сей визит откладывается как раз из-за присутствия служанки, но нет, мытье завершилось, бочку убрали, девушка, к некоторому ее удивлению, была спроважена, а княжна так и не появилась. Я еще полежал немного, давая ей некоторое время, чтобы добраться сюда из «хозяйских покоев», но чувствуя, что начинаю дремать, не рискнул оставлять двери открытыми и, постояв еще пяток минут у входа, прислушиваясь к тишине коридора, запер их со вздохом сожаления...

Каково же было мое удивление, когда я обнаружил «пропажу» уже у себя в постели! Только занавеска на окне, вздымаемая прохладным воздухом, давала подсказку о том, каким способом эта проказница проникла в мои покои!

— Э-э! Это что же получается, ко мне в комнату так легко попасть?! — делано

возмутился я, целуя красотку в шею, где вопреки расхожему мнению, горячо билась артерия.

— Ну, не чуди, — мурлыкнула Лилли у меня под губами, — я же пока вампир! Нам ли не забраться на какие-то шесть-семь метров по голой стене... Да и окно — на взрослого мужчину оно не рассчитано!

А потом села и запустив пальцы мне в волосы, призналась с неожиданной грустью:

— Когда меня отмолят, я наверняка стану скучать об этом могуществе... Женщинам в этом мире так не хватает свободы...

— А остаться... — я заглянул в ее распахнутые на всю радужку, бездонные зрачки и сердце сжалось от сочувствия: пусть княжна, а не простолюдинка, но ей, такой маленькой и хрупкой, наверняка бывало страшно в этом мире крупных и грубых мужчин!

А теперь, когда она почувствовала силу и возможности вампира, ту свободу, которую они сулили, вернуться к прежнему существованию ей будет намного тяжелее.

— Не могу! — девушка так мотнула головой, что густые волосы окутали ее плечи как шелковое покрывало, — обряд делали с кучей подчиняющих оговорок. Вот если бы их снять! Ведь не обязательно же убивать, чтобы питаться?! Верно? Я могла бы покупать кровь...

Мне очень хотелось ее обнадежить, но говорить наобум в таких важных вопросах...

— Я не знаю, — честно ответил и погладил ее по кудрям, — говорят, что потом вампирам это становится неважно и они уже не ценят чужую жизнь. Понимаешь? Нет сострадания к пище!

У девушки на глаза навернулись слезы:

— Вот и я — не знаю. И не хочу становиться просто кровожадной тварью! А ты такой необычный, совсем непохож на других знакомых мужчин. Отец — он лучший из тех, кого я знаю, но даже он не может так сочувствовать, как ты!

Я смутился:

— Откуда ты знаешь, вдруг я просто хорошо притворяюсь?

Лилли засмеялась так, что ее груди соблазнительно заколыхались:

— Чудак! Я же чувствую, как стучит твое сердце, как ускоряется или затихает бег крови. Нет, меня не обманешь! — и она жадно припала к моим губам...

Спустя какое-то время, когда мы лежали утомленные ласками и положив головку мне на плечо, она уютно устроилась у меня подмышкой, девушка заговорила вновь:

— Я очень хочу тебя отблагодарить... — ее ладошка накрыла мои губы, — молчи! Я не о деньгах и тем более, не о постели. Я хочу дать тебе то, что ты хоть и сможешь получить при желании, но неизвестно когда и какими усилиями. Я расскажу тебе про твой Аль Каюн...

Спустя какое-то время, когда мы лежали утомленные ласками и положив головку мне на плечо, она уютно устроилась у меня подмышкой, девушка заговорила вновь:

— Я очень хочу тебя отблагодарить... — ее ладошка накрыла мои губы, — молчи! Я не о деньгах и тем более, не о постели. Я хочу дать тебе то, что ты хоть и сможешь получить при желании, но неизвестно когда и какими усилиями. Я расскажу тебе про твой Аль Каюн...

Глава двадцатая, в которой герой предается мечтам, а потом вынужден бегать за княжной по подземельям

«Вот значит как?» — я смотрел на княжну, которая уснула, едва завершив свой рассказ и теперь мирно посапывала своим точеным носиком и сортировал в памяти только что полученную информацию, — «значит мой Аль Каюн — это только одна волшебная вещьца из целого набора, изготовленного древним мастером для своего любимого сына, бастарда королевы, который решил отвоевывать себе трон?»

Не смотря на долгий сеанс любви, который мы с Лилли задали совсем недавно, никакого утомления я не чувствовал, наоборот — бодрая сила будто пузырьки нарзана, бродила по мускулам и будоражила кровь. Чтобы не побеспокоить девушку, я тихонько встал и вышел в другую комнату, где служаночка очень предусмотрительно оставила на столе пару бутылок отличного десертного вина — красное и розовое. Если есть выбор, то я всегда предпочитаю красное, поэтому именно его налил себе полный бокал и продолжая размышлять, с ногами забрался во вместительное кресло, которое кто-то еще до меня, уютно пристроил в глубокой нише рядом с окном.

Я пил медленно, маленькими глотками, наслаждаясь изысканным вкусом, едва ли не цедя вино сквозь зубы, смотрел на черное, будто бархатное небо, все испятнанное крупными звездами, вдыхал ночную свежесть с легким привкусом болота и краем уха прислушивался к отдаленной переключке часовых на замковой стене, а голова продолжала так и эдак переваривать услышанное.

Как гласила летопись, законных сыновей у той царственной дамы не было, а мальчика, рожденного от любимого мужчины, она просто обожала, поэтому еще в процессе работы, мать щедро, а главное — совершенно добровольно, полила своей кровью оружие, а позднее заговорила его, вливая всю магию, которую имела. Материнская любовь — это такая сила, которую никогда, ни в одном мире, еще никому не удавалось победить, так надо ли говорить, что парень отвоевал себе трон? И, назло злопыхателям, мудро правил страной многие годы, хоть и подкрепляя свой авторитет рукой, вооруженной магическим оружием. Только перед смертью он разделил комплект между наследниками...

«Правильно поступил тот, давно почивший король, или нет, судить, возможно, не мне, но судя по тому, что до сравнительно недавнего времени, известным оставалось только местонахождение Аль Каюна, да и то, как выяснилось, информация оказалась в корне неверной, наследники не очень-то дорожили подарком и кто, где, что и когда из набора «проворонил», теперь покрыто мраком...» — на этой мысли я невольно скривился и горестно покачал головой: словечко «проворонили», которое вырвалось сейчас совершенно некстати, больно стегнуло меня по сердцу!

Нет, вообще-то я подразумевал, что с Воронушей, возможно, рано или поздно придется расстаться, но исключительно по нашему с ним взаимному желанию, а не так, как случилось в реальности. Казалось бы, так удачно завершившееся для всех приключение, для меня не обошлось без весьма обидной потери. Когда я открыл портал из того, лесного дома, то впопыхах и на нервах совсем забыл про до сих пор шарахающегося от вампирши Воронушу, а остальным даже в голову не пришло напомнить мне о нем. Вот и вышло, что вспомнил я о

пернатом друге, только когда у нас за спиной закрылись ворота замка и предпринимать хоть что-то стало уже поздно.

Нет, будь я верен, что застаю его возле двери, то рискнул бы открыть портал повторно. В конце концов рисковал я в этом случае только своей головой, но в том-то и дело, что зная характер своего питомца, любознательный, непоседливый и очень своенравный, я на девяносто девять процентов (если не на все сто), мог гарантировать, что он сейчас увлеченно обследует лес вокруг дома и, боюсь, даже на мой зов, прилететь не посчитает нужным.

К слову, поясню почему я зову Воронушу то «он», то «она». Фокус в том, что самцы, как у Воронов, так и у ворон, по внешнему виду от самок ничем не отличаются и только если увидеть пару вместе, да и то, весьма приблизительно, можно предположить их половую принадлежность по размеру, несколько более крупному у самцов. Но опять же: когда птенец питался, что называется «на убой», как и было в случае с моим приемышем, то вряд ли даже будь он самкой, внешние различия стали бы бросаться в глаза. Вот и... Благо дело, что имя «Воронуша», для обоих полов звучит нейтрально и мое то «он», то «она», вряд ли его обижает.

«ОбижаЛО, прошедшее время», — опять царапнуло меня непрошеное. Впрочем, как я утешал себя мысленно: «Птица стала уже вполне самостоятельной и без моей опеки не погибнет. А раз дороги наши разошлись, то видимо это такая судьба...» Однако, все эти увещевания помогали несильно и, хоть и стыдно признаваться, но когда я представлял как он, растерянный, ничего не понимая, отчаянно пытается меня отыскать — слезы наворачивались мне на глаза и ком сдавливал горло...

«Все-все, угомонись», — прикрикнул я на себя мысленно, — «мужик называется! Нечего тут пессимизм разводить! Не погиб он, вот что в этой ситуации самое главное! А тебе есть что обдумать, вместо того, чтобы попусту сокрушаться. Вот к примеру про кинжал: как оказалось, известно, что он не одни только порталы открывать может, если его хозяин одарен достаточной магической силой, но и любые доспехи способен пробить, а если его метнуть, то попадет именно туда, куда был нацелен, даже если бросили его из неудобного положения и без достаточной силы. Причем, эти его качества, совсем от талантов владельца не зависят! Что и говорить, очень ценное приобретение, но все ли это его возможности?! Сдается мне, что вряд ли...»

Я выбрался из своего импровизированного гнезда, достал кинжал из сумы, куда я, по приезде, спрятал его, чтобы кто-нибудь из слуг случайно, (или неслучайно — любопытство свойственно многим), об него не поранились и, любуясь диковинным видом, поднес к глазам: «При первой же возможности закажу для него ножны... И что я там говорил, про то, что он «не в моем вкусе»?! Как красота может быть «не во вкусе», если он вообще у тебя есть?» А красота Аль Каюна была просто завораживающей!

Нежно, будто лаская, я провел пальцами по тонкому клинку, скользнул по замысловатой гарде и в ответ на мое прикосновение, кинжал вдруг засветился лиловым светом. Несколько минут я пораженно разглядывал это чудо, а потом, с сожалением, отложил его на подоконник: что означает его свечение, я все равно — без понятия! Утром нужно будет попросить княжну о доступе в их библиотеку, помнится, по ее словам, она в замке просто огромная...

А дальше мысли уже сами потекли по предложенному им руслу: «Про остальные вещи известно и того меньше, поскольку их хозяева любовью к письму не страдали, да и летописцев, похоже, не жаловали. Самые первые получили информацию от отца, а было ли

время у них самих, да и у всех последующих владельцев, передать оружие наследникам со всеми знаниями о нем? Если и да, то думаю, что далеко не каждому. Скорее наоборот: большинству оно досталось лишь спустя какое-то время после смерти предшественника. Тогда, в лесном домике, Лилли сразу мне не сказала, а упомянуло об этом только сегодня: все предметы из этого набора весьма мстительны и не даются в руки тем, кто так или иначе послужил причиной гибели их хозяина, не говоря уж про прямых убийц!»

Именно поэтому, кстати, они вполне могли и затеряться: убийцы, как и их близкие, наверняка боялись тронуть «до времени» зачарованное оружие, возможно, что наказали слугам его припрятать, а там, глядишь, судьба всех осведомленных и «прибрала»! Висит теперь, скажем, то же копьё на стене в чьем-нибудь замке, а хозяин про него и не в курсе. «Вот бы собрать весь комплект», — подумал я мечтательно, — «воин с таким оружием в этом мире будет фактически непобедим! Правда о судьбе завоевателя с такими-то «подарками» от джинна мне грех мечтать, но все же... Ну, пусть не всю компанию, а найти из них еще хоть кого-то...»

Да, я так и подумал, не «что-то», а именно «кого» и с некоторым удивлением осознал, что и про свой кинжал, с какого-то момента, я думаю, как про нечто одушевленное! Не даром же в старину даже на лишенной волшебства Земле, великому оружию давали имена и относились к нему с уважением, как к боевому товарищу?! А ведь я, вроде как, чужд подобным предрассудкам? Ну и дела...

Впрочем, у меня была намного более интересная тема для размышления, поэтому поудивлявшись слегка неожиданной смене собственных взглядов, я опять вернулся мыслями к рассказу Лилли.

«Мда... Целый боекомплект, каждое изделие из которого, наделено особыми свойствами! А помечтать? Что из этого набора я хотел бы для себя? Например, копьё Аль Брандт, которое невозможно выбить из руки и которое гарантирует победу в конном бою. Хотел бы я такое?» — покатав идею так и эдак, решил, что пожалуй нет. Ну не ощущал я себя эдаким странствующим рыцарем, в шлеме, броне и с прочими аксессуарами. Предложи мне кто-нибудь самый распрекрасные доспехи, отбрыкиваться буду всеми конечностями! Да и как сложится жизненная ситуация, заранее никогда неизвестно, можно ведь и лошади лишиться. Ну и что тогда, таскать на собственном загривке массивное копьё для конного боя?

И ведь не бросишь, когда у него такие свойства! Жаба не то, что задушит, сожрет в костях! Нет, что-то не вдохновляет. Да и навыков подобного боя у меня нет никаких. Мой бой с шестом тут не прокатит от слова «совсем»! Учиться? Научиться можно всему, но с маленькой оговорочкой: «Если есть желание!» А становиться мастером конного боя на копьях, желания как-то не ощущается! Однозначно, на копьё не претендуем.

«Что там дальше? Меч Аль Сильвир? Вот от меча я бы не отказался!» — у меня аж ладони зачесались от желания помахать мечом, можно и прямо сейчас!

Да еще, по словам княжны, он разрубает все, по чему ударит, будь это столетний дуб, камень, или, прости Господи, чья-то неразумная башка в шлеме! Почему «неразумная»? Ну так надо же думать, кого в соперники выбираешь! Впрочем — шучу. Зачастую соперник совсем не от твоего собственного выбора зависит, а сразу признать себя проигравшим... Понятие «честь», хотя случается, что и в сильно извращенном виде, здесь руководит очень многими поступками...

«Так, что следующее? Аль Бухур, боевой топор или по тому, как его описала Лилли —

скорее секира, вроде бердыща, но с более коротким древком (или нет, насколько можно верить девушке, которая его сама представляет только по описанию). Да, с такой вещью я бы справился, а если судить по боевым качествам, то в ближнем бою — она самое предпочтительное оружие», — я вытянул перед собой руку, представляя, что держу в ней топор. К слову — по весу он ненамного тяжелее меча, а при случае его и метнуть можно! Тем более, что все оружие из этого набора можно позвать и оно послушно вернется к хозяину. Как говорила одна из моих знакомых дам на Земле: «Хочу-хочу-хочу!» Вот и я так, с большим энтузиазмом!»

Представил себя с мечом за спиной и секирой у пояса, сначала в чехле, а потом просто висящей на ремне, завязанном у боевой части и конца рукояти. Прикинул, как бы стал доставать... явно второй вариант предпочтительней и выхватывать лучше из-под руки. Угу, а ремнем можно кисть обмотать... Покрутил картинку так и эдак, и никаких особых противоречий не нашел. Да, весу прибавилось бы, но не критично и несомненно то того стоило бы! Хотя... А зачем их обоих таскать? Если есть секира, то ею одной вполне можно обойтись! Ну и луком со стрелами...

А вот напоследок, кстати, как раз и есть такая «сладкая парочка»: лук Аль Базит, не дающий промаха и стрелы Аль Агуль, всегда возвращающиеся в колчан. От них, разумеется, я бы тоже «ни в жисть» не отказался, ведь в этом мире лук — единственное оружие, которое способно поразить на дальнем расстоянии. Про арбалет молчим, поскольку мастер, который изготовил этот комплект, ограничился луком, да и бьет арбалет хоть и дальше, но стреляет медленнее, а значит на нет, как говорится, нечего и губу раскатывать! Причем, и это, на мой взгляд, особенно ценно в магическом оружии — мастерства лучника от владельца не требуется, были бы хоть какие-то навыки! Жаль только одного, что от моих фантазий до реальности далековато.

Как раз в тот момент, когда я размечтался, что мой Аль Каюн наведет меня на остальные братские девайсы, дверь в мою спальню отворилась и на пороге появилась княжна в одной нижней сорочке с очень нежной, мечтательной улыбкой на припухших от моих поцелуев губах, но... с плотно закрытыми глазами...

Несколько секунд я просто тупо хлопал глазами, не зная как поступить. Вроде как при приступах лунатизма, будить лунатиков строго противопоказано. Или это когда они ходят по карнизам или стоят на перилах балкона? Вот кто бы помнил такие детали?! Но тут вдруг девушка сказала очень ясно и отчетливо, но с непривычными мне, покорными интонациями в голосе:

— Да, господин, я уже иду...

Не то, чтобы я был большим спецом по лунатизму, но что-то настойчиво мне подсказало, что фраза-то явно для обычных лунатиков несвойственна! Не помню точно, но еще когда я был подростком, откуда-то всплыла тема хождения во сне и на какое-то время здорово нас захватила. Хоть какую-то научно-популярную литературу тогда достать было чрезвычайно сложно, но кто-то все-таки расстарался, возможно с помощью родителей. За короткое время, жадно передавая эти брошюры из рук в руки, мы зачитали их до дыр и хоть некоторую информацию получили, но увы, нашу жажду необычного, она погасить не смогла. Как бы даже и не наоборот, разогрев фантазию до максимума!

Так что самых разных историй про лунатиков я наслушался вволю, от реальных, до самых бредовых, от смешных, до откровенно жутких, но ни от одной из них не несло так

навязчиво какой-то стремной пакостью, которой прямо-таки веяло от этого покорного сообщения Лилли неведомому «господину» о скором ее визите! А княжна, тем временем, уже дошла, к слову — босыми ногами и по холодному каменному полу, до дверей ведущих в коридор и явно намеревалась отодвинуть задвинутый мною засов. Не придумав ничего лучшего, я попытался просто отнести девушку назад в постель, но не тут-то было!

С неожиданной силой, миниатюрная до хрупкости Лилли, не только с легкостью смогла оттолкнуть мои руки, но и здорово заехала мне под дых своим остреньким локотком, правда на мое вмешательство больше ни как не отреагировав и, чуть ли не двумя пальцами, откинув тяжелый кованный засов, вышла во мрак коридора. Ну и что я должен был делать в такой ситуации? Ломать себе голову над этим вопросом я не стал, только шипя сквозь зубы ругательства, натянул сапоги, накинул прямо на белье плащ, сгреб с подоконника свой кинжал и припустил за довольно ходко удаляющейся фигуркой княжны.

Вознося хвалу Богу за удачу, а джинну за науку, благодаря чему я сейчас умел создавать «светляков», те самые светящиеся шарики, при свете которых Мерхаб впервые предстал мне в истинном обличье джинна, я создал парочку таких же и повесив один метрах в десяти впереди — чтобы избежать по возможности внезапных сюрпризов, другой пристроил прямо над головой княжны — чтобы тупо видеть пол, который здесь, в отличии от жилых покоев, был сложен из довольно грубо обтесанных камней и не сулил мягкой посадки в случае падения.

Сама девушка, похоже, ни в какой подсветке совсем не нуждалась и шла настолько быстро, насколько вообще позволяли ее маленькие ножки. Чисто для примера: я, со своим широким шагом, едва-едва поспевал за ней, чтобы не срываться на легкую рысь. Так мы с княжной и шли, спускаясь по лестницам и переходам все ниже и ниже, а поскольку покои мне и так отвели не на самых высоких этажах, то скоро стало очевидным, что наш путь лежит в подземелье...

Если сначала я чувствовал даже какой-то азарт, то чем глубже мы с девушкой уходили в подземную часть замка, тем тревожнее делалось у меня на душе: все-таки о том, куда мы идем, не знал больше никто на свете, а способ приглашения княжны на randevu, более, чем сомнительный, но... А делать-то что?! Кого-то предупредить у меня не имелось и шанса, а бросать даму с которой спишь, пусть даже и без обязательств... «Эх, что значит мамино благородное воспитание!» — шучу, естественно, поскольку что и остается, так только иронизировать и подшучивать над собой для поднятия бодрости духа.

Не сказать, чтобы я боялся, но ощущение приключения на собственную, горячо любимую задницу, было настолько острым, что она, эта самая часть тела, аж поджалась в предчувствии! «И вот кстати: почему это «нижние полушария» всегда считаются зачинщиками всех тех глупостей, которые творят «верхние» и постоянно за них расплачиваются?! Голова решила, спланировала, зачастую — напортила, а все, что она в результате заработала — огребают «пятая точка»?!» — вот развлекая себя подобными «умными» мыслями я и шел, теряя счет лестницам, переходам и поворотам. Случись назад выходить одному, то уж и не знаю, как выберусь! Только и успокаивает, что здесь все же далеко не лабиринт и двигаться придется однозначно вверх.

Когда именно впереди посветлело, я не заметил, поскольку некоторое время этому мешал свет моих же фонариков, а сообразил, что в них как-то вдруг поубавилась необходимость, только когда опять стали спускаться по очередной, «пиццот» первой

лестнице: бросил взгляд в пролет и точно — дальше не мрак кромешный, как раньше, а все ступени будто кто-то разбавленным водой молоком залил. Сначала подумал, что это дым, но пахло чем угодно, но только не горелым, а дыма, как известно, не только без огня не бывает, но и без запаха!

И вот именно это самое туманное «молоко» и светилось каким-то жутким, мертвенным, едва ли не потусторонним светом!!! Вот же черт, будто в преисподнюю спускаемся! Хотя нет, из преисподней все же наверное должно огнем подсвечивать? Светом красным или оранжевым? А тут голубизна — не голубизна, белесое что-то... Ага, как в склепе в фильме ужасов.

В том, что в своей оценке насчет склепа я ошибся несильно, пришлось убедиться буквально через считанные минуты, когда лестница закончилась. Сразу за ней случился узенький и низкий коридор, а потом раз — и с тонущим где-то во мраке, высоченным потолком и невидимыми стенами, открылось пространство огромного зала, в котором будто под действием дым-машины какого-то новомодного шоу для готов, по-над полом клубился этот странно-светящийся, промозглый туман.

Сначала зал показался мне пустым, но пройдя несколько метров я стал различать предметы обстановки, которые из-за тумана казались чем-то призрачным и нереальным. Мне даже захотелось потрогать их, чтобы убедиться в их материальности, но я боялся потерять княжну в густеющем мареве. Однако оказалось, что мы уже пришли...

Глава двадцать первая в которой герой узнает, насколько правдивы слухи об очаровании вампиров

Какой-то массивный, но не сильно высокий предмет непонятного назначения, уже некоторое время маячил в тумане, но тот не позволял его толком рассмотреть, все время скрадывая очертания своими колышущимися языками. В какое-то мгновение, однако, туман вдруг как-то разом отступил и предмет открылся сразу весь и с деталями... Гмм... ну и что же это у нас такое? То ли несколько высоковатый и излишне массивный стол, то ли какая-то вытянутая в длину тумба вроде старинного комода, да еще с чем-то невразумительным на поверхности...

Вот блин, да я элементарно туплю, однако! Саркофаг, вот что это такое! А высоковат, потому что на постаменте! Мдемс... Похоже местная атмосфера весьма плохо сказывается на моих извилинах, если уж я саркофаг не узнал?! Мало я их повидал в свое время? А ведь можно было и просто по логике догадаться: подземелье глубоко под замком, помпезный, но явно нежилой зал, в котором по центру стоит здоровенный каменный сундук с какой-то скульптурой на крышке! Угу, вот здесь как раз именно такой и стоит.

На моей Земле-матушке какие только культуры не устраивали подобные погребальные сооружения! Лично мне, больше всего нравились саркофаги древних этрусских захоронений, где фигуры почивших владельцев, в натуральную величину мастерски вырезанные из камня, изображают сценки из жизни. Но конечно — это дело вкуса. Мой приятель-египтолог, например, просто с ума сходил от египетских футляров для мумий, а по мне — они слишком однообразны, хотя встречаются и довольно необычные экземпляры. А для того, чтобы полюбоваться на творения в этой области старушки-Европы, зачастую даже под землю спускаться не надо, поскольку так называемые «усыпальницы королей», в основном располагаются в храмах...

Чисто из научного интереса присмотрелся к местному захоронению, которое мне чем-то напомнило саркофаги египтян, хотя было на них совершенно непохоже. А-а, вот в чем дело! На европейских изделиях, человеческая фигура как бы лежит сверху, а на некоторых, так и «возлежит», как говорил — не редко в позе, совершенно естественной для живого человека. А в творениях египетских мастеров, обитатель саркофага как бы заглублен в крышку. Иногда до половин, а случается, что и до двух третих. Вот и на этом камне фигура была сильно заглублена в него, настолько, что тело и лицо едва-едва выступали над поверхностью на считанные сантиметры. «Поленился скульптор, схалтурил...» — это была первая и единственная в таком тоне мысль, которая пришла мне в голову перед тем, как...

Девушка, которая все время меня немного опережала, в этот момент как раз обошла саркофаг по кругу, видимо потому, что с той стороны на постаменте были предусмотрены ступени, а она хотела максимально приблизиться к скульптуре, но ее роста для этого, элементарно не хватало. Поскольку мне двигаться за ней по пятам уже не было никакой необходимости, я теперь просто наблюдал за своей «спящей царевной», пытаюсь понять ее намерения и смысл всего этого полночного вояжа.

Однако, в тот момент, когда княжна наконец достаточно поднялась к надгробью, я увидел то, чему с трудом поверили мои глаза: лицо скульптуры, будто в нетерпении, приподнялось над поверхностью саркофага на столько, на сколько ему вообще позволил камень и потянулось к девушке, а она покорно протянула в его сторону руку!!! Адреналин

мощным толчком ворвался в мою кровь и вызванный им ужас, оказался просто шикарным кнутом, который стегнул меня по нервам и заставил сделать почти что невозможное: за долю секунды отбить нежную кисть девушки от тянущейся к ней пасти монстра!

Как я не сломал себе шею, в том сумасшедшем кульбите, для меня остается загадкой, однако я все-же успел... Помню, что единственная мысль, которая со скоростью сверхзвукового истребителя прошмыгнувшая по моим извилинам, была о том, чтобы спасая, самому не угробить Лилли! Однако — обошлось. Окончательно пришел в себя только лежа на холодном каменном полу и ощущая, как княжна, сбита мной в прыжке с пьедестала, отчаянно трепыхается под моим телом.

Аккуратно, но без особых церемоний, я сгреб так и непроснувшуюся девчонку в охапку и привязал ее каким-то обрывком тюля к ближайшему креслу, которое неожиданно обнаружилось совсем рядом: отойти от княжны дальше, чем на несколько шагов, этой ночью я бы точно не решился! И так сердце все не могло уговориться и бухало в ребра настолько мощно, что впору было опасаться, как бы оно их не проломило!

Вынув Аль Каюн я поднялся по ступеням и угрожающе навис над впаянным в саркофаг монстром, который, к моему несказанному удивлению, несмотря на свой довольно усушенный вид, яростно сверкал на меня вполне себе живыми, влажными глазами!

— Ну и что ты за тварь такая?! — задал я вопрос, не особо-то надеясь на плодотворный диалог и на всякий случай прикидывая варианты, как мне разговорить это чудовище, в случае его категорического «отказа от сотрудничества».

Если оценивать объективно, то ситуация-то патовая! Не пытаться же мне его?! Спецназ, по слухам, с психологами обучают «экстренному потрошению», а я такого на военной кафедре своего ВУЗа даже близко не проходил! Более того: можете называть меня хоть слабаком, хоть чистоплюем, но мне трудно симпатизировать человеку, с легкостью готовому взять на себя роль палача. Или даже не с легкостью...

Остается только поугадать его намерениями, хотя что тут можно придумать более страшного, чем то положение, в котором он «уже» находился — просто не представляю! Откажись это гибрид трупа с саркофагом отвечать категорически, и мне ничего не останется, как плюнуть, сказать что-нибудь высокопарное и топать назад, в свои покои. «Угу, а еще надеяться, что следующей ночью трюк с призывом княжны не повторится», — мысль о княжне врубилась в сознание не хуже колуна! «Видимо, все же мне придется себя ломать...» — подумал с омерзительным чувством безысходности, однако на мою удачу, пообщаться, нам удалось без кардинальных решений и запредельных усилий...

Только что монстр яростно рвался из своей каменной тюрьмы и непримиримо сверкал глазами, а тут вдруг резко затих и ярость в его глазах сменилась усталой покорностью. И вроде бы следует этому порадоваться — пытаться никого не придется, а мне наоборот — эта перемена совсем не понравилась. Одно дело схлестнуться с противником, даже врагом, пусть и пленным, но злобным и способным противостоять хотя бы эмоционально, а совсем другое — гнуть того, кто и так-то не благоденствует да еще и пал духом. Вот такие вот противоречия...

— Так, как вижу — к диалогу ты готов, — начал я вполне миролюбиво, усевшись боком на саркофаг, — итак, вопрос первый: это ведь ты княжну призвал? Зачем?

— Ну-у... Она единственная в замке, кто может отозваться на мой зов...

«Понятно, каков вопрос, таков и ответ и даже претензии не предъявишь! Разве что себе самому...» — я глубоко вздохнул, успокаивая остатки адреналина, все еще бродившие по жилам и сделал дубль два.

— Призвал того, кто призвался, значит. А зачем призывал-то?

На этот раз вздохнул мой собеседник и спросил как-то доверительно, по-свойски:

— Ты пробовал не есть неделю? А две? Месяц? — и вдруг заорал, рванувшись из камня всем телом, — жрать я хотел! Понимаешь?! Жрать!!!

В этом порыве было столько экспрессии, что меня будто сдуло с саркофага! Показалось, что этот отчаянный рывок сделает-таки свое дело и я окажусь лицом к лицу с противником, сил и возможности которого, не представляю! Отскочив от беснующегося монстра на пару шагов и убедившись, что его положение не изменилось, я перевел дух: штаны вроде не пострадали, а явно могли бы, страшилка-то вышла на славу!

«Угу, а разве ты не этого только что хотел?» — вылез не пойми из каких глубин подсознания, мой скептический и ехидный двойник, — «ты бы уж определился как-нибудь, какого именно противостояния ты желаешь. Благородным хорошо быть, когда враг обездвижен. Не тобой, к слову...» Самоирония неожиданно оказалась очень действенной, я вдруг почувствовал спокойствие и необыкновенную уверенность.

— Угу. А княжна тебе бутерброды несла! — хмыкнул я насмешливо, — впрочем, вопрос чисто риторический, а в действительности я хотел спросить совсем другое: не сочти за идиота, но разве вампиры едят вампиров?! Или я ошибся в твоей видовой принадлежности? — дождавшись, пока монстр утомонится, прямо в лоб поинтересовался я.

— Нет, не ошибся, — «вампирюга» начал отвечать с конца и если я правильно понял мимику на его уродливом лице, иссохшем до состояния мумии — с некоторым смущением, — вообще-то — нет, но возможны исключения. Я погибаю... кровь княжны способна лишь слегка отсрочить неизбежное... — закончил он таким спокойным тоном, что я сразу же ему поверил: когда уже нечего терять — эмоции излишни.

— Ну и как ты дошел до жизни такой? — спросил я отстранено, чувствую, что вопреки рассудку и логике, мне становится жаль это чудовище!

«Эй! Друг, ты что?!» — попытался я воззвать к той части своего «я», которое управляло чувствами, — «это морок, не иначе! Таких как он не жалеть, а уничтожать надо!» Однако попытка успехом не увенчалась: что-то внутри меня говорило, что такой участи не заслуживает вообще никто! Быть заточенным в камень, лишенным возможности не то, что сделать несколько шагов, а вообще — даже шевелиться, медленно погибать от голода и жажды, чувствуя как камень саркофага вытягивает из тебя последние силы...

Нет, я не пацифист и не слезливый идеалист, тем более не тот, не помню как их называют, кто считает, что жизнь разумного индивидуума следует ставить в приоритет при любых обстоятельствах — нет и еще раз — нет! Если человек ради соблюдения своих интересов портит и калечит другим жизни, на мой взгляд — это повод как минимум задуматься, а на хрена он такой нужен?!

Если же он ради своих «хотелок» идет на физическое устранение конкурентов, пусть и не десятками тысяч, ради жизненного пространства и природных богатств, как попытались повернуть с нами в 41-ом, а менее глобально, например на одну и ту же сферу бизнеса, платить ему следует, исключительно той же монетой! Если имеешь право ты, то могут и тебя! Но это, разумеется, упрощенно. Мучить до смерти садистов не призываю, но не ради них, а чтобы уберечь психику невиновных. Просто прибить, думаю, вполне достаточно.

Но тогда с чего бы я вдруг заболел неуместным гуманизмом? А просто: откуда известно, что этот монстр так уж виновен? Что такого он совершил, чтобы заслужить подобную кару? Почему его просто не убили, в конце концов? И последнее: что-то у меня не вызывают симпатию судьи, способные вынести такой приговор. Может дело в том, что убить его, им было не по силам? Короче: разобраться бы не помешало и раз мы все равно уже здесь, то почему бы и не сейчас?

— Странный ты... Такое впечатление, что вообще про вампиров ничего не знаешь, — черные глаза монстра уставились на меня пристально и я бы сказал, с несколько нездоровым любопытством, будто намеревались то ли просканировать по слоям, то ли вообще, проколоть насквозь и и в этих «слоях» поковыряться в прямом смысле, руками.

Только и радовало, что в его положении неосуществимо ни то, ни тем более — другое. Однако неприятное ощущение прошло волной по позвоночнику и заставило поежиться. Чтобы скрыть дискомфорт, который принес этот взгляд, я несколько нарочито фыркнул насмешливо и возразил:

— Ну, почему же не знаю? Наслышан, хоть лично раньше не сталкивался, врать не буду. Княжна — это первая вампирша, с которой пересеклись наши пути.

— Да какая она «вампириша»?! — презрительно скривил свои сухие губы пленник, — она же даже не обратилась до конца...

— Угу. Я тоже думаю, что Лилли как вампирша еще не состоялась, — охотно и с некоторым облегчением, согласился я с монстром.

С «облегчением» потому, что одно дело слышать информацию от дилетантов, а совсем другое, от настоящего, я бы сказал, «профильного» специалиста!

— Вот именно! — весомо подтвердил тот мое мнение и добавил, — но даже если и «состоится», как ты сказал, все равно после такого ритуала обращения, она останется низшей формой псевдожизни. Зависимой и управляемой...

— Так-так-так! А вот об этом подробнее, — всем нутром почуял я какую-то заподляну, — что-то мне слышится какой-то подтекст в твоих словах, а? Ритуал неправильный? Неполный? И провели его так специально?

— А ты уме-е-ен... — протянул вампир с какой-то снисходительной интонацией, — хоть и дремуч в этом вопросе, но в чутье тебе не откажешь... — и вдруг замолчал, прикрыв глаза и как-то слишком уж расслабившись, отчего сходство с мумией стало абсолютным!

— Эй-эй! погоди отключаться, — я немного запаниковал: ведь если он отбросит копыта, то и информации привет!

Однако вампир пока помирать не собирался, но наша беседа ему давалась явно нелегко: каждое следующее слово было тише и невнятней предыдущего. «Вот же гадство — накормить его кажется все-таки придется! Даже если он претворяется, то эту цену мне точно придется заплатить. Но как?! Степень свободы у этого «пленника саркофага» значительная и изголодался он серьезно, так что руку я ему не доверю, а попасть в рот со значительной высоты и при этом встать так, чтобы не приблизить к нему другие части тела... Мда, Нихима с Сулимом явно не хватает!» — заматались под черепом суматошные мысли, а взгляд в это время будто сам по себе шарил по покрытым туманом окружающим предметам.

О! Рядом с графином, покрытым толстым слоем пыли, что-то похожее на маленькие стопочки из какого-то металла. Уже сделав шаг в том направлении спохватился: «Куда ты летишь, придурок?! «Какой-то металл» — это скорее всего серебро! Добить «вампириюгу»

хочешь?!» Хотя очень может быть, что это еще один из мифов, но рисковать явно не стоит. К счастью, рядом с графином валяется и его крышка, выполненная в виде стеклянной рюмки. Объем у нее маленький конечно, чисто декоративный, ну так я досыта этого монстра кормить и не собираюсь. Так, слегка, только чтобы раньше времени ласты не склеил.

Опыт с кормлением княжны у меня уже имелся, так что ладонь я надрезал с умом, так, чтобы потом ранку тревожить по минимуму, а в рюмочку кровь нацедить прицельно. Унюхав поблизости от себя знакомый запах, монстр опять заволновался, откуда только и силы взялись?!

— Эй, утомонись немедленно, — прикрикнул я на пленника, — я собираюсь дать тебе немного крови, но если ты не прекратишь врать, рисковать я не стану!

Реакция вампира оказалась настолько отличной от ожидаемой, что я аж растерялся. Вместо того, чтобы тянуться ко мне, ну или еще как-то проявить заинтересованность в кормежке, он наоборот, как мог сильнее отстранился и максимально отвернул голову, стараясь спрятать от меня губы.

— Ну и что это означает? Или это не ты совсем недавно здесь орал, что хочешь жрать?! А теперь чего кобенишься?!

Вампир мои вопросы проигнорировал и когда я шагнул к саркофагу, только прорычал почти по звериному, так, что я еле узнал слово:

— Пр-р-рочь..!

«Гмм... Форма самоубийства? Ну и с чего бы вдруг так внезапно? Или новая хитрость, чтобы усыпить мое недоверие и подманить поближе? На второе похоже больше, но все равно странно...» — одну за другой перебирал я причины странного поведения вампира и так же одну за другой их отвергал: ну не чувствовал я, что нащупал ту самую!

Наконец идиотизм ситуации меня достал да и хитрость одна поскреблась под черепушкой: когда мы с княжной шли к саркофагу, то проходили мимо парочки старых доспехов, которые здесь, как и в моем мире, видимо выставили в качестве то ли трофеев, то ли пытались таким образом украсить зал... Впрочем — не суть. Главное, что у этих доспехов имелись латные перчатки! Если надеть такую железку на руку, то я вполне уберегу руку от возможной диверсии со стороны монстра. По крайней мере если он попытается меня укусить, то вырваться я сумею.

Довольный как слон, что нашел-таки выход, я быстренько разграбил один доспех и примерил перчатки: не идеально конечно, поскольку сочленения смазывались очень давно, но главное, что не малы и пальцы все-таки согнуть получилось. Угу, и согнуть, и разогнуть, и удержать импровизированную рюмочку. Перчатки я одел на обе руки, так что теперь вампир не имел и шанса отвертеться от кормежки и, как он не вертелся, приличную порцию своей крови я в него все-таки влил!

Несколько минут после этого пленник лежал как труп, потом его грудная клетка поднялась от глубокого вдоха и он заговорил каким-то обреченным, я бы сказал «мертвым» голосом:

— Позвольте представиться, господин, Истинный князь народа Детей Мрака, Волюнд фон Тирд...

Что-то такое засвербило у меня в памяти и немного помучив мозги я вытащил Бог весть когда и как туда попавшую информацию, от которой происходящее стало еще более странным: во-первых, вампиры никогда не употребляют в отношении смертных слово «господин», потому что так величать еду — просто смешно! А во-вторых, они никогда не

представляются смертным полным именем, потому что таким образом они оказывают собеседнику уважение и признают его близким себе по рангу, что опять же, в отношении пищи, более чем нелепо!

И вот как понимать выходку этого Волюнда в свете всего вышесказанного?! Этот вопрос я и задал «вампирюге». Ответ — более, чем ошеломил...

— Мой господин, Вы откуда-то вызнали главную тайну вампиров и теперь я обречен рабски служить Вам до самой своей смерти! Разве Вы сами не знаете, что добровольно напоив меня своей кровью, вы намертво привязали меня к себе?! Зачем же вы глумитесь надо мною? Впрочем, возражать я все равно не имею права...

— Ну, б...я-я, ох...ть! — только и смог я выдохнуть с чувством!

Я сын лорда по отцу и интеллигент в Бог весть каком поколении по матери, но иногда кроме «русского разговорного», никакой другой язык просто не идет на ум!

— Ну и что же это значит? Ты станешь мне подчиняться и не сможешь напасть ни при каких условиях? — спросил я фон Тирда, как только вообще смог произносить хоть какие-то слова кроме матерных, — а не врешь?

Спросил, но тут же мысленно обозвал себя идиотом! Ну не стал бы высокородный князь врать **так**! И самозванствовать перед лицом «пищи» вампир бы не стал. Вот хоть что в заклад отдам: сказанное чистая правда! Рассуждал я вроде вполне себе трезво, но где-то глубоко внутри, кажется примерно на уровне солнечного сплетения, совсем по детски радостно, билась и ликовала некая эмоция: «Вампир! Целый князь! Мой!!!» И одновременно хотелось прибить себя за эту радость: «Нашел, блин, чему радоваться! Поработил разумного?! Стыдоба-а... Только и оправдания, что абсолютно случайно и из самых благих побуждений! Те самые «благие намерения», которыми придурки вроде меня, вполне успешно мостят вполне конкретную дорогу! Твою ж..!» Но с другой стороны: отказываться от такой удачи было бы чистым идиотизмом.

— Не вру, господин... — с напускным спокойствием ответил вампир на заданный вопрос, даже близко не подозревая о том внутреннем раздразе, который буквально разрывал меня на две части в эти самые мгновения. — И захотел бы напасть — не смог бы. Как и соврать...

— Ладно. Верю. — я содрал латную перчатку, решительно увеличил надрез на ладони и бестрепетно занес руку над лицом князя.

Ему в зубы я все же ее не дам, но и показывать, что все-таки опасаясь вампира — не дело. Расчет оправдался и как бы не изголодался фон Тирд, а даже движения в сторону моей кисти он не сделал. Лежал тихо и только ходящий вверх-вниз кадык, говорил о том, как жадно он глотает мою кровь.

Следующий мой расчет заключался в том, что подкрепившись, вампир сможет покинуть свое каменное ложе без моего физического участия и он тоже оправдался. Когда очередной, третий или четвертый раз, я почувствовал, что кровь в ранке загустела, то решительно убрал руку и перетянул ее приготовленным заранее платком. Вампир с явно видимым сожалением проследил глазами это мое действие и на некоторое время замер неподвижно.

Рывок, последовавший за этим, я увидел только в виде смазанного силуэта, который за долю мгновения слетел с крышки саркофага и предстал передо мной в виде согнутой в поклоне фигуры. Вампир был полностью наг, но казалось ни в малости этим не озабочен и я опять не смог не подумать, что смущаться «пищи», по меньшей мере смешно. И пускай он

сейчас признает во мне господина, но на уровне рефлексов я еще долго буду оставаться для него всего лишь едой. Да и прав он, если уж подходить непредвзято, разве не я только что кормил его своей кровью? Так что все справедливо и мне не на что обижаться.

Фон Тирд, тем временем, куда-то быстро удалился, но я не стал его унижать вопросами лишний раз. Впрочем, он вернулся еще до того, как я стал задумываться над вопросом, правильно ли поступил, поделикатничав. Вернулся полностью одетый в добротный и даже нарядный костюм, с широкополой шляпой в руке и черным глянцевым плащом, перекинутым через локоть.

— Идем? Впрочем, прошу прощения, господин, — тут же исправился он с легким поклоном, — я не должен был задавать вам вопросы...

— Угу, — согласно покивал я головой, — а еще не должен был отлучаться не спросив разрешения... — и продолжил, не давая вампиру начать снова унижаться, — может перейдем на более свободный стиль общения? Меня совсем не радует, что ты постоянно говоришь мне «господин». Хочешь верь, хочешь нет, но я понятия не имел о том, что случится, если я напою тебя своей кровью и теперь меня просто с души воротит от твоего унижения! Кстати, а почему так? Княжну ведь я тоже поил и ничего, никакого эффекта подчинения. А ты... Мне очень нужны ответы на некоторые специфические вопросы и я просто боялся, что отвечать у тебя элементарно не хватит сил...

Вампир слушал меня покачивая головой с непередаваемой усмешкой на все еще излишне суховатых губах, а потом внезапно вскинул голову, проницательно взгляделся мне в глаза и воскликнул почти как известный в моем мире персонаж Булгакова:

— С ума сойти! Кто бы мог предположить?! Меня поработило милосердие..! — и хрипловатый, какой-то каркающий смешок разорвал тишину подземелья, — Вы прежде всего пожалели меня, господин, и не отрицайте — я умею чувствовать такие вещи!

Я слегка смутился его проницательностью. Пожалел? Возможно. Сложно было не посочувствовать кому-либо, когда он в таком жутком положении. Однако отвечать вампиру я стал, посчитав за лучшее, сменить тему.

— Ну, так как на счет другого формата общения? Ты не ответил...

— А что конкретно ты предлагаешь, кроме обращения на «ты» и... по имени?

— Вот именно. Просто взаимное уважительное обращение, примерно приятельский формат, без уничижительных форм и постоянного упоминания зависимости. Идет?

— Раз уж ты поработил меня нечаянно, то может и освободишь? — вампир прищурился с хитрой улыбкой, под верхней губой блеснули белым перламутром внушительные клыки.

Я улыбнулся в ответ:

— Не исключено... Только не так скоро, как тебе бы хотелось, ну и не без некоторых условий.

— Как изволишь... — Волюнд с напускным равнодушием пожал плечами, — так о чем ты хотел узнать?

«Не поверил», — мысленно прокомментировал я его реплику, но пытаться переубедить не стал...

«Ну да, «хотел узнать»! Да у меня вопросов, на самом деле, до черта, если не больше. Только вот место тут для беседы не самое лучшее, а подниматься на поверхность..? Два мужика в ночном замке с полуголой княжной на руках..? Угу, а если кто-то вдруг попадется навстречу, то мочить без лишних разговоров. Смешно-о... Или она теперь сама пойдет?» —

я с некоторым сомнением посмотрел на уgomонившуюся Лилли, но теперь, когда над ней перестала давить воля вампира, девушка просто крепко спала в своих путах и как-то непохоже было, что ее легко можно добудиться.

Впрочем: будет она спасать или нет, а позволить девушке опять шлепать босыми пятками по каменному полу замка, мне совесть не позволит. Так что альтернатива невелика: — А скажи-ка мне, мой клыкастый друг, что ты знаешь про секретные ходы в замке?

Видимо этот вопрос вампир ожидал услышать... не скоро, если вообще ожидал, потому что уставился на меня недоуменно, но тут же скроив утрировано-покорную физиономию, все же начал отвечать, «рекламной» интонацией напомнив мне джинна, но не «моего», а персонажа «Алладина»:

— Что? Абсолютно все! Поскольку ни кто иной, а именно я, присутствовал еще при его закладке сего строения, — он приложил руку к груди и коротко кивнул головой, будто представляясь, а потом, чисто человеческим жестом, простовато почесал в затылке и светски осведомился, — прикажете проводить?

— Веди, — согласился я, не обращая внимания не его гримасы и ёрничанье, — первым делом — к спальне княжны, — и отвернувшись, принялся отвязывать Лилли от кресла.

Однако, когда держа княжну на руках, всего спустя пару минут я обернулся, то едва ее не уронил, стоило мне только взглянуть на вампира..! Мог бы — ущипнул себя или даже надавал себе пощечин, однако легонькое тело девушки на моих руках, лишало меня любых проявлений мазохизма, поэтому я только потряс головой, будто конь отгоняющий овода и снова уставился в лицо Волюнда, которое за тот короткий срок, пока я отвлекся на Лилли, преобразилось буквально до неузнаваемости!

Стоял, таращился как замороженный вампиру в лицо, а в мозгу кто-то ныл на одной ноте: «Бли-и-ин!», потому что сначала никаких других мыслей просто не было! И только спустя пару минут удалось подумать более-менее членораздельно: «Так вот почему столько разговоров о неотразимом шарме вампиров!» А мужчина, стоящий передо мной... Хотя, какой там «мужчина»?! «Молодой парень» — вот это сейчас самое то! Так вот: парень, грациозно опирающийся сейчас на саркофаг, был не просто красив, нет, в его внешности было нечто большее! Такое...

«Вот так нормальные мужики и меняют свою сексуальную ориентацию!» — всплыло вдруг под черепом откуда-то из глубин сознания. Однако мысль оказалась весьма отрезвляющей: я еще раз с такой силой тряхнул головой, что едва не спровоцировал себе сотрясение мозга, однако извилины встали на место и морок отхлынул. А этот гад смотрел на меня и насмешливо скалился!

— Еще раз выкинешь такое, — зло ощерился я в ответ на его лучезарную улыбку, которая с готовностью сменила насмешку, — я тебе морду набью и не посмотрю, что смазливая!

Вампир в секунду стал серьезным и отвесил мне глубокий поклон.

— Может хватит кривляться?! — разозлился я еще больше.

— Я не кривляюсь, — все с той же серьезной физиономией откликнулся Волюнд, — я искренне благодарен тебе, что даже в гневе ты пригрозил мне всего лишь мордобоем!

— Потрясающе! А чем должен был?!

— Ну, например тем, что пересмотришь условия нашего общения...

— Угу, понимаю, — я покивал головой, — трудно сразу поверить, что имеешь дело не с мразью. Богатый опыт?

Вампир повел плечами:

— Да уж не маленький... Ну, что? Идем? — и сквозь вновь загустевший туман, мы двинулись к лестнице ведущей на поверхность...

Глава двадцать вторая. Психотропное оружие средневековья

Вопросов у меня конечно было множество, но первый, который я задал, едва переступив порог своей комнаты, звучал так:

— Ну и что это было?

— Что именно? — недоуменно поднял свои совершенные брови на идеальном челе фон Тирд.

Я зло фыркнул, потому что не смотря на заметное просветление в мозгах, подолгу смотреть вампиру в лицо я все еще опасался: подвергать сомнению собственное мужское естество, было, по меньшей мере, неприятно, а если быть совсем уж откровенным, то и боязно!

— Тирд, не зли меня, не корчь из себя идиота! Что случилось с твоим лицом?!... И почему я так на него среагировал? — все же добавил после небольшой паузы: в конце концов — с наваждением я справился и стыдиться мне нечего, даже если такое действие вампир оказал исключительно на мою персону...

А вообще — сочувствую женщинам! Им, бедным, вообще против этого мерзавца не устоять. Как там говорят? «Бабыя погибель»? Вот он эта самая погибель и есть! И ведь вроде ничего особенного, приходилось мне и красивее парней встречать, а тут..? Хотя-я...

Если разобрать его лицо на отдельные черты, то можно понять откуда взялось очарование: сознание человека тянется к идеалу, а лицо Волюнда идеально! И густые, темные кудри, и овал лица, каждая черта в отдельности и их сочетание. А уж светлые глаза на смуглой коже без малейшего изъяна — это вообще классика жанра: не знаю ни одного человека, которого оставил бы равнодушным такой контраст! Губы... Бли-ин, глядя на его губы невольно задумываешься о том, какие они в поцелуе!!! Я прислушался к себе с некоторым страхом и облегченно вздохнул: «Нет... мысли вполне себе гипотетические и реальной тяги не чувствую, так что целоваться с вампиром я бы не стал!»

И ведь вот же повод для зависти: я столько сил угробил, пока научился со своей щетиной бороться, а у него она не растет от природы, и не родинки, ни прыщика или угорька на коже! И да — идеально выдержана мера: мужественности ровно столько, чтобы сохраняя нежность, лицо все же оставалось мужским. Ведь как не крути, а если судить объективно, то за девушку Волюнда принять сложно.

Все эти мысли много времени на обдумывание не заняли и пока вампир хлопал ресницами и изображал полнейшую невинность, я уже совсем успокоился и меня даже на «хи-хи» пробивать стало, как это зачастую бывает, после того, как минует нешуточная опасность. Да уж, прямо «Искушение не Святого Ричарда!» Где-то я прочел такую версию, что вампиры вообще двуполые. Может отсюда и у этого их очарования ноги растут? Взял и прямо в лобешник высказал предположение фон Тирду! Мама родная, как мгновенно озверел вампир!!!

— Да с чего ты решил, что я могу становиться дамой?! — шипел он рассерженной коброй, — мы вообще отдельный вид и параллели с дефективными человеческими особями некорректны!

Но чем больше он злился, тем спокойнее становился я, а то ишь, взялся на мне свои фокусы отрабатывать. Наконец, видя что мне его эмоции по барабану, парень взял себя в

руки и мы наконец перешли к конструктивному диалогу.

Оказалось, что я почти угадал: способность очаровывать у «Истинных» вампиров природная, как у фей например, или у сирен дар напускать чары голосом. Это для того, чтобы их вид мог питаться не убивая донора. Ну а на мне, этот засранец, попытался поэкспериментировать ради возможного скорейшего освобождения, едва представилась такая возможность. Только увы ему — я оказался слишком толстокожим. Кстати, наука мне на будущее: рядом с этим типом не расслабляться!

А что касается перемен во внешности, то я и сам мог бы догадаться, что кровь, которой я от широты душевной поделился с этим неблагодарным кровососом, запустила процесс регенерации, а он у них так силен, что внутренние изменения пошли буквально мгновенно, ну а наведя порядок во внутренностях, «выплеснулась» напоследок и на лицо, завершающий аккорд, так сказать.

— Зря ты это, — сокрушенно покачал я головой, — я ведь и так сказал, что отпущу, со временем.

Вампир скорчил такую рожу, что по нему можно было бы лепить маску «Скепсиса»:

— Самому, знаешь ли, как-то надежнее...

— Ну, и где твоя надежность, — я опять начал раздражаться, — а вот отношения со мной испортить — возможность намного более вероятная. Ладно, — перебил сам себя, — садись и рассказывай. Утро скоро, а мне хотелось бы понять, что здесь происходит до того, как продолжу общения с остальными обитателями замка.

— Что происходит..? — с какой-то будто разом навалившейся усталостью, переспросил Волюнд, — да обыкновенное предательство, подлость, лож и манипуляции. Можешь переставить в любой последовательности, все равно будет правильно...

— Ну, что-то такое я подозревал, — я задумчиво потер над бровями, — но ты уверен, что в такой... гхем, концентрации? И какая твоя роль в происходящем? Я ведь не ошибся, ты тоже «в деле»?

Вампир разразился горьким смехом:

— Как ты сказал?! «В деле»?! Да я главный инструмент готовящейся подлости...

Из этой фразы я вычленил главное: «инструмент»! Не «участник», а орудие!

— Ну и что тебя огорчает сильнее всего? Что участвуешь в качестве «инструмента» или что вообще «участвуешь»?

Парень взглянул на меня глазами больной собаки:

— Что у меня нет другого выхода... — и повесил буйну головушку чуть ли не до колен.

— Даже сейчас? — я понял, что чего-то в ситуации «не догоняю»!

С чего вдруг такое уныние, когда от саркофага я его освободил?! Но вампир понял мой вопрос по своему:

— А ведь ты пра-а-ав... — протянул он в растерянности, — теперь, когда я полностью завишу от твоей воли... — и уставился на меня с такой мольбой во взгляде, что даже зная о его актерских талантах, я невольно поежился.

— Ну, что?! Что ты так на меня смотришь?

А этот тип взял, да еще и ладони сложил в молящем жесте!

— Что хочешь! Хоть добровольную вассальную клятву, но помоги!

Я удивленно вытаращился на вконец съехавшего вампира: то на свободу рвется, а то клятву служения готов принести! Опять какой-то подвох?

— Та-а-ак, ну и к чему этот балаган? Мне информация нужна, а ты продолжаешь мне

голову морочить?!

Волюнд гулко стукнул себя кулаком в грудь и опустился на одно колено.

— Стоп-стоп-стоп, — запаниковал я, ведь вассальная клятва — это палка с двумя концами и если я ее приму, то обязательств перед вампиром у меня станет чуть ли не больше, чем у него передо мной! А мне это надо? Я тут сам еще толком не адаптировался, а окружающие мне все наращивают и наращивают ответственность. Княжну, вон, вместе с крестьянами еле-еле из полной задницы вынул. От новой ответственности надо спастись, пока еще можно!

— Не надо клятву! Я и так тебе помогу. Только ты бы толком рассказал в чем дело?

— Обещаешь?! — дожимал меня вампир.

— Э-э, нет, — я погрозил ему пальцем, — «в темную» как последнего «лоха»?! Это ты здорово придумал. Расскажи в чем проблема, просвети, что здесь происходит, я подумаю, а вот потом и ответ дам! И не надо «пугать» меня клятвой: принять ее или отказаться, тоже решают добровольно.

Волюнд удрученно вздохнул, вернулся в свое кресло и принялся рассказывать...

Глава двадцать третья, в которой герой узнает цену своего возможного отказа

«Вот так так! Похоже я все-таки влип...» — какое-то время после окончания рассказа, эта мысль если и не была единственной, то доминирующей — точно! Я заложил с десяток кругов по своей спальне, прежде чем вернулась способность думать логически. В принципе, я мог послать все местные проблемы на х... и просто уехать — никто останавливать не станет, только вот натура противилась такому решению, похлеще перегруженного ишака, которому добавили новый тюк: вроде и не мое это дело, но отступить совесть не велит!

Ну, во-первых: мне было жаль вампиров. Да-да и ничего тут удивительного, если опираться не на «бабушкины сказки» двух миров, а на реальное положение вещей. Да, они и впрямь кровопийцы и для нормального функционирования им требуется кровь других существ, желательно гуманоидов. Но! Будучи разумными, они уже бог весть сколько столетий не пьют ее насильно. Оказывается, что конкретно у клана фон Тирда был заключен договор с гномами и те выделяли какое-то количество членов своей общины для, так сказать, «отработки» в поселении вампиров. Потом — менялись.

Платили вампиры щедро и не только золотом: их «матки», при выкармливании потомства, выделяют особый экстракт, который является чуть ли не «Эликсиром жизни», поскольку лечит любые болезни и способен существенно продлевать жизнь представителям всех других видов разумных! Так что в желающих недостатка не было.

Когда Волюнд дошел до этой темы, я понял, что оказывается, его слова про «отдельный вид» надо воспринимать буквально. У них и правда, с людьми сходство чисто внешнее, хотя некоторые функции организма вполне интернациональны. В половую связь, например, они способны вступать почти со всеми разумными, только вот смешанного потомства у них никогда не бывает, потому что, внимание, вампиры яйцекладущие!!!

А еще их общество имеет градацию почти как у муравьев, то есть физиология особей обусловлена функциями, которые эта особь выполняет в обществе. Во как загнул! От шока, не иначе. Потому что шок, да, от такой информации у меня реально случился. Ну а «обращенные» — это вроде как бонус, который помогал вампирам увеличивать количество половозрелых воинов и работников. Так-то малыша пока выкормишь, пока вырастишь, да его еще и обучить требуется, а так — сразу готовенький!

Причем опять же: добровольцев было... Много, короче. Потому как неизлечимо больные и калеченные, а так же просто хилые, которым болеть надоело, охотно меняли свою жизнь на служение, поскольку после оборота, все их проблемы со здоровьем исчезали.

— Ну а те, кого люди «вампирюгами» величают..? — внес я долю скепсиса в благостную картину, нарисованную фон Тирдом.

— Хха! — выдавил из себя подобие смеха, мрачный вампир, — пропаганды наслушался, или это тебя крестьяне «просветили»?

Я пожал плечами:

— А если и крестьяне, то что? Скажешь, что все фигня и сказки?

— Не-е, не скажу, — мотнул тот головой, — только вот на нас, появление подобных особей, списывать не надо. Хотя доля... кхем-кхем... участия, в этом имеется. Ну, как «доля»? Если у тебя забрать часть крови и ее использовать в ритуале, это будет считаться

твоим участием? Даже если ты ее продал? А если кровь вообще насильно взяли?

— Угу, значит вы все из себя белые и пушистые, а все безобразия — это против вашего желания и даже без участия?!

— А что тебя удивляет? Вот ситуация с княжной, например...

— Погоди про княжну. У меня и так в голове каша от всего, что ты мне рассказал! Давай по порядку: что ты от меня в качестве помощи хочешь?

И вот тут всплывает первая причина, из-за которой бросить все как есть у меня рука не поднимается!

— Погоди-погоди! Как «всех перебили»?! И женщин с детьми?! За что? А гномов? И что же, ты теперь один остался?! — вопросы посыпались из меня как горох из порванного мешка!

— Всех... — горько вздохнул вампир, — а к гномам просто тоннель завалили. Там работы теперь не на один год... А «за что»? Так ведь как иначе меня пленить смогли бы? За главу клана мои подданные дрались до последнего...

Я представил себе эту подземную бойню и поежился: крутые мужики на это дело подрядились... ну, или фанатики...

— А ты-то им зачем так сильно понадобился? Там ведь наверняка и тех, нападающих, положили до черта?

— А вот тут опять про княжну говорить придется! — «обрадовал» меня вампир, — а ты велел ее «на потом» оставить...

Я покивал и подтвердил свою позицию:

— И сейчас «велю»! Княжну, как причину и все с нею связанное, держим пока в уме, а ты про свою проблему продолжай излагать. — Волюнд пожал плечами, в смысле «как скажешь» и вернулся к предыдущему вопросу.

— Ну, так вот: по поводу «остался один», как раз и нужна твоя помощь...

Я поднял брови в недоуменной гримасе: чем я ему в увеличении поголовья помочь-то могу? Сам ведь говорил, что у них для этого «матки» имелись, которых от «Матерями» деликатно величал.

— Видишь ли... Есть один вариант... — Волюнд говорил нерешительно и явно подбирал слова, потом махнул рукой отчаянным жестом и заговорил решительнее, — осталась одна неразоренная кладка. Там шестьсот с небольшим яиц, помниться, самые из самых. Старшая Мать как чувствовала, накануне той бойни, приказала их спрятать под самым потолком в дальней пещере, вот убийцы их и не нашли...

Я энергично принялся чесать затылок и опять попытался понять, в чем может заключаться мое участие, но ничего толкового в голову не приходило.

— Ну, и? От меня-то что нужно? По твоим же словам, за яйцами специальные няньки-кормилицы следят, сначала подпитывают их магией, потом они же и молодняк выкармливают, сначала молоком, а потом этим, как его, экстрактом. Вы ведь млекопитающие? Что в этой ситуации два мужика сделать могут?!

Оказалось, что могут, да еще как!

— Видишь ли, — лицо вампира начало медленно, но верно наливаться краской, — как Истинный и глава клана, я могу выкормить потомство и без участия самок...

Упс! Как говорить! Не даром он так разозлился, когда я заподозрил его в двуполости!

Перед глазами так и встала картина, на которой Волюнд, с огромным... гхем-гхем... выменем, одного за другим кормит шестьсот младенцев! И нет, смешно мне не стало, может даже и волосы на голове зашевелились...

Видимо что-то такое весьма красочно отразилось у меня и на лице, потому что вампир принялся энергично мотать головой и махать руками:

— Нет-нет, ничего похожего, на то, что ты там себе вообразил! Все проще: я могу выкормить потомство без молока, а только на субстрате, который у меня даже сильнее, чем у наших дам. Конечно это не очень хорошо для младенцев и потом скажется на их развитии, но на данный момент — для них это единственный шанс.

— Угу, а я тебе нужен для магической подпитки зародышей, верно? — наконец-то понял я суть своей миссии.

Фон Тирд только руками развел!

— Если этого не сделать, то в скором времени эмбрионы начнут мумифицироваться и тогда разбудить их станет практически невозможно. Ни в этих условиях, по крайней мере. Ну а потом процесс и вовсе станет необратимым...

Вот и скажите мне, как я должен поступить, если за мой отказ заплатят жизнью шестьсот младенцев? Да, не человеческих, но так ли уж это важно, когда речь идет о детях..?

Глава двадцать четвертая. Психотропное оружие средневековья.(продолжение)

— Так с этим разобрались... — подвел я черту под пунктом первым, после того, как в деталях разобрался что и как мне предстоит делать, для того, чтобы помочь фон Тирду восстановить свой клан.

В реальности, это оказалось далеко не так пугающе, как упорно рисовала моя фантазия. И времени требовалось меньше, чем можно было себе представить, учитывая объем работы.

— Теперь, пожалуйста, — я надавил интонацией, — максимально подробно обрисуй мне ситуацию с княжной. Кто? Как? За каким дьяволом? Почему не дали добраться до обитель? Хотя-я... О последнем я уже догадываюсь...

Фон Тирд поерзал в своем кресле, но почему-то мне показалось, что не из желания устроиться поудобнее. И верно, догадка подтвердилась почти немедленно.

— Утро уже... И потом, меня могут хватиться...

Я вздохнул и горестно покачал головой:

— Тебе надо опасаться совсем не этого...

Вампир так и вскинулся!

— А чего?!

— Что у меня закончится терпение!

Рывк мне удался! Вроде как не громкий, он заставил звякнуть подвески на фасонистом канделябре. Вообще-то у меня так бывает. Обычно я добродушный, покладистый и даже где-то лопух, но только если меня не довести до некой грани. Обычно, сделать это довольно непросто, но если уж кто-то был достаточно настойчив..! А вампир меня реально достал со своими играми, манипуляциями, попытками ускользнуть от обязательств! Да еще ночь выдалась паскудная, а отдых мне еще и не снился.

Ну и тревога за княжну давала о себе знать, ведь чем больше я общался с девушкой, тем о большем количестве ее проблем узнавал и в какой-то момент мне стало совершенно очевидно, что ничего хорошего в будущем Лилли не ждет. Юная, красивая, сексуальная, богатая, а как итог — смерть в лучшем случае! А тут этот красавчик на соседнем кресле, строит мне глазки, давит на жалость и думает, что я не вижу его манипулирования! И фиг бы с ним, пусть бы развлекался, но так ведь он, добившись своего, от собственных обязательств пытается отвертеться! И что особенно бесит — не особо-то и маскирует свои намерения! Неужели я произвожу впечатление полного лоха?!

Я чувствовал, как накопившееся раздражение перерастает в ярость, та начинает затапливать рассудок и сконцентрировался на том, чтобы удержать себя в руках и в бешенстве не разнести здесь все к ебе...м, а вампира не размазать по какой-нибудь особо понравившейся поверхности! Однако эта хитрая бестия вовремя просекла, что похоже допустила просчет и теперь шутки кончились! Его глаза распахнулись в каком-то детском изумлении, взгляд метнулся и, не долго думая, вампир грохнулся на колени, ссутулив спину и покаянно опустив голову.

«Силен, сволочуга!» — пришло в голову чуть ли не восхищенное, когда вся моя ярость будто мгновенно провалилась в преисподнюю, оставив после себя только порцию адреналина, — «вот как он ухитряется так точно находить потаенные струны?!» О чем я? Ну а кто из моих современников и соплеменников способен спокойно воспринять такое вот

поведение?! Для нас это ведь как ведро воды на голову! (Извращенцы — ни в счет.) На этом и сыграл ушлый вампирюга! Очередной раз.

— Встань. Вернись в кресло. Рассказывай. — рубил я фразы, еле сдерживаясь, чтобы в сердцах не отвесить фон Тирду оплеуху и всеми силами старался «удержать лицо», однако, на удивление, в глазах вернувшегося на свое место вампира, я читал только огромное уважение, а еще... да, понимание и... толику страха? Что казалось совсем уже странным. Хотя, страх мог иметь другого адресата. Интересно, кого?

Впрочем, едва Волюнд начал свой рассказ, как все посторонние мысли у меня вылетели, как сдутые сквозняком! Афера вокруг Лилли закрутилась нешуточная. Впрочем, княжна была лишь пешкой. И если уж совсем переходить на шахматную терминологию, то ее собирались вывести в королевы. Причем — абсолютно в прямом смысле! Только ведь вот в чем беда — это звучит заманчиво, но если по сути ты остаешься только бесправной фигурой, которую по собственному усмотрению так и сяк двигает игрок, то понятие «королева», обесценивается до полного нуля! А в основе всего лежал банальный заговор против нынешнего короля, только вот к цели, заговорщики шли отнюдь не банальными путями.

На данный момент на троне был сильный, жесткий и рациональный правитель. Войнами не увлекался, развивал торговлю, знати особой воли не давал и, внимание, начал прижимать духовенство! Последний его указ вообще перешел все границы! Его Величество посмел урезать монастырские надельные земли!!! И наплевать, что «наделами» эти земли, уже давно не называл бы даже самый склонный к приуменьшению человек: язык бы не повернулся!

Правдами, а чаще неправдами, монастыри подгребали под себя все больше и больше земель, крестьян при этом они с их участков не сгоняли, однако происходило то, что на Земле называлось «закрепощение». То есть крестьяне как бы переходили в собственность монастырей, на чьих землях жили и работали. Как результат: в казну переставали идти налоги, поскольку «Церковь» или иначе «Духовная власть» никому не подчинялась и соответственно никаких налогов не платила. Изначально монастырям выделялась государственная земля «в кормление», подразумевалось, что на ней станут работать монахи и послушники и, тем самым, кормить себя, а продавая излишки — содержать монастырь.

Надо ли говорить, что сейчас на землях монастырей трудились отнюдь не монахи? Крестьяне не только платили оброк продуктами, но находясь в полной зависимости от собственника земли, были обязаны продавать излишки продукции монастырю, по той цене, которую назначал игумен. Надо ли говорить, кому такая торговля была выгоднее? Как результат: в города продукты шли уже по той цене, какую «просили» монахи, что опять таки было выгодно отнюдь не горожанам. Постепенно сформировалась настолько сильная монополия духовенства, что Его Величество почувствовал угрозу своей власти. Только вот паровозы легко давить пока они чайники, а когда вырастут, то давят уже они!

Если «пастырь» слишком уж озабочивается набиванием карманов, то о какой духовности можно говорить? А если он перестает быть духовным лидером, то зачем тогда он нужен? На шее сидеть? Так на это место всегда полно желающих, только вот не все могут доказать на него свое право. «Отцы церкви» думали, что им ничего доказывать не надо, а король посчитал свое мнение важнее, вот и зашла коса на камень!

При чем здесь княжна? А просто: она была с рождения помолвлена с младшим принцем, тем, у кого шансов на престол... Да не имел почти никаких шансов! Брат был здоров, силен, умен, образован именно «под должность», более того — имел даже

магический дар, не сильный правда, но достаточный, чтобы уберечь хозяина от разных мелких трагических случайностей. А от крупных, старшего принца вполне уберегали телохранители. Младшему нужно было какая-то уж совсем фантастическая удача, чтобы брат освободил для него трон.

И нет — наследный принц на троне церковную власть не устраивал. А вот младший... Мало того, что юноша пошел характером отнюдь не в отца, так еще был здорово внушаем. Пока он никто на политической арене, то вроде и пусть себе, но вот если бы он занял трон, да еще женился на подходящей, благонравной, кроткой и глубоко верующей, (в идеале — своему духовнику), девушке, которая стала бы при муже эдаким проводником воли духовенства, то королем он стал бы идеальным! Для узкого круга заинтересованных лиц, разумеется.

Вот тут как раз и возвращаемся к княжне. Мало того, что она повышенной религиозностью не страдала и не стала бы перед мужем защищать интересы церкви, так эта сумасбродка пошла вообще на неслыханное: после личного знакомства с женихом, собралась вернуть ему обручальные регалии королевского рода! Вот тогда и было решено пойти на экстренные меры. И были эти «меры» тем более предпочтительны, что попавшая в полное подчинения княжна становилась настолько легкой в управлении, что любой кукловод из балагана марионеток позавидовал бы! Но!

Для того, чтобы добиться такого эффекта, требовалось участие высшего вампира. Вот тут-то род Волюнда и попал под раздачу! До того, как падет последний член клана, пленить его главу практически невозможно, ибо сражаются вампиры в этом случае, не жалея ни противника, ни себя, в буквальном смысле — до последней капли крови. Ну а захватив такого пленника, повернуть порабощение княжны, уже становилось делом техники.

И вот тут всплыла одна... гхем-гхем... деталь, из-за которой я едва опять не впал в бешенство! Эти ублюдки пошли на изнасилование! Опоили девчонку и спровоцировали половой акт с обездвиженным фон Тирдом! Видите ли простого вампирского обращения для обряда «Полного Подчинения» не достаточно! Так что Лилли теперь все равно что вещь Волюнда, оттого и его пренебрежительное отношение к девушке. И да — после его смерти, заговорщики вполне могли перекинуть эту зависимость на кого-нибудь из своих «братьев», что наверняка и планировали сделать. Да и верно, зачем им вампир в посредниках? Внушит еще что-нибудь не то.

— А в замке за всей этой мерзостью стоит духовник Лилли, верно? — вспомнил я рожу священника, который мне еще при первой встрече здорово не понравился.

Фон Тирд хмыкнул как-то многозначительно и протянул каким-то провокационным тоном:

— Да-а ну-у-у, неужели ты поднял бы руку на священника? А как же вера? Бог ведь разгневается..?

— Ты — неисправим! — в утрированном отчаянии я уткнулся лбом в ладонь, — ну вот зачем тебе это?! Зачем нужно постоянно играть со мной?!

Вампир невинно захлопал ресницами в своем стиле:

— А что такого я сказал?! Ну, правда? Может я просто хочу разобраться?

Я с тоской взглянул в окно на совсем уже разгоревшийся восход, который теперь ощущался даже за этими мрачными стенами и пришел к выводу, что ложиться в постель уже нет никакого смысла, а значит можно скоротать время и за философской беседой с

вампиром, раз уж он так на нее напрашивается.

— Уверен? — с ироничной усмешкой дал мужику последний шанс передумать, ведь это только российскому интеллигенту в хрен знает каком поколении, только повод дай потрепаться на философскую тему, а неподготовленному вампиру, с менталитетом средневековой Европы, такое может оказаться не по плечу.

Однако Волюнд с энтузиазмом кивнул несколько раз, глядя на меня честными глазами:

— Конечно уверен!

— Нью-нью, тогда пеняй на себя...

И в течении следующих двух часов, я ему подробно объяснял, почему разделяю понятия «религия» и «вера», «Господь Бог» и «Церковь». Почему глубоко верю в Бога, которого зову «Отец мой Небесный» и почитаю его, и почему не могу верить тем, кто называет себя «Его посредниками» на земле, но почему-то упорно считает нас «рабами Божьими», а себя нашими «пастырями», то есть пастухами! И почему не испытываю к ним почтения. Нет, ни ко всем. Я еще достаточно наивен, чтобы верить, будто среди... э-э... «работников церкви», то есть людей, которые живут за счет прихожан и делают на их духовной потребности деньги, есть глубоко и искренне верующие люди, но увы, с каждым годом эта моя вера тает, как снег весной.

Право же, сложно почитать людей, которые презрев догматы собственной религии, освящают однополые браки или благословляют на дальнейшее стяжательство олигархов и бывших воров в законе... И ладно бы, если бы все это осталось в моем мире, однако шагнув в «Зазеркалье» я столкнулся с теми же духовными язвами. Слава Богу, что моя вера не зависит от религии, а то ведь так можно и в Боге разочароваться!

Глава двадцать пятая, в которой герой открывает княжне глаза на подоплеку происходящего

Утро как таковое, в смысле пробуждения замка с его содержимым, началось с милого «колокольчика» под дверью моей спальни, который был бы еще милее, если бы только что-то не требовал от меня и при этом не колотил в нее, (в дверь, то есть), не исключено, что пяткой туфельки!

— Принцесса... Тьфу ты! Княжна! Что б черти взяли вас обоих! — невнятно сформулировал я адрес своих пожеланий с громадным трудом разлепляя непослушные веки.

Судя по положению светила за окном, проспал я всего пару часов от силы, а это намного хуже, чем если бы не спал вообще. И ведь не собирался же! Однако чертов Волюнд, как видно все же не выдержав моих разглагольствований, применил что-то из своего арсенала, потому что, прежде чем отключиться, краем сознания я точно еще успел заметить голубой дымок над полом! А вот громадная летучая мышь, которая стартовала с моего подоконника, могла мне уже и присниться, так же как и принцесса, — голубоглазая блондинка с внушительными... э-э... достоинствами, на верхней части туловища, — которую я почему-то тоже должен был спасти! И да, это «тоже» мне очень не нравилось: когда это я успел обрасти столькими обязательствами?!

Зевая так, что едва не вывихивая челюсть и пошатываясь, я добрал до двери и отодвинул щеколду. Княжна, которая видимо здорово увлеклась процессом, так и ввалилась ко мне в комнату спиной вперед и наверняка бы шлепнулась на пол, если бы я чисто на рефлексах, не успел ее подхватить.

— Что бушуете... э-э... ваше сиятельство? Это же надо так ломиться в спальню к мужчине?! А как же ваша репутация?! — с изрядной долей иронии спросил я это прелестное создание в голубом утреннем платье, на котором, в отличие от меня, ночные похождения никак не отразились.

— Да пошел ты в ж...у! — с чувством заявило «прелестное создание», не в пример мне, намного точнее сформулировав адрес, — почему я проснулась в своей постели, если засыпала в твоей?! С чего это вдруг ты решил от меня избавиться?! — «на голубом глазу», выкатила мне претензию княжна, то ли реально оскорбленная в лучших чувствах, то ли просто играя в такую игру: малявка же, что с нее возьмешь?

Однако я уже знал по собственному печальному опыту, что к играм девчонок нужно относиться самым серьезным образом, иначе вполне реально нажать совсем не игрушечные неприятности, поэтому протянул с нарочито хмурым выражением на помятой физиономии:

— Мда-а-а... — я запустил обе руки в свою шевелюру и с силой ее растрепал еще сильнее, (если это вообще было возможно), — вообще-то сейчас не самое лучшее время для важного разговора, но видимо ничего не поделаешь, придется рассказать... — пробормотал как-будто размышляя, но так, чтобы девушка отчетливо слышала каждое слово.

А что? Разбудить любопытство — чем это не способ прекратить скандал или переключить тему? Пакостных признаний с моей стороны княжна не ждала, так что тут же светло уставилась на меня своими глазищами и даже ротик приоткрыла в ожидании разъяснений.

— Только давай я сначала позавтракаю и кофе выпью, — сделал я жалобные глазки, — а то разговор долгий, а мне всю ночь спать не пришлось, глаза просто как песком

засыпаны...

Выражение лица княжны стало совсем уж растерянное: я жалуюсь на усталость и бессонную ночь, да и вид у меня... соответствующий, но при этом она проснулась в своей постели и вроде как ни при чем, так еще и на какой-то серьезный разговор намекаю...

— Нн-у ладно, — разом потеряв свой задор и воинственность, протянула девушка и, (вот же хитрюга!), выглянув за дверь махнула призывно рукой и тут же посторонилась, давая дорогу крупному парню в рубаше простолюдина и со стриженной «под горшок» головой, который прижав к животу, бережно нес вместительный поднос, буквально ломящийся от блюд, исходящих аппетитным паром.

Чтобы упаси Бог, не пострадал мой утренний кофе, я тут же предусмотрительно ухватил с подноса кофейник и гостеприимно пропустил его... вернее — слугу, к просторному столу в центре моих покоев. Дождлся, когда парень переставит на него все блюда и облегченно вздохнув, скроется за дверью, я водрузил спасенный кофейник подальше от края и вежливо отодвинул стул для княжны. Кстати, а знаете откуда пошел этот обычай? А вот с этих самых времен, когда домашняя мебель была таких габаритов и такого веса, что хрупкая дама могла грыжу заработать, просто двигая свой стул туда-сюда при каждой трапезе!

Однако, на этот раз я спас княжну от такой участи и опустив собственное сидалище на соседний стул, жадно набросился на пищу: бессонная и весьма активная ночь способствовала просто зверскому голоду! Лилли проследила задумчивым взглядом, как стремительно пустеют тарелки передо мной, сделала какие-то выводы и хмыкнув, принялась лениво колупать содержимое собственной тарелки. Сказать откровенно: к моменту, когда я опорожнил вторую чашку кофе, мне реально полегчало и я был готов к тому, чтобы в подробностях поделиться с княжной не только событиями прошлой ночи и своими выводами, но так же и уже родившимися планами на эту тему.

— Не может быть!!!

Тот самый «стульчик», от веса которого могла нажать грыжу не только среднестатистическая средневековая леди, но и кто-нибудь более крупный, «вспорхнул» испуганной птичкой и с грохотом отлетел на противоположный конец комнаты. И нет, естественно не сам по себе. Это хрупкая и миниатюрная Лилли, запустила его туда, когда я ей поведал, кто в действительности стоит за ее обращением.

— Падре меня новорожденной знал! Он меня крестил и к первому причастию привел!!! Он не мог так со мной поступить..!

— Видишь ли, девочка... — я осторожно придержал в конец расстроенную Лилли за плечико, — вампиры твари весьма хитрые, лживые и себе на уме... Вот чтобы не дать Волюнду морочить мне голову, я попросил его... Даже не знаю, как это назвать..? Ну, вроде как поделиться своими воспоминаниями. Дело сложное, энергозатратное и... очень болезненное для обоих... Поэтому он показал мне только ключевые моменты, но и их хватило, чтобы убедиться. Если хочешь... — я вопросительно заломил бровь и наклонившись, заглянул княжне в лицо.

— Да! — это короткое слово было сказано с таким выражением, что я предусмотрительно придержал себя за язык и больше ничего говорить не стал.

Потом усадил Лилли на то кресло, которое занимал во время схожей процедуры фон Тирд, а сам устроился напротив и...

Вообще-то, мысль, что неплохо бы посмотреть на все самому, пришла мне прошлой ночью в тот момент, когда я почувствовал, что этот тип, вполне имевший право на звание «мощнейшего психотропного оружия средневековья», (это я фон Тирда имею в виду, если кто-то не понял), опять начинает что-то мутить. За прошедшее время я успел заметить, что когда вампир генерирует свое воздействие, его лицо приобретает особенно вдохновенное и обольстительное выражение.

Но поскольку я был настороже и держал себя в руках, то вместо того, чтобы «поплыть», ухватил вампира за глотку, с силой встряхнув его, заглянул в мгновенно сменившие выражение глаза и спросил, надавливая интонацией:

— А не врешь ли ты мне, дружок?! Как я могу тебе верить?! Ты ведь не прочь столкнуть кого-нибудь лбами с местным духовенством? Так почему не меня? — а потом, на каком-то наитии добавил: — Вот если бы я смог увидеть это своими глазами...

Откровенно? Я рассчитывал, что Волюнд предложит устроить какую-нибудь провокацию, в духе земных криминальных сериалов, когда один персонаж провоцирует другого, в идеале — злодея, на откровенность, а сыщики все это пишут на пленку. Ну или главный герой подслушивает, спрятавшись за занавеской... Однако, магический мир неистощим на свои магические прибабахи, вот вампир мне и выдал...

И да — было больно! У меня аж скулы свело, так что я молчал как зайчика, а фон Тирду такого блага не привалило, так что он подвывал и скрипел зубами. Подвергать такому испытанию нежную девушку у меня не было ни малейшего желания, но... Во-первых — ее неверие было смертельно опасным для нее же! А во-вторых: распиши я ей этот аргумент хоть в каких красочных деталях, упрямыца все равно не отказалась бы от такого шанса прозреть, что и правильно, вообще-то...

А потом был смерч! Для другого названия тому порыву страсти, который случился с Лилли, у меня просто не хватает фантазии! Чего-чего, а такой реакции на увиденное я ну никак не ожидал! Едва отдышавшись после сеанса, княжна набросилась на меня с такими улетными поцелуями, ее нежные ладошки так энергично забрались мне под рубашку и гхем... ниже, что я и опомниться не успел, как мы с ней оказались на моей постели!

— Ну, и что это было?! — поинтересовался я у этой секс бомбы после секс взрыва, — с чего вдруг ты так воз... мнэ... вдохновилась от известия о предательстве собственного духовника?!

В ответ девушка расхохоталась:

— Да х... бы с ним! — и она выдала замысловатую «трехэтажную» руладу и таких слов, какие не то что княжне, а и трактирной девке знать бы не стоило!

Я присвистнул и вытаращил на Лилли глаза: «Да что с ней происходит?!»

— Ты правда не понимаешь?! — девушка выгнулась как кошка и со вкусом потянулась, — если все, что сказал Волюнд правда и он снимет с меня привязку на подчинение... — она рывком развернулась ко мне и требовательно уставилась в лицо своими глазищами, — ты ведь потребуешь, чтобы он ее снял?! Да?!

— Естественно, — я кивнул не видя причин для возражения: и сам собирался сделать это первым делом... И тут до меня дошло!

— Ты не хочешь, чтобы тебя «отмолили»?!

— Конечно, не хочу! Чему ты так удивляешься?! Кто я сейчас по твоему?! Думаешь, что княжна — это ух, как здорово?! А на самом деле, я всего лишь пешка в политической игре!

За принца просватали еще ребенком, хорошо, что хоть характера хватило не делать последний шаг, а то сейчас не с тобой, а с этой жабой в постели... Ой, да что я говорю?! Под «подчинением» я бы этому еще и радовалась! Как же, выполнила «волю господина»! — на этих словах ее всю передернуло и выразительные глаза набухли слезами, — эти ведь тоже меня использовать собрались! Знал бы ты как не хочется видеть рыло духовника! «Святой отец», еб... — и она снова замысловато выругалась поминая некоторые части тела священника в сочетании с действиями обитателей княжеской псарни и конюшни!

— Ты где так ругаться научилась?! — не удержался я от вопросов не смотря на то, что и без них тем для обсуждения у нас с Лилли хватало.

— Нянюшка у меня была-а — мечтательно протянула девушка нежно улыбаясь, а я представил себе упитанную бабищу, развлекающую воспитанницу эдакими перлами! Однако поспешил...

— Вот кто меня на самом деле любил! Ну и баловала, не без этого... А муж у нее тогда в замке конюхом служил. Вот она к нему и бегала, а поскольку я страсть как любила на сене прыгать и со стога кататься, то и меня всегда с собой брала. Ее муж, бывало, его Славием звали, отведет меня в тот отсек, где сено хранится, вручит кусище колотого сахара и бежит в свою каморку, с супругой миловаться... Нда-а... особенность у него такая была: в самый пик материться начинал, а перегородки там тонкие...

Эти воспоминания видимо оказались очень яркими, потому что Лилли опять потянулась ко мне с вполне определенными намерениями, но на этот раз от продолжения я уклонился: дел предстояло много, а мы и так в постели задержались, как бы еще ее искать не принялись!

Не могу сказать, что решение княжны прямо так уж меня поразило, нет, что-то подобное проходило фоном и у меня в голове, тем более, что на эту тему мы с ней уже говорили, но я все же не верил до конца, что не просто «девушка», а именно «княжна», действительно захочет поменять быт знатной дамы на... э-э... скажем прямо: на довольно неопределенное будущее леди-вампириши. Путь в высшее общество окажется закрыт, а это ни нарядами и украшениями перед подругами не похвастаться, ни на балу потанцевать. Разве может это быть для девушек настолько неважно? Я чего-то не понимаю? Или княжна просто знает о вампирах больше моего?

Впрочем, если судить чисто с эгоистической позиции, то для меня такой результат — лучше не придумаешь! Уезжать можно со спокойной душой, поскольку Лилли получит желаемую силу и свободу, да и в случае чего за ней будет кому присмотреть. Далекоидущих планов на княжну я не строил, а миром разойтись с любовницей — самый благой вариант. Только вот обстановка в замке меня беспокоит...

Ну, так ведь не гонят пока? Погощу, авось и разберусь, что за кашу тут заваривают.

Глава двадцать шестая, в которой у героя растет неприязнь к местному духовенству

Я — верующий человек, даже можно сказать: «глубоко верующий»! И именно поэтому, все эти хитрожо...е деятели от религии, воспринимаются мною почти как личные враги! Для меня, использовать потребность человека в вере и просветлении души в корыстных целях, не менее преступно, чем наживаться на войнах, болезнях детей или страхе матерей!

На Земле меня с души воротило от лицемерия «пастырей» и «святых отцов», причем даже от этих «наречений». О чем я? Ну, так раз есть «пастырь» — значит имеется и «паства», то есть «стадо», которое он выпасает. И из кого же оно состоит, интересно?! Ирония, если кто не понял.

Мой Бог — это Отец мой Небесный, которого я люблю и почитаю, как верный сын своего мудрого родителя, поскольку создан был им и по его подобию! И не надо усаживать меня на колени и требовать называть себя рабом: моему Богу рабы без надобности. А кому молятся все эти служители церкви еще разобраться надо, поскольку шитые золотом ризы и драгоценные оклады на большинстве икон, скорее подходят «Златому Тельцу», нежели подвижнику и бессеребреннику Иисусу, ну или Богу-отцу со Святым Духом, которым земные сокровища вообще чужды.

А самим называть себя «святыми» — это ли не гордыня?! Или этот грех уже упразднили?! К тому же за этими «святыми папашами» столько всего постоянно вскрывается, что у совсем не святого и грешного смертного, волосы на голове дыбом встают! О какой святости может идти речь у тех, кто склоняет к непотребству мальчиков-служек или во время исповеди(!), совращает глупеньких прихожанок?!

Или та же инквизиция, что это, как не пример изуверства чистой воды?! Вот хоть что мне говорите, но если человек годами пытается и сжигает своих соплеменниц и соплеменников, то религия, которая поощряет его действия — это мерзость! Никакие другие аргументы просто не нужны. Исповедоваться таким монстрам, целовать им руки, принимать от них причастие и благословение..? В какое «царствие небесное» могут открыть дорогу подобные лицемеры?!

Короче: тема эта для меня больная и говорить на нее я могу много, а поскольку человек просвещенный и в свое время пытался разобраться в чем различие между «верой» и «религией», то и аргументов накопил достаточно. К чему я это? Просто была надежда найти в этом мире нечто, что, как я думал, со временем безвозвратно утеряно в моем. Наивный чукотский парень! Оказалось, что искать просто нечего, ибо этого самого «нечто», не было изначально! Нет, несомненно есть и искренне верующие среди служителей церкви, только дальше рядовых священников в самых дальних поселениях им ничего не светит ни там, ни здесь.

Одно из доказательств всему вышесказанному, во плоти, так сказать, много лет проживало в замке отца Лилли, крестило, отпевало, причащало, наставляло и направляло на путь истинный его жителей, звали сие «святое» лицо, падре Савелен. Как водится — по имени местного святого, который годами праведной жизни, отречением от земных благ, а так же героической кончиной, заслужил это звание, чего нельзя было сказать о его тезке, который в своих корыстных целях с легкостью предал свою духовную дочь, осквернил ее кровью вампира, да еще и подложил девственницу под нелюдя!

Не говоря уж о том, что отправил на верную смерть целый отряд молодых парней, которые тоже считали его своим духовником и наставником. Да и остальной своей пастве, проживающей в окрестных деревнях, сей пастырь готовил жизнь малоприятную. О чем я? Просто власть меняют всегда только ради одной цели: дорваться до государственной кормушки! А дорвавшись, начинают жрать в три горла и доить государство с его жителями с таким усердием, какого ни один рачительный хозяин не допустит в отношении собственной скотины.

Почему? А элементарно. Временщики узурпировавшие власть, живут в постоянном страхе, что вот-вот халява закончится! А значит что? Нахапать побольше и слинять подальше, вот и вся политическая программа таких деятелей. Это у правильных королей наследников воспитывают как хозяев страны, да и то, не у всех получается. У нас, в России, один такой «хозяин земли русской» уже дохозяйничался, да так, что после него страна едва оклемалась! И кстати — этого деятеля Православная Церковь канонизировала! Ни на что не годное... гуано, на совести которого столько жертв, что иному кровавому диктатору даже и не снилось...

Причем народ, про который вроде как говорится, что его «глас» — это якобы «глас Божий», еще во время коронации дал Николаю прозвище «Кровавый», а если следовать поверью, что «как назовешь...». Мда-а, лохонулись предки, лохонулись, то ли «предсказав» на свою голову, то ли «накаркав»..? Это я про то, что и в дальнейшем этот «хозяин» кровушку соплеменников лил не скупясь. Ну, да, а церковь, как водится, наплевала и на те факты, и на мнение народа, «гласа Божьего»! Вот мне интересно, на иконе так и написано: «Святой Николай Кровавый»? Мда-а... Жаль, мне этого уже не увидеть...

Впрочем — это я отвлекся. А почему? Да потому что скучно! А с чего вдруг я скучаю? Ну...

Еще с детства, после прочтения приключенческих книжек, средневековые замки представлялись мне эдакими «шкатулками с секретами», то есть множество потайных ходов и помещений по которым жуть как здорово ползать! В принципе — правильно. Такие ходы зачастую спасали жизнь хозяев, только было их не так много, как это представляется некоторым любителям художественной обработки исторических фактов. Угу. В излишне вольной форме. И главная причина заключается в том, что механики средневековья не обладали подходящими технологиями для конструирования надежных запорных механизмов. Теми же металлами, например.

Попользовались, скажем короли, таким ходом несколько десятков лет, причем при обязательном очень качественном уходе, а потом все, петли заржавели, рычаги сожрала коррозия, противовесы оборвались, пружина (самая важная деталь любого запора) ослабела — крындец любому механизму!

И это, повторюсь, при качественном уходе. А кто этим будет заниматься в секретных ходах?! Хозяин?! Ага, прямо так и вижу, как граф, князь или король, пыхтя и перемазавшись по уши в масле, делают ТО у секретной двери! А если не они? Слуги? Честные и доверенные! Угу. Не менее «смешная» ситуация, когда хозяин открывает проход, а оттуда ему: «Приветствую, Вас, граф! А мы тут пришли немного вас убивать. Не возражаете?» Не даром же говорят, что золото открывает все двери? А все слуги такие редкостные бессеребренники! Ирония, если кто не понял.

Однако в этом мире случился такой прибабах как магия! Тоже не вечный двигатель и

нуждается в подпитке, но в отличие от простого железа сомнительного качества, может оказаться намного... Нет, не так. НА МНОГО(!) долговечнее. Причем как сама по себе, так и в плане технологий по созданию более стойких материалов. А раз самый главный фактор помех исключили, то сам Бог велел наштамповать замковые стены всяческими приспособлениями для слежки, а так же обустроить в них тайные комнаты для самых разных нужд...

Вот один из подобных ходов, обеспеченный такими мощными накопителями, что у меня от ощущения концентрированной магии аж все волосы на коже дыбом встали, я сейчас и... э-э... ну, пусть будет инспектирую. Тянется он на многие сотни метров, но поверьте, не так уж много интересного в этих узких, темных и душных переходах.

В самом начале, когда новизна происходящего подпитывалась романтическим настроением, я поднимался и спускался по бесчисленным лестницам едва ли не с восторгом, к каждому отверстию для подглядывания прикинул с ожиданием тайны, однако очень скоро такое времяпровождение мне надоело, поскольку в подавляющем большинстве помещений замка ничего интересного не происходило. Впрочем — этого и следовало ожидать!

Ну попал я разок на любовную сцену, но ведь это же не порнофильм, а вуайеризмом я не страдаю, да и странно было бы заиметь подобное пристрастие с такой партнершей как Лилли. В общем понаблюдал пару минут за плотским грехом между горничной и лакеем, убедился, что новые знания я в этой сфере от них не почерпну, да и пошел себе дальше. Еще несколько бытовых сценок, скандал между мажордомом и ключницей, пустые помещения...

Очень скоро вояж потерял всякую прелесть и превратился в рутину чистой воды! Как так вышло? Банально! Главная проблема заключалась в том, что Лилли хорошо знала только два хода: в подземелье, откуда наружу вел длинный подземный тоннель, в котором, впрочем, при нужде можно было и отсидеться, поскольку условия предусматривались, да еще один, в секретную сокровищницу. Помимо этой, за несколькими дверями и магически опечатанной, про которую князь сообщил только наследнице, имелась еще одна, намного скромнее по содержанию, предусмотрительно доступная для частого посещения.

Так что про остальные ходы княжна знала, но за неимением заинтересованности в них, ориентировалась тут слабо и понятия не имела, как выйти к покоям своего духовника. Ну а я, вдохновленный информацией про тайную начинку замка и весь в романтическом предвкушении, загорелся исследовательской искрой, за что теперь и расплачивался! А ведь не мальчик уже и должен был помнить, что реальность и романтика — обычно вещи плохо совместимые.

Последней каплей оказался весьма аппетитный запах жаркого, неожиданно проникший в ход, видимо, через очередное отверстие для подслушивания и вызвавший тоскливое завывание в моем желудке: по всему выходило, что я потратил на бесплодное хождение слишком много времени и уже наступило время очередной трапезы. Делить местные приемы пищи на завтрак, обед и ужин у меня не особо получалось, поскольку так называли обычно официальные мероприятия, на которые приглашал князь. Во всех других случаях, никакого распорядка для господ не существовало и каждый более-менее значимый житель замка, питался как ему было удобно.

Что, вообще-то, вполне объяснимо, поскольку вставали и ложились представители знати, когда кому Бог на душу положит! Засиделись за твистом, здешней настольной игрой вроде наших карт, или танцевал на балу — исключительно ночное развлечение местной знати? Значит завтра время пробуждения растянется с полудня и до полдника, то есть с

двенадцати до четырех. Если прошлую ночь провел в объятиях Морфея — то соответственно и встанешь раньше. То же и с едой: сколько-нибудь определенной культуры питания просто не существовало. Как и представления о здоровой пище. Вернее, у каждого был свой, личный взгляд на полезность той или иной пищи и с нашим земным, как правило, они не совпадали.

Почувствовав отклик своего организма на привлекательный запах я решил, что вполне заслужил право прерваться на обеденный перерыв и собрался воспользоваться первым же обнаруженным выходом из тайного хода... Угу. Сейчас!

Знаете, что такое «закон подлости»?! И нет, он не в том, что когда очень нужно, выход найти не получается, вернее — не только в этом! Главная заподляна сейчас оказалась в том, что так аппетитно пахнувшее жаркое, жрал как раз предмет моих поисков! И да, уписывал одно блюдо за другим он не в одиночестве, а в процессе сотрапезники отнюдь не молчали...

Пришлось глотать слюни, терпеть и слушать, что совсем не добавило мне симпатии к падре. Ну а какая альтернатива?!

«Мда-а... А это я вовремя зашел!» — только и пришло в голову после первой же услышанной фразы.

Не знаю, о чем эта тройка говорила ранее, но я застал их как раз на словах:

— Если этого парня не убрать, то он со своей чумовой силой перенесет нашу девочку прямо к обители святой Мартины! Два шага до ворот и «привет» всем нашим планам...

Ух ты! Эк он сообразил, не дурак! Хотя-я... если судить объективно, то такое решение буквально напрашивалось. Я и сам его сначала хотел предложить князю, но потом решил попридержать свой энтузиазм. Почему? Ну так элементарно же! Одно дело, если тебя попросили и ты в виде одолжения согласился оказать некую услугу... А совсем другое, если ты сам напросился, а к тебе эдак «милостиво снизошли» и «позволили» ее оказать. Конечный результат окажется один и тот же, но не общий посыл! Вознаграждение, по крайней мере, точно станет отличаться в разы.

И нет, я не корыстный. Будь Лилли крестьянкой, я бы ей и бесплатно помог, но если я хочу торить стезю наемника, нужно учиться называть свою цену: любителей халявы, думаю, здесь окажется не меньше, чем на Земле-матушке! А то у меня, как у истинного интеллигента, к тому же комплекс на эту тему имеется. Случалось, помнится, в прежней жизни: продаю дефицитную вещь по ее магазинной цене, (мама «достала», а мне, как тогда получалось сплошь и рядом, не подошел размер), причем на шмотке даже «родной» ценник сохранился(!), но все равно будто кто-то тянет за язык, понуждая виновато оправдываться перед покупателем, что мол не навариваюсь. Бррр, вспомнить противно!

Вот и здесь, уже совсем было собрался князю облегчить транспортировку дочери до монастыря, а потом поймал его взгляд с эдаким оценивающим прищуром и решил промолчать, дожидаться от «сиятельства» инициативы в виде просьбы или предложения. Может даже покочевряжиться слегка, типа устал очень? А эти умники, выходит, тоже этот вариант просчитали, ведь сделай я так и их планы на инициацию княжны накрылись бы пи... э-э... короче: не срослось бы у них ничего. А симпатичный молодой парень, не простолудин, да еще и сильный маг, рядом с девицей, на которую они свои виды имеют, заговорщикам совершенно ни к чему!

Злость комком поднялась к горлу и я даже почувствовал ее горечь на языке, а еще царапнуло, как этот урод сказал про Лилли: «Нашу девочку»! А вот хрен бы вам она ваша, уроды!

А разговор тем временем продолжался...

— Ну и как мне это сделать прикажите?! Заколоть под кровом Нугварского?!

— Ну, зачем же так грубо?! Тоньше действовать надо!

С этими словами священник встал из-за стола и на ходу вытирая салфеткой жирные пальцы прошел к стоящему у окна бюро из орехового дерева.

Я перешел к следующей паре отверстий, через которые лучше было видно именно то место, где он сейчас стоял и мне даже удалось заглянуть в бюро. Там в ячейках стояли пузырьки разной формы и цвета. Из одного из них, изумрудно-зеленого, падре сейчас переливал что-то в пустой пузырек меньшего размера. Подняв его на уровень глаз и поболтав, он полюбовался зелеными искрами, так и раскатившимися от волнующейся жидкости и прищелкнул языком:

— Дивное зелье! Хоть и яд, но не отравляет явно, а бьет именно по тому органу, в котором у кого слабина! Слаб головой — умрешь от удара. Сердцем — задавит грудная жаба. Желудок — откроется кровавая рвота. Хоть какое, а слабое место найдет!

«Инсульт, инфаркт, прободная язва», — автоматически мысленно перевел я для себя его слова на современные мне термины.

— Но этот маг вроде молодой и здоровый... — с хмурым видом усомнился в словах «святого отца» один из его собеседников.

— Говорю же: слабое место найдется всегда! Только и дел, что для молодого и здорового дозу надо двойную или тройную.

— А здесь..? — любопытствовал еще один из сотрапезников.

— Пятикратная! — припечатал священник и перекрестился на крохотный образок, встроенный в бюро по центру.

Его сотрапезники уважительно покивали головами и тоже осенили себя крестным знаменiem: никакого конфликта совести, веры и готовящегося убийства не наблюдалось!

Из дальнейшего диалога я узнал, что акция по моему устранению, без особых затей, будет поручена одному из лакеев, который оказался доверенным лицом падре и одновременно пользовался симпатией здешней старшей кухарки, а потому, мог не внушая подозрений, периодически отираться там, где готовились подносы для господ, желающих трапезничать в своих покоях. Вот он-то и должен был перелить содержимое флакончика мне в графин с вином.

«Вот же сволочи», — мелькнуло злое, — «а то, что я могу ужинать не в одиночестве?! Вон к примеру, сколько раз Лилли навевалась ко мне в самое разное время?! Мог и еще кого-нибудь пригласить... Впрочем, о чем это я?! Известно же, что этот тип людей в подобных ситуациях руководствуется исключительно старинной поговоркой: «Лес рубят — щепки летят!» Щепкой больше, щепкой меньше, а я о какой-то гуманности думаю! Лилли они в расчет не берут, а на всех остальных в роли случайной жертвы, им глубоко фиолетово!»

Радовало только одно: получалось, что о наших близких отношениях с княжной и о ее визитах в мою спальню, заговорщики ничего не пронюхали! Видимо, такой вариант им даже в голову не приходил, а то ведь у мужиков, что со мной приехали, дознаться что и как, не представляло бы сложностей.

Впрочем — это тоже ожидаемо: много вы знаете идиотов, которые бы рискнули закрутить амуры с вампиром?! А то, что Лилли не так опасна, как представляется

окружающим, так ведь откуда, по их мнению, об этом мог узнать я? Верно? Так что нашу близость с княжной никто не заподозрил. Как и мой интерес к ее благополучию. В глазах окружающих, я просто авантюрист, который элементарно рискнул на таком стремном деле бабла срубить, а значит ничего «сверх», предпринимать не должен!

Угу. Сижу на халяве и жду, пока князь мне еще подзаработать предложит, а вместо этого дождусь винца с начинкой и торжественного погребения! Или «не»? В смысле, что зароят без всякой помпы? Что, кстати, тоже предсказуемо, поскольку с умыслом или без, но встревать в планы заговорщиков, во всех мирах и временах, было чревато именно подобным результатом: безымянная могилка на захолустном кладбище...

А пока я размышлял на эти темы, компания прекратила насыщаться и изъявила желание перебраться в соседнее помещение. Я немного замешкался, отыскивая отверстия для наблюдения еще и в этой комнате, но к счастью они имелись, правда несколько ниже, чем прочие. Пожав плечами, сильно согнулся в пояснице, что с моим ростом сейчас изрядно добавляло неудобства, и заглянул на этот раз не в «глазницы», а в узкую щель.

Мда, а батюшка-то оказывается изрядный гурман и сибарит! Видимо поэтому и впутался в заговор: ведь какво проповедовать смирение, аскезу и умерщвление плоти, когда самому хочется прямо противоположного?! Ведь пастве и пример какой-никакой подавать надо, а до чего же не хочется!

И понятно, почему отверстия пришлось прорезать настолько ниже: обстановка открывшейся мне комнаты, представляла из себя что-то вроде мужского будуара, оформленного на восточный манер. Мебель здесь оказалась явно очень удобной, но низенькой. Кушетки, диванчики, почти плоские тумбочки, такие же, под стать им, столики и все — едва ли мне по колено! Один столик, с непривычно изогнутыми ножками — явной потугой мастера на изящество, нес на себе несколько разноцветных кальянов, другой, более простой по форме, с сигаретницей и почти полудюжиной шкатулок с разными сортами сигар. Ну и бар, конечно, ту присутствовал на почетном центральном месте! Куда же в мужском гнездышке без этого атрибута?!

И кстати: из всей мебели, бар больше всего напоминал скорее изделие моего мира и времени, чем громоздкую и лишенную изящества мебель средневековья. Эдакий небольшой и изящный столик-тумбочка, с множеством резных ячеек для вина по бокам и на каком-то механизме, позволяющем поворачивать его не сдвигая с места. Когда гости выбрали себе курево по вкусу и расположились на диванах, хозяин, явно хвастаясь диковинкой, лихо крутанул бар вокруг своей оси и щедрым жестом предложил им выбрать еще и выпивку.

Сам же, снял с руки браслет в виде четок, (ну или четки в виде браслета — не суть), на котором на короткой цепочке висел маленький ключик, отпер этим ключом единственную дверку имеющуюся на баре и достал оттуда приличных размеров фляжку в кожаном чехле. Поболтав флягой около уха, он удовлетворенно улыбнулся и, не предлагая напиток гостям, щедро плеснул себе в один из бокалов алую жидкость с лиловыми бликами.

Я заметил, как сидящие ко мне лицом господа, сопровождали действия падре завистливыми взглядами и даже дернули кадыком, сглатывая слюну, а тот, будто издеваясь, с какой-то кокетливой интонацией, пояснил:

— Извините, почтенные, но сей благодатный нектар я вам не предлагаю, ибо берегу его исключительно для себя! Не взыщите, но больной желудок не позволяет мне принимать другие крепкие напитки, а запас удаётся пополнить не так часто, как хотелось бы.

— Да уж известно, где вы его пополняете! — раздался сварливый голос из того угла,

который я видеть не мог, — давно следовало сжечь эту старую ведьму, а вы мало того, что сами пользуетесь ее услугами, так еще и выхлопотали старухе охранную грамоту от самого епископа, благословляющую ее деятельность!

— Напрасно вы так, достопочтенный Ривз! Сжечь никогда не поздно, а вот если приспичит?! Святость ведь не всегда помогает от недугов...

На этом месте гости состроили многозначительные гримасы и потупились, видимо соглашаясь с падре, что со святостью у них у всех имеются некоторые проблемы. Хотя-я... Может я просто неверно истолковал их мимику? А святой отец звучно отхлебнул из своего бокала и продолжил:

— Епископ-то не просто так эту грамоту дал. Ему Малифекстина помогла камни из печени вывести, а то Его Преосвященство так мучился, что и жизни уже не был рад! Когда терпишь такие боли, знаете ли, куда с большей терпимостью начинаешь относиться к одаренным вроде этой почтенной женщины, которую вы так незаслуженно обозвали старой ведьмой... — и он замолчал, с деланной укоризной качая головой.

«Достопочтенный Ривз» только фыркнул, как рассерженный кабан, но спорить не стал.

А я сделал себе пометочку в памяти: было бы здорово при случае познакомиться с местной лекаркой. Зачем? Ну так ведь мои запасы земных лекарств весьма ограничены и по количеству, и по сроку годности, а знания лишними не бывают, тем более лекарские, да еще в мире, где о медицине имеют весьма специфическое представление.

Из дальнейшего ленивого диалога больше ничего интересного я не узнал, только нажил себе не хилую боль в пояснице, а потом и вся компания разошлась.

Отойдя на тот участок, где слуховых отверстий не имелось, постанывая размял себе шею и спину, а потом уселся на кстати подвернувшиеся ступени и задумался: «Предположим, что об отравленном вине я знаю, ну а дальше-то что? Не пить? Угу. Замечательный выход! Но только до следующей трапезы. Вообще не есть в комнате? Но раз меня все равно решено «убирать», то возможно, в этом случае, я, например, сломаю себе шею упав с лестницы. А если изобретать несчастные случаи им надоест, но меня тупо пырнут ножом под лопатку в каком-нибудь переходе, а чтобы не вызывать гнев хозяина дома, спишут это на душевную болезнь кого-нибудь из прислуги, например».

Покачав головой отверг этот явно проигрышный вариант.

«Было бы просто здорово, если бы князь прямо сегодня попросил меня о доставке Лилли к монастырю», — подумал мечтательно, но тут же сам себя и одернул, — «э-э, притормози! Планы-то пора менять, поскольку как выяснилось, этого не хочет сама Лилли! Действовать вопреки желанию княжны? А что это дает мне в результате? Бабло? Да, предположим, что деньжат князюшко реально подбросит, ну а как же моральное удовлетворение? Девушку мне жаль намного сильнее, чем хочется заработать: в конце концов не последний сухарь догрызаю, а парни свое уже получили... Значит просто уйти не дожидаясь от князя предложения? Ага, а Лилли и Волюнда с его выводком просто бросить? Мда... Как-то все не очень... А что если..?!»

Пришедшая в голову мысль, вообще-то оказалась из тех, что обычно мне не свойственны, но так ведь и в ситуациях подобной этой, я еще не бывал! Боясь передумать, встал и снова направился к покоям падре, на последок больно саданув себя кулаком по колену и зашипев от боли, зло пробормотал еле слышно:

— Да что б вам всем провалиться! Но в конце концов начал это не я...

Глава двадцать седьмая, в котором герой реализует земное правило, «кормить житрож...х их же конфетами»!

Не могу сказать, что я так уж сильно разозлился из-за решений принятых относительно меня. Ну, кто я им в самом-то деле?! Буквально «вчера» объявившийся «левый» маг, который сходу встрял клином в шестеренки их любовно выстроенного механизма! Естественно, что меня захотели устранить, но вот планы на судьбу княжны и ее отца...! Ведь столько лет живут под их кровом, причем на всем готовом да еще и в уважении! Мда... Как-то плохо я реагирую на предателей, толерасты меня бы не поняли...

При чем здесь отец, спросите? А как по вашему, станет реагировать князь, если вопреки его приказу, Лилли до монастыря не довезут? А потом еще выяснится, что она каким-то образом оказалась под принцем, при том, что перед этим официально ему отказала?! Боюсь, что как бы он не относился к этому браку, но самоуправства над своей дочерью не потерпит, да хотя бы из принципа! Причем, по всему видно, что посвящать его в заговор и отстегивать львиную долю за участие в этом деле княжны, (пассивное, разумеется), никто не собирается.

Выходит, что князь, как действующая фигура, заговорщиками вообще в расчет не берется. А как такое может быть в реальности? Да никак! Разве что нынешний владелец замка, в перспективе, возможно что и в самой ближайшей, просто покойник. Чего его раньше не убрали? Ну так княжна еще к полной покорности не приведена, а дай власть в руки вздорной девчонке или кто там наследует за князем..? Нет, пока Лилли инициацию не пройдет и не станет покорно есть у падре с руки, князя убирать им не выгодно, а вот пото-о-ом... Но как бы то ни было, а участь его решена.

Ну и что мне-то делать? Сообщить мужику, что он в центре заговора? Что же? Рассмотрим этот вариант. Предположим, что он мне даже поверит, поскольку выгоды сглаживать его со священником у меня никакой, а это аргумент в пользу моей правдивости. Итак — поверил. Властный и самолюбивый, а современный князь другим быть не может, что он предпримет, узнав о заговоре? Сообщит королю, тем самым встав на ножи с воротилами от религии, но без гарантии, что король ему поверит?! Что-то весьма и весьма сомневаюсь! А что тогда? Нет, не знаю. Прав был Мерхаб: чтобы строить прогнозы, информированности о психологии знати мне не хватает.

Из чистого самосохранения, лично я, прибил бы всю эту кодлу по-тихому и сделал вид, что знать не знаю куда они подевались! Однако сомнительно, что такая возможность есть у князя: слишком он зависим от верности окружения. Угу. А «верность», стимул весьма ненадежный и очень зависит от другого, более распространенного. Это я выгоду имею в виду, если кто-то не понял намека.

Это описывается и рассказывается долго, а мысли занимают несравнимо меньше времени. Однако охватившая меня на первых парах решимость, таяла с каждым шагом, а сознание трусливо искало аргументы, чтобы свалить в сторону, предоставив другим возможность разрулить ситуацию. Уж не знаю как кому, но мне поговорка: "Лучше быть жертвой, чем палачом!", очень близка и я в принципе с ней согласен, правда до последнего момента оказываться на месте гипотетической жертвы мне не доводилось и как выяснилось, оно мне категорически не нравится! Так что последние мысли я уже додумывал, буквально

стоя на пороге тайного входа в покои священника. А потом меня вдруг как торкнуло: пока я тут пытаюсь найти компромисс с собственной совестью, в любой момент могут обнаружить пропажу фон Тирда!

Фигня? Да не скажите! Для заговорщиков — это полный пипец, поскольку самый главный элемент их плана выпадает в брак! Подчинение княжны Волюнд на падре не перевел, а значит Лилли становится не более, чем обыкновенным вампиром, да еще и опасным для них, поскольку фон Тирд ведь может пожелать отомстить за все, что они сотворили с его кланом и за собственное унижение. Если сам и не полезет, то княжна, как они знают, для князя вампиров — расходный материал, не более. И еще есть нюанс: раньше никто с обращением не химичил, а значит информации о таких отмоленных просто нет в природе. Что если у княжны сохранится память обо всем, что с ней делали во время ритуалов, а главное — кто за этим стоит?! Они ведь не скрывались, нужды в том не было.

Подумает падре о такой возможности? Мне он дураком не показался, так что может и подумать, а поскольку как выяснилось, Лилли для него меньше, чем пустое место, то и решение от примет единственно возможное: устранить. Так что папаша ее может и уцелеет, на что лично мне — наср...ть, разве что чисто из принципа: не хочу, чтобы предатели победили. Что в отношении княжны — с точностью до наоборот! Вот ее-то наверняка прирежут, а как раз этого, лично мне совершенно не хочется!

Последний аргумент увесистой гирькой упал на некие виртуальные весы и мне будто пинка дали пониже поясицы: даже не сообразил, как оказался в спальне священника, где имелся проход в тайный ход. Скорым шагом прошел в комнату с баром, решительно крутанул его вокруг оси и... Угу, только сейчас сообразил, что ключа от отделения с заветной настойкой у меня и нет! Взломать? Не сложно. А смысл? С таким же успехом можно написать на столешнице: «Здесь был Вася!», ну или еще что-нибудь такое же умное, результат выйдет одинаковый.

Однако видимо судьба в этом мире у меня такая, действовать исключительно по наитию. Вот и тут: приложил палец чуть ниже замочной скважины, где собственно и располагается сам запорный механизм и пожелал, чтобы тот открылся. Замок упрямиться не стал, видимо подозревал, чем такое поведение для него может закончиться. Шутка!

Несколько секунд я смотрел на бутыль в чехле, а потом решительно подхватил его за шнурок у горловины и прошел к бюро с пузырьками, благо дело, что зеленый среди них был только один и мне не грозило ошибиться. И нет, полностью выливать яд во флягу я не стал: дозировка там и так получится с превышением, а где я такую полезную жидкость стану искать, если позднее мне она еще понадобится? Не то, чтобы такой способ устранения врагов внезапно показался мне предпочтительным, но жизнь, надеюсь, мне предстоит долгая, а «жуки» подобные падре, к большому моему сожалению, твари отнюдь не редкие...

Короче: отлив в пустой пузырек, (которых здесь хранилось в достатке), приличную порцию зелья, остальное я щедрой рукой отправил в «персональную настойку» священника, поставил пузырек и флягу на их места и не забыл «уговорить» замочек закрыться. Стоя на пороге тайного хода еще раз прикинул свои действия и не найдя ляпов, наконец затворил его у себя за спиной. Комнаты остальных заговорщиков я намеревался посетить чуть позднее, с той бутылкой, которую лакей принесет для меня.

А что? Разве кто-то из них возразил против плана моего устранения? Ну, хотя бы заикнулся, например, что яд — это не благородно? Типа: «Лучше вызову его на дуэль»? Тоже не айс, но хоть какой-то шанс у меня бы имелся? Так ведь нет, решили отравить как

крысу! И главное за что?! Что лично я им плохого сделал?! Ну, а раз так, то долг, как говорится, платежом красен! Тем более, что «долг» они же сами мне нагло навязали! Рэкетеры, блин, средневековые...

Второй акт «Мерлезонского балета» прошел намного проще, чем я мог рассчитывать! А значит что? Решение принято верное. Мама еще в детстве мне ни раз говорила, что если что-то делаешь правильно, то все складывается как «по наезженной лыжне», а если стопорится и не ладится, значит идешь не туда. Здесь же, будто мне ворожили, господа заговорщики не только собрались на дружеский междусобойчик после того, как меня наделили отравленным вином на ужин, но еще и сделали это в одной из комнат, в которую имелся выход из тайного коридора. Остальные-то их покои не только потайной дверцы не имели, но и отверстий для подслушивания и наблюдения. Я аж расстроиться успел, когда это обнаружил, но тут вдруг такая удача!

Так что оставалось только подгадать момент, ну и не сплеховать, когда он наступит. Так и вышло: на стол уже накрыли, а господа еще не все собрались и тусовались в соседней комнате (видимо чтобы слюнки не глотать — шучу), а я, с бешено колотящимся на адреналине сердцем, вынырнул на пару секунд из тайного хода да и вывернул в общий кувшин содержимое «моей» бутылки, слегка усиленное для надежности из теперь уже моих запасов! Получится-не получится — с этого мгновения уже в воле Господа Бога! Если посчитает, что заговорщики другой смерти достойны, то кто я такой, чтобы возражать?! Теперь, кроме Всевышнего, спасти их больше и некому...

Кстати — этот способ моя матушка окрестила «кормить их же конфетами»! Когда я не понял о чем речь, она рассказала, что зачастую, недобросовестные гости дарят то, что им самим не нужно. Например конфеты в коробках. Поскольку всякие «Ассорти» или «Трюфели» были жутким дефицитом, то их часто покупали «на случай», то есть когда требовалось поднести «презент» чиновнику. «Случай» мог долго не наступить и тогда конфеты залеживались, а поскольку «просрочку» чиновнику уже не поднесешь, а выкидывать «дефицит» жалко, то их дарили знакомым на какой-нибудь праздник. Открываешь такой «подарок», а там серый налет на шоколаде! Можно конечно утереться и отправить презент в мусорное ведро, а можно дождаться визита обидчиков и выставить коробку им в качестве угощения, при этом обязательно ненавязчиво напомнив, что это именно они ее подарили. Вот такая вот «мстия»!

Но это я отвлекся, а с заговорщиками в целом вышло так, как я мысленно князю советовал: хоть и не его руками, но накрыло их по-тихому и сразу всех. И да — князь действительно знать ничего не знает!

Глава двадцать восьмая, в которой герой знакомится с бытом вампиров и получает неожиданный подарок от князя

Шесть метров по-пластунски! Шесть метров продираясь по узкой щели обдирая то колени, то лопатки, то... гмм... что ниже! Не мудрено, что кладка здесь уцелела. А я еще удивлялся, что заговорщики ее не нашли. Что-то плохо я себе представляю того идиота, который бы в трезвом рассудке сунулся бы в эту щель. Впрочем, особо что-то представлять мне и не надо, достаточно просто посмотреть в зеркало!

Хотя вообще-то ворчу я не всерьез. Конечно регулярно форсировать этот природный тренажер для нервной системы, радости мало, но есть такое мерзкое понятие: «надо»! Причем особенно отвратительным оно становится когда ты берешь его на себя добровольно. Не злобные враги навязали, не начальство принудило, а сам, своею собственной волей!

Но все мои муки окупились с лихвой, когда во время очередной подпитки начали вылупляться вампирчики и они оказались просто очаровашками! На магию я был щедр, вот они и ломанулись на выход с опережением графика. Впрочем, я опять залез вперед, поскольку о всякой живности, даже такой своеобразной, мне намного приятнее рассказывать, чем, например, о массовых смертях, которые конечно же, по самым «естественным причинам», случились в замке на протяжении всего лишь в течении пары-тройки дней.

В числе гостей в тот вечер трезвенников не оказалось и, как я думаю, приветствуя хозяина вечеринки, все подняли бокалы достаточно дружно. Так что Господь (видимо), вмешиваться в процесс не стал, поскольку ни кто из заговорщиков от него персонального помилования не получил. Надеюсь, что ни кого не возмутит такая вот коротенькая справка для информации на данную тему?

Ну, померли и померли, туда им всем и дорога! Самое главное, что поскольку здесь тоже имел место дурацкий стереотип, что якобы «сила — ума могила», я продолжил играть роль эдакого недалекого здоровяка, который даже не понял, в какую кашу влез со своей помощью княжне. Когда кто-то из заговорщиков, (нет, он представлялся, но на хрена бы мне сдалось запоминать его имя?!), из тех, кто отбыл в мир иной с последней партией, пристал ко мне с расспросами, я поступил как некогда сделал земной артист Дольф Лундгрэн.

Артист этот, мужик недюжинного ума, владеющий семью языками, а также имеющий четыре высших образования, когда его в конец достали журналисты, которых ввели в заблуждение его выдающиеся физические кондиции, из-за чего они принялись разговаривать с ним чуть ли не по слогам, одними простейшими предложениями, прикинулся вообще «одноклеточным» с рубцом от фуражки на мозге вместо извилины! После чего долго и с явным удовольствием морочил журналюгам голову, с улыбкой идиота делая вид, что вообще не врубается, о чем те его спрашивают. Вот его-то опытом я и решил воспользоваться, чем снял с себя даже тень подозрения, тем более, что в процессе довольно неуклюжего прощупывания под видом «доверительного разговора», по-свойски пожаловался кандидату в покойники, на якобы усилившиеся у меня головные боли:

— Раньше только с перепоею болела, а теперь безо всякого вина целыми ночами спать не дает, будто кто-то по башке кузнечной кувалдой лупит... — жаловался я, приобняв

мужчину за плечи и склонившись прямо к его уху, — встану — вроде полегше, ну так ведь не станешь же ходить целую ночь?! К лекарю обратиться, что ли? Как присоветуешь?

А этот гад глянул на меня эдак искоса и с кривой ухмылкой в ответ похлопал по плечу:

— Да что эти лекари знают?! Ерунда! Ты бы лучше еще винца выпил! Винцо оно от многих хворей помогает, а принимать его намного приятнее, чем лекарские микстуры... — и довольно заржал.

Я его поддержал, поблагодарил и пообещал «всенепременнейше» воспользоваться советом... На том, считай, для меня эта история и закончилась. Пока, по крайней мере, тьфу-тьфу, чтоб не сглазить!

А о доставке княжны к монастырю, кстати, просьбы от князя я так и не дождался. Уж не знаю, из-за похорон это или он просто до просьбы унижаться не хочет, но пока моя отмазка, заготовленная на этот случай, мне не пригодилась. Впрочем, из замка князь меня тоже не гонит и даже намеков на отъезд не делает. Так что я нахально этим воспользовался: не переселяться же в подземелья к фон Тирду? Он-то может и не возражал бы, но... Подземелья — это для вампиров, а мне им уподобляться как-то не хочется. Нет, полазить интересно, но в качестве квартиры — увольте — в этом плане я несколько консервативен!

Поэтому, проводив селян, которые составили мне компанию при перевозке княжны и договорившись с Селимом и Нехимом о месте встречи, на тот случай, если они мне вдруг для чего-то понадобятся, (где потерялся мой джинн я ведь так и не знаю?), в остальное время я миловался с Лилли, которая по-прежнему не обделяла меня своим вниманием, продолжал знакомиться с тайными ходами, (вдруг еще понадобится?), да обживал замковую библиотеку, пополняя свои, откровенно скудные, знания об этом мире, его истории и обычаях.

Ну и единственной уцелевшей кладкой вампиров вплотную занялся, раз уж обещал Волюнду...

Не знаю для кого как, а мне маленькие детеныши что птиц, что рептилий, что млекопитающих, никогда не казались противными. Пусть они слепые, с голубыми шарами вместо глаз, с лапками и крыльями в зачаточном состоянии, пусть голенькие и под тонкой кожей на просвет у них видно даже содержимое брюшка, но у меня эти хрупкие «младенцы» животного мира, кроме умиления и нежности, никогда никаких чувств не вызывали.

А у маленьких вампирчиков каких-либо признаков младенческой недоношенности вовсе не наблюдалось, так что они на любой вкус оказались вполне себе симпатичными созданиями. Передние лапки у них почти как «ручки» лемуров, но держат они их плотно прижатыми к груди. Крохотные пальчики с прозрачными, пока еще мягкими коготками, сжаты в трогательные кулачки, а вот задние — больше похожи на кошачьи, которыми эти малютки не без успеха брыкаются в случае испуга или еще какого-нибудь дискомфорта. Глаза, что по цвету, что по форме, напоминали спелые маслины, размером почти на половину продолговатой мордочки, на шкурке короткая шелковистая шерстка, крылышки вообще будто бархатные! И так уютно сопят темными блинчиками носишек, что глядя на них и тебя на дрему пробивает. Милота, одним словом!

Правда если посмотреть немного с другого ракурса... Только увидев соплеменников Волюнда новорожденными, я наконец полностью осознал, что мы реально представители совершенно разных видов! Меня ведь даже информация о кладке особо не смутила, а вот сейчас... Не было в этих крошках ничего от человеческого младенца! Совсем не было!

Потом я представил себе в таком виде красавчика фон Тирда и минут пять ржал в прямом смысле до слез! Мда... Интересно, что сказали бы на это соблазненные им дамы?! Хотя-я, женщины — это такая загадка, что нам, простым смертным, до гроба ее не решить!

Однако смех смехом, но если говорить серьезно, то по мне, такой вариант происхождения вампиров все-таки намного предпочтительнее его земной версии. Это я про ожившие трупы, если кто не понял.

В тот день, которому была судьба врезаться в мою память весьма двойственными эмоциями, пока я возился с его потомством, сам Волюнд поджидал меня в моей гостиной с удобством устроившись на широком подоконнике — здешние, почти метровой ширины, поstatt стенам, — и по мальчишески, с удовольствием болтая ногой. Улыбнулся при этом он мне так светло, что я опять попался на крючок его обаяния, но на этот раз не разозлился: то ли привыкаю, то ли взрослою — ведь нельзя же в конце концов постоянно раздражаться от того, что некий вампир не может совладать со своей природой?

Фон Тирд это мое изменение уловил, но оно его почему-то насторожило, так что он и без моего напоминания перестал валять дурака и принялся отчитываться о перспективах, впрочем, не удержавшись все же и от легкого стеба:

— Как уже говорил, мой господин, с вашей подпиткой малыши развиваются намного быстрее, чем я мог рассчитывать ранее, так что скоро они начнут питаться сами и вы сможете уехать, если на то будет ваше желание...

Я покивал головой, опять не отреагировав на его подколки, скрытые за показным уважением:

— Это я и сам отлично знаю, чай каждый день с твоим потомством черте сколько времени провожу... папаша. Ты мне лучше вот что скажи, что с княжной будем делать?

— А что нужно? — невинно похлопал он длинными ресницами, будто эту тему я уже раз пять не поднимал ранее, но без особого успеха.

Однако на этот раз я намеревался довести разговор до какого-то логического завершения, поэтому слегка поморщившись, потребовал с ноткой раздражения в голосе:

— Тирд, заканчивай уже, а? Ты ведь отлично понимаешь, что я по любому скоро уеду, но оставить Лилли в том статусе, который у нее теперь, вашими общими стараниями, я не смогу ни под каким видом?! Княжна-прислуга даже для главы клана — это слишком жирно, не находишь?

Впрочем, вопрос был чисто риторический, поскольку ничего такого Волюнд реально «не находил»! Вот то, что он у меня в подчинении — это да, вампира не слабо коробило, а наоборот — в порядке вещей. «Двойные стандарты» в чистом виде. Хотя — ничего нового. Какой народ не возьми, хоть здесь, хоть на старушке-Земле, каждый мнит себя избранным и оправдывает эти самые «двойные стандарты». В свою пользу, разумеется. Единственный народ, который не считает, что кого-то «нагнуть» — это справедливо, так это русские, да и то, по моему, только потому, что изначально его формировало множество разных племен. А если говорить о чемпионах в «избранности», так это евреи и цыгане, за что все прочие их больше всех недолюбливают.

И это при том, что ни один народ так уж кардинально от всех прочих не отличается, а чего уж тогда говорить про вампиров, которые реально во многом превосходят людей?! Физически, имею в виду. Им бы еще нравственного превосходства... Хотя нет, это я загнул: при нынешнем положении вещей, «высоконравственных» вампиров люди уже точно бы

перевели в раздел «новейшая история»! Ну или «не» новейшая, что тоже вариант вполне реальный...

Тот недолгий срок, пока эти размышления без особой экспрессии занимали мой рассудок, за чередой гримас, сменявшихся на смазливой физиономии фон Тирда, я наблюдал с несколько отстраненным видом, что видимо для вампира выглядело угрожающе. Потому что к моему удивлению, он и безо всякого дальнейшего давления с моей стороны, вдруг резко прекратил валять дурака и заговорил вполне серьезно, даже с некоторым трудом подбирая формулировки, что с его лихого «подвешенным языком», звучало тем более необычно:

— Ну, прости, прости... Я и сам довольно долго размышлял на эту тему... Во-первых: положение у моего клана пока таково, что полезнее будет не держаться старинных предубеждений... К тому же и некоторый вес... гмм... в человеческом обществе... мог бы оказаться полезным... Ну и наконец, это твои «вашиими» стараниями..! Как-то неуютно мне в этой компании, тем более, — он глумливо хохотнул, — что вся она уже беседует с вашим Создателем, а мне к своему, спешить нежелательно... Так что так уж и быть, ладно, я пожалуй готов изменить отношения с княжной на взаимовыгодное и партнерское сотрудничество...

Сказать честно: после этих его слов я так и сел, где стоял! К счастью, что стоял я на тот момент как раз у кресла, что гмм... спасло меня от «падения в глазах подданного»! Шучу, конечно, но именно от того, что слова для ответа я смог найти не сразу. Говоря откровенно, по опыту всех прежних бесед с Волюндом на эту тему, на такой «козырный» расклад я даже не рассчитывал! Естественно, что он был бы просто не он, если бы сказал об этом безо всех этих оговорок с «ладно» и «так и быть», но раньше-то вампир и слышать не хотел ни о каком партнерстве и даже «на голубом глазу» утверждал, что подобное в их среде просто невозможно. Якобы «истинные» — просто физически не способны иначе взаимодействовать с «перевертышами», как он называл «обращенных». Типа «хозяева» и «рабы», и все, без вариантов!

Однако тыкать носом фон Тирда в прошлое вранье я не стал: передумал — и слава Богу! Ни к чему лишний раз унижать самолюбивого «главу клана».

— А как ты себе это представляешь, так сказать, «технически»? — все же счел нужным уточнить для надежности.

— А что тут представлять?!

Волюнд уже не качал ногой и не улыбался, а сидел на подоконнике в своем черном прикиде, как ворона на заборе: весь нахохлившись и подобравшись.

— Обращение однозначно придется завершить и, было бы просто замечательно, если бы ты опять поучаствовал своей магией. Не уверен я что-то, что сам справлюсь, когда нужно будет снимать с ауры Лилли мое подчинение: чай его несколько магов подкрепляли. Не таких сильных как ты, конечно, ну так и переплетение сил наверняка тоже роль сыграло...

О чем он говорит я толком не понял, но переспрашивать не стал, чтобы лишний раз не вводить вампира в искушение своим невежеством. Ему и так-то приходилось верить через два раза на третий, а если поймет, что в этих его ритуалах я еще больший профан, чем он думает... Нет уж, нет уж, пока не приспичит, лишних поводов для сомнений я ему не дам. Мысленно перекрестившись на удачу, изобразил на физиономии эдакий скепсис и спросил с таким равнодушием, что сам удивился своему растущему актерскому мастерству:

— Ну и когда ты думаешь провести этот ритуал..?

Однако, как на зло, ответить вампиру на этот раз помешали внешние причины: едва он открыл рот, как в мою дверь громко постучали и, как в здешнем этикете водится для равных по статусу, тут же толкнули ее, открывая. Нет, вечером или в спальню бы так не вломились, но днем и в гостиную — запросто! Краем глаза я только успел заметить подошвы франтоватых сапог фон Тирда, которые мелькнули в окне, куда он, не долго думая, как сидел, так и опрокинулся через спину! А уже в следующую секунду на пороге нарисовался мой сосед по коридору, сэра Брион, и откозыряв мне рыцарским, как я уже знал, приветственным жестом, заявил:

— Сударь! Его сиятельство князь Нугварский, попросил меня пригласить вас к нему на аудиенцию, которая состоится немедленно...

У меня ощутимо екнуло под ложечкой от категоричного тона «приглашения»: фиг его знает, чем оно может быть вызвано? «Наделать делов»-то в замке я успел и кто его знает, как может на них отреагировать хозяин?! Поэтому, инстинктивно защищаясь, я пробурчал с ноткой недовольства:

— А как-то заранее предупредить об аудиенции нельзя было? Я, к примеру, прогуляться окрест верхом собирался... Ну, как не застали бы?!

Сэр Брион расплылся в добродушной улыбке и «успокоил» на свой манер:

— Не опасайтесь, — снисходительно махнул он внушительных размеров лапищей, — на этот счет у стражников было распоряжение, не выпустили бы...

Я усмехнулся, а сам внутренне подобрался еще больше, хотя, если подумать, то этот мужлан мог просто «не так» выразиться. Однако как бы то ни было, а паниковать и совершать резкие поступки я не собирался, «держатъ лицо» следовало вплоть до любой развязки. Будь против меня что-то конкретное, наверное прислали бы стражу, а не соседа? Верно? К тому же мужчины здесь редко бывали безоружны, а провожатый сам был при мече и совершенно нормально воспринял мое желание надеть перевязь со своим оружием на официальную встречу, в дополнение к тем ножнам для Аль Каюна, с которым, с недавних пор, я почти не расставался даже отдыхая. Вполне успокоенный таким отношением и собственными умозаключениями, я уже спокойно проследовал за сэром Брионом...

На этот раз меня проводили в «Парадную Залу», где в отличии от «Большой Обеденной», в которой я до этих пор имел честь встречаться как с хозяином, так и с прочими гостями и высокородными обитателями замка, вместо столов имелись только покрытые коврами лавки вдоль стен. Сам же зал оказался украшен в самом что ни на есть, средневековом стиле: по стенам весели многочисленные баннеры* и пенноны**, видимо трофейные, (хотя не поручусь, что только нынешнего хозяина, а не его славных предков вдобавок, уж больно выцветшими казались некоторые из них!), а торцовую стену, перед которой возвышалось на небольшом помосте кресло с непомерно высокой спинкой, сплошь закрывал довольно яркий гобелен, (что редкость для нынешнего времени), на котором умелые ткачихи изобразили какой-то батальный эпизод.

*и ** (Баннер (banniere) — это флаг с большим прямоугольным полотнищем, несущим герб своего владельца. Правом ношения баннера обладали представители дворянской элиты. Кроме того, правом ношения баннера обладали свободные города и торгово-ремесленные гильдии. Пеннон (pennon) — флаг с горизонтально ориентированным треугольным, реже, вилообразным или трапециевидным скругленным полотнищем, несущим герб своего владельца. Правом ношения обладали все, кто мог иметь баннер. Авт.)

Я с любопытством озирался, рассматривая до сих пор невиданное убранство зала для каких-то, видимо, специфических торжеств, раз в отличие от прочих, подкрепляемых обильной трапезой с не менее, а то и более обильными возлияниями, в нем не имелось даже намека на чревоугодие! Наверное поэтому как-то не сразу обратил внимание, что все остальные присутствующие молчком стоят вдоль стен, а в центре только мы с моим провожатым.

Но в какой-то момент из боковой двери вышел князь в сопровождении до практически невозможной бесплотности, сухонького старичка и, едва эти двое остановились, как сэр Брион слегка похлопал меня по плечу:

— Преклоните колено, достойный юноша, — негромко произнес он, сопровождая свой жест.

Я секунду промедлил, а потом память услужливо и весьма своевременно подсказала мне, сценкой из когда-то читанного рыцарского романа с утерянным названием, чему обычно предшествовало подобное требование! Мысленно ахнув, еще не до конца веря в реальность происходящего, я опустил на одно колено...

— Всем присутствующим здесь известно, какую громадную услугу оказал мне сей юноша... — неожиданно громко загредел под сводами зала голос князя, — и мне показалось, что та награда, которую он получил на данный момент, не достаточна для столь благородного поступка, — сделав крошечную паузу, продолжил хозяин замка, — поэтому, по праву дарованному мне моим положением и происхождением, я намерен произвести этого достойного юношу в рыцари!

Князь сделал несколько шагов ко мне, стукнул меня плащом своим мечом по плечу и произнес на этот раз с немного интимными интонациями в голосе:

— Будьте же достойны этого звания, сэр Ричард! Мне доложили, что вам служит ручной ворон, так что пусть отныне он станет вашим гербом.

Он отступил от меня на шаг и произнес так торжественно, что буквально провозгласил:

— Встаньте же, сэр Ричард и будьте отныне среди рыцарей равным среди равных! — тут он опять слегка понизил тон и уже простым, повествующим голосом закончил, — вместе со званием и гербом, удлиненным книзу пятиугольником с черным вороном на зеленом фоне, я дарую сэру Ричарду еще и феодал на западной границе моего княжества, получающий отныне название «Вороний клин»! Вместе с правами и обязанностями...

«Упс! Вот это ты попал, «сэр Ричард»! Ну попал!!!» — буквально завопило мое «второе я», и тут же судорожно принялось искать отмазку, чтобы не оскорбив моего самозванного сюзерена, отказаться от его «щедрого дара». Нет, для кого-то другого, например для настоящего нищего княжеского бастарда, подобный дар действительно стал бы нереально щедрым, только вот я-то становиться вассалом князя не желал ни под каким видом! И если звание рыцаря, ни чем таким уж особым меня не связывало, то владение феодалом не просто связывало, а буквально спеленывало с ног до головы!

Спустя три часа, ровно столько, сколько по здешнему этикету требовали правила приличия для пребывания на пиру в честь новоявленного рыцаря, плюс еще какое-то время потраченное мной на, так сказать, «сопутствующие процедуры», наконец, едва стоящий на ногах, я ввалился в свои покои! И нет, чрезмерное употребление горячительных напитков, как можно было бы подумать, сейчас было ни при чем. А вот обилие стрессов, выпавшее в этот день на мою кудрявую голову, вполне, вполне!

Ну, во-первых, конечно, неожиданное-негаданное посвящение в рыцари. Во-вторых то, что от привязки к феоде мне все-таки удалось отбрезаться! Или все же это «во-первых»? Собственно, если судить по величине стресса и значимости событий лично для меня, то да, оценивать надо именно так: «отмазка» — это во-первых, а посвящение — во-вторых!

Ибо без рыцарства, розовой мечты всех мальчишек детского и раннего подросткового возраста, я, в свои двадцать семь, вполне готов был жить долго и счастливо. Нет, с учетом местного менталитета оно конечно было весьма полезным, да и, что там кривить душой — приятным, но... В ряду моих приоритетов, отнюдь не самым важным и скажу больше — даже не второстепенным! А вот «привязка» меня к «сюзерену», рушила все мои планы. Тем более, что загадывая джинну «власть», я совсем не имел ввиду власть мелкого дворянчика над парочкой деревень полунищих крестьян, при том, что самому придется чуть ли не бегать собачонкой возле стремени князя! К счастью, в экстремальные, ну или просто в сложные моменты жизни, мой мозг мобилизует все свои резервы и на вполне приличной скорости выдает варианты, как мне выбраться из этих жизненных коллизий с наименьшими потерями.

На этот раз он, то есть мозг, тоже продемонстрировал качественную работу без сбоев и я еще только поднимался с колена, а ответ уже был у меня на кончике языка:

— Я очень благодарен Вам за посвящение в рыцари, однако феоде принять не могу... — и сопроводил обидные слова гримаской и взглядом из собачьего арсенала: по себе знаю, как безотказно действует на людей мимика этих величайших манипуляторов!

Сработало и в моем случае, потому что вместо гнева, князь взглянул на меня участливо: — А чем вызван Ваш отказ, сэра Ричард?

Непривычное «сэр» резануло ухо и вызвало нервное хихиканье где-то на втором слое восприятия, но наружу, естественно, я его не выпустил и ответил серьезно, с показным сожалением:

— Видите ли, Ваше Сиятельство, но принятие феода подразумевает и принятие вассальных обязательств, а поскольку я уже имею некие обязательства... — естественно не уточняя какие и кому, а вместо этого только печально качая головой, я многозначительно замолчал.

Самый лучший способ убеждения — это дать своему собеседнику, (а в этом, конкретном случае, моему несостоявшемуся сюзерену), возможность припомнить всю ту информацию, которую он к этому времени наверняка почерпнул из всяких, с его точки зрения, вполне заслуживающих доверия источников, (например таких, как его собственная дочь) и самому сделать из них нужные тебе выводы...

Другой вопрос, что байку о моей принадлежности к знатному княжескому роду в качестве бастарда, из-за некоторой склонности к романтике, придумали сами крестьяне, сделав такой вывод из слов Сулима, который с какого-то момента стал называть меня княжичем, моего «нездешнего» лексикона, да странноватого поведения. А я просто не посчитал нужным ее опровергать, поскольку подобные возражения выглядели бы более унижительно, чем сам факт незаконного рождения, которому в этом мире предавали еще меньше значения, чем в земном, современном мне на момент появления джинна. Княжна узнала эту версию моего прошлого уже из их разговоров и тоже, ориентируясь на мое поведение, обильный и несколько своеобразный словарный запас, а так же на значительную магическую одаренность, вполне уверилась в ее справедливости.

Самое смешное, что я сам, изначально говорил несколько иное, что на мой взгляд на все 100 % соответствовало моему истинному происхождению и где ни словом не упоминалось,

что я незаконнорожденный. Однако сейчас, именно эта ошибка, исправлять которую я элементарно считал ниже своего достоинства, и должна была сыграть мне на руку! Поскольку по моей версии, которую я «поведал» Сулиму, мой отец умер не успев меня официально признать, (что так и есть), то по версии крестьян, папаша вполне себе живой, а значит в момент первого совершеннолетия бастарда, которое здесь наступает в двенадцать лет, он просто обязан был требовать с сыночка вассальную присягу, чтобы элементарно обезопасить себя и свое законное потомство, от его возможных притязаний.

С законного наследника такую клятву не берут, поскольку он вроде как и так потенциальный хозяин всего отцова имущества, а вот что может выкинуть бастард, обделенный не только собственностью, но зачастую и элементарной отцовской лаской, этого никто знать не может. А ведь «левые» сынки от крестьянок, до обидного часто выходят намного более удачными, чем дети от знатных законных жен, не обремененных не сильным здоровьем, ни природным умом, ни смекалкой, необходимым простолюдинкам для выживания, так что и соперники из них могут получиться весьма-а-а серьезные...

Вот на нечто эдакое и намекал я со всем старанием и артистизмом изображая «собачьи глазки», и с подчеркнутым сожалением горестно качая головой, типа: «Присягал я уже, батюшка князь! Присягал! Папанька мой сюзерен и пока он жив, увы и ах, но другого «сюзи» у меня быть не может!» К моей удаче князю, отдать ему должное, не откажешь как в уме, так и в знании обычаев собственного мира: мгновенно поняв как недосказанное, так и суть моей пантомимы, он слегка разочарованно поджал губы, однако полностью отказаться от решения облагодетельствовать меня феодем, не захотел!

— Ну, что же, благородный сэр, в таком случае примите этот дар без вассальных обязательств! — дружески похлопал он меня по плечу, — мне будет достаточно «Малого Канона»*

*(Канон (на Земле) — неизменная традиционная, не подлежащая пересмотру совокупность законов, норм и правил в различных сферах деятельности и жизни человека. Авт.)

От такого ответа я слегка растерялся, но ненадолго, а вспомнив, что на местного я все равно похожу очень мало, с легкостью сослался на свою нездешность и попросил уточнений. После чего меня тут же дружески просветили, что «Малый Канон» — это что-то вроде договора о мире, ненападении и помощи в случае агрессии со стороны. В принципе, магически закрепленные обязательства всего того, что я и сам был бы готов предоставить князю, в случае возникновения у него такой необходимости. Единственное «но» с моей стороны заключалось в том, что сидеть в дареном феоде я не собирался. Однако оказалось, что и это противоречие вполне разрешимо, поскольку я, как полноправный хозяин земли, имею возможность свалить управление «подарком» на доверенное лицо или, за неимением такового, назначить управляющего хозяйством хоть бы даже из своих подданных! А уж он, в случае нужды, отрядит и крестьян в ополчение, поскольку подчиненные рыцари мне, из-за малости собственного звания, не полагались...

Но не успел я вздохнуть с облегчением, поскольку на мой взгляд, все вопросы оказались благополучно разрешенными, как выяснилось, что прежде чем осуществить «Малый Канон», являющийся хоть и разрешенным, но все-таки магическим обрядом, а магия так и не была до конца и безоговорочно принята матерью-церковью, то прежде мне надлежит исповедоваться перед тем самым сухоньким старичком, которого я видел сразу по приходу и который (вступают фанфары!), является Благоверным отцом Февадием! (Не поручусь за точность, но

у нас на Земле, «Благоверными» называли царей, кесарей и чуть ли не святых до их канонизации!) Я совсем уже решил, что такую персону пригласили ради моего посвящения, и слегка обалдел от свалившейся на меня чести, но возгордиться не успел, так как князь тут же и пояснил:

— В своих странствиях отец Февадий согласился заехать к нам в гости с тем, чтобы отомолить княжну Лиллитиль под отчим кровом, а заодно и помолиться за воинов, погибших ради ее спасения...

Я мысленно фыркнул: «Надо же, хоть и «заодно», но вспомнил все-таки о тех парнях, которых мы хоронили в виде разрозненных кусков тел, а то я уже думал, что до их гибели и дела никому нет!» Однако естественно, феодалу и сыну своего времени, вслух говорить ничего не стал: в лучшем случае — просто не поймет претензий, а в худшем — еще и оскорбится! А оно мне надо? Мне о своих проблемах думать надо, а не воспитывать местную знать.

Причем проблемы вполне могли оказаться нешуточными, поскольку в тонкостях местной религии я не в зуб ногой, а у старичка глазки весьма умные и смотрят внимательно, чтобы не сказать «проницательно»! А как могут отреагировать на пришельцев из другого мира там, где по словам джинна, таких визитов уже чертову прорву времени не было?! Не знаете? Вот и я не знаю и узнать, как ни странно, — желанием не горю! Как сами понимаете, такое настроение к меньше всего располагает к откровенности, а ведь по своей сути, исповедь и подразумевает полную откровенность.

Так что битых тридцать минут, вертелся я похлеще пресловутого ужа на сковороде! Старичок-то оказался очень и очень непростым, да еще и добросовестным, и внимательным. Короче: когда Благодетель наконец прекратил меня терзать всякими-разными вопросами, я был мокрый, как мышь, и чувствовал себя Гераклом, только что закончившим выгребать Авгиевы конюшни! Однако к «Малому Канону» он меня все-таки допустил, хоть и сказал, отечески похлопывая по плечу:

— Вижу, юноша, откровенность тебе тяжело дается и душу свою ты мне так до конца и не раскрыл... Однако «исповедь», есть дело сугубо добровольное и принуждения не терпит. Главное я для себя уяснил, а остальным поделишься, когда сам этого захочешь... — затем сделал у меня надо лбом характерный жест кистью, будто что-то сначала собрал, а потом откинул, означающий у местных благословение, и согласно кивнул князю, терпеливо и кротко ожидающему в сторонке.

Духовно опустошенный и уже не чаявший благополучного завершения исповеди, я почти автоматически повторил за старцем слова «Малого Канона» и с облегчением увидел, как маленькая голубая молния пронзила наши с князем ладони, сомкнутые в ритуальном жесте. А потом еще добросовестно отсидел положенное время на пиру. Правда последнее было не так уж тягостно, потому что после всех пройденных «процедур», я испытывал такой зверский голод, что сначала просто «мел» со стола все, что попадалось на глаза и только утолив первый голод, дальше уже смог наслаждаться и куропатками в брусничном соусе, и седлом барашка в белом вине, и всевозможными пирогами с ягодами в меду, запивая все эти деликатесы исключительно взварами и морсами, поскольку вопреки расхожему мнению, «расслаблять» перегруженную нервную систему алкоголем, категорически не рекомендуется!

Однако нормально отдохнуть, как видно, на этот раз мне была не судьба! Едва

освободившись от перевязи с ножнами и успев снять только один сапог, я подвергся... визиту Лилли, которая была абсолютно не в себе и только и могла, что двигаясь по комнате как сомнамбула, на автопилоте огибая вещи, повторять как заводная кукла:

— Все пропало... Все пропало...

— Да скажешь ты наконец толком, что именно и куда «пропало»? — наконец рявкнул я, с минуту утомленно понаблюдав за ее телепанием по моей вожденной спальне.

Однако мой запал пропал не возымев никакого эффекта и чертыхаясь сквозь зубы, ковыляя в одном сапоге, я добрался до графина с водой, набрал ее в рот и смачно фукнул ею в лицо ополоумевшей вампирше, как во времена моего детства это делали при глажке хозяйки, желающие увлажнить пересохшее белье. Вот эта процедура эффект возымела и я только чудом увернулся от пощечины когтистой лапкой! К счастью, повтора не потребовалось...

«Водные процедуры», впрочем, как и всегда в подобных случаях, оказали свое целительное действие, Лилли пришла в себя, смирив меня обиженным взглядом, плюхнулась в мое самое любимое кресло и... горько разрыдалась! Я даже немного опешил, настолько не ждал такой чисто девичьей реакции от моей неистовой вампириши! И да, меня проняло...

— Ну тихо, тихо, — облокотившись бедром о подлокотник кресла я обнял девушку за хрупкие плечи и привлек к себе одновременно легонько похлопывая ее успокаивающим жестом, — по поводу чего слезы? Что там у тебя «пропало», что ты аж в панику скатилась?!

— Как «что пропало»?! Ты же уже знаешь, что здесь этот праведник, Благоверный Февадий?! Отец похвастался, что оказывается, уже после моей отправки в монастырь св. Мартиники, ему доложили, что этот Благоверный отправился в путешествие с миссией благотворительности и его маршрут пройдет совсем недалеко от нас. Он и так-то хотел заполучить его в качестве гостя, а тут ты меня привез и папа посчитал, что это самый лучший способ в одни силки поймать двух зайцев! К тому же очень хороший повод для приглашения: этот праведник просто так может в замок и не поехать, но вот ради спасения живой душ-ши-и...

Последние слова она договаривала уже с надрывом и едва закончив фразу, опять разразилась слезами, как осенняя туча!

— Ладно, про Февадия понятно, но ты-то чего ревешь?! — как-то ускользала от меня идея слезоразлива.

— Ну, как же?! Я же тебе сколько раз уже говорила, что не хочу чтобы меня «отмаливали»?! Ты что, все мимо ушей пропустил?! Ох, мужчины..! — возмутилась Лилли моей кажущейся невнимательности.

— Ничего я не пропустил! — тут уже возмутился я несправедливости обвинения, — ничего я не пропустил, только не понял немного: ты что, надеялась, что твой отец так все с твоим вампирством и оставит?! Такая наивная?! К тому же я не был до конца уверен, что ты эту идею не оставишь... — у меня перед глазами встали новорожденные вампирчики и абсолютно абсурдная и гротескная картинка, на которой княжна высиживает вампирскую кладку и я едва в голос не заржал, но благополучно подавил приступ неуместной веселости и добавил рассудительно, — все-таки повседневная жизнь вампиров для тебя непривычна и вряд ли покажется такой уж привлекательной, если ей придется жить изо дня в день неисчислимо долгое время. Они же существа совершенно другого вида! Ты хоть об этом-то в курсе?

Девушка хлюпнула носом:

— Да в курсе я, в курсе! Не иначе, как с твоей подачи, Волюнд меня последние дни обо всем усиленно просвещает... Только я ведь не «урожденная», а «обращенная». Мне ничего такого делать не придется. Скорее всего привлекут или к охране, или к переговорам с людьми. Это ведь только невежды считают, что вампиры злодействуют, а на самом деле у них многое по договору и на оплате...

— Стоп-стоп про оплату! В этом фон Тирд и меня просветил. Ты мне лучше объясни, откуда эта твоя паника?! Ну, подумаешь «отмолит» Февадий?! Уедет — Волюнд тебя обратно обратит, только на этот раз в тайне, так, чтобы отец не знал и не беспокоился...

— А он захочет?! — княжна уставилась на меня с надеждой и по-детски трогательно захлопала мокрыми ресницами, — он мне уже в который раз заявляет, что я ему без надобности, что его принудили меня обратить и от моего обращения у него сплошные неприятности!

«Вот же гад!» — мысленно помянул я вампирюгу «незлым тихим словом», — «вот зачем было девчонку расстраивать?! Ведь все равно ему, с полностью обескровленный кланом, так или иначе придется прибегать к помощи наемников! А княжна — вполне адекватный человек, да еще и довольный переменами в своей жизни. Ну и чем она ему не помощница?!»

Я почти отеческим жестом положил ладонь на растрепанную головку Лилли:

— Успокойся! Волюнд — мой вассал, не забыла? Что скажу, то он и сделает! — «вот же говнюк упертый», — добавил про себя в сердцах и закончил решительно, — так что бросай реветь: быть тебе вампиршей, раз уж ты так этого желаешь!

Ну, а дальше — мой вожденный отдых отодвинулся на... Довольно далеко, в общем, отодвинулся... Настолько далеко, насколько велика была благодарность девушки за мое, совершенно бескорыстное, к слову, участие и понимание!

Глава двадцать девятая, в которой герой очередной раз убеждается, что «Гладко было на бумаге...» и делает важное открытие

Волюнд фыркал на мои аргументы и увещевания как до предела рассерженная кошка, а я боролся с сильным желанием согнать его с моего подоконника, на котором на этот раз он устроился вообще с ногами! Ну бесит же! Хотя такой мой поступок мог еще сильнее помешать нашему диалогу, а тот и так не сильно-то ладился. Так что мне приходилось терпеть, от чего поза вампира бесила меня еще сильнее. Впрочем — это состояние, похоже, было у нас взаимным.

— Нет, ты просто не понимаешь: такого никто никогда раньше не делал!!! — твердил фон Тирд как заезженная пластинка, — такие опыты с вампирской кровью могут дать совсем не те результаты, которых ты от меня требуешь!

Вот как вам нравится подобный аргумент в ответ на мою идею повторного обращения?! «Не делали» видите ли?! Да мало ли чего не делали раньше, но потом все-таки сделали и вполне успешно пользуются по сей день?! Примерно это я и пытался вдолбить в упрямую голову древнего вампира.

Хотя вторая часть фразы, добавленная только что, несколько примиряла с категоричностью того, что Волюнд утверждал до этого. Но если это соответствует действительности, то почему он вообще не начал возражать с этого аргумента?! Я бы сразу снизил напор, но он этого не сделал, а значит сказанное только что, вполне может оказаться ложью! Очередной. Кто бы только знал, как тяжело договариваться с такими лживыми тварями как вампиры!

Но потом я мысленно махнул рукой, выдохнул и сменил тему: нужно снизить накал спора, чтобы разобраться где в сказанном лож и выбрать из нее крупинки правды. А еще лучше применить простой, но действенный и проверенный на множестве упрямцев способ, когда следует уйти от «больной» темы, но вернуться к ней, когда они поостынут и их мысли переключаться на что-то другое.

— Ладно, предположим, что про риск повторного обращения я не знал, но нельзя так нельзя. Придумаем, что-нибудь другое. Ты мне лучше скажи, зачем ты княжну постоянно дразнишь?! Обижаешь ее зачем?! В том, что с тобой случилось, уж чего-чего, а ее вины нет совершенно! Если не кривить душой и не играть в политкорректность ради твоей тонкой, ранимой натуры, которой претит статус жертвы, а называть вещи своими именами, то вы с ней оба всего лишь пешками в чужой игре! Да, ты пострадал больше и потерял больше, но только на данный момент и исключительно из-за моего вмешательства. А не будь меня, то Лилли оказалась бы пожизненной постельной игрушкой принца и марионеткой тех, кто спланировал заговор, а тебя просто убили бы... скорее всего. И еще неизвестно, что тут хуже.

— Целый погибший клан ты сравниваешь с жизнью одной женщины?! — тут же взвился фон Тирд, как рыбка заглотнув мой крючок с наживкой.

— В плане общей ценности — сравнение возможно и не корректно, но в плане личного страдания — вполне сопоставимо, — отпасовал я ему аргумент, — ты бы умер и все, конец всем мучениям...

— А она даже не знала бы, что мучается! — циничная усмешка, исказившая черты

вампира, совсем не шла к его лицу, дышащему чувственным очарованием.

— А тебе-то откуда об этом знать? Только не говори, что вы, вампиры, хоть раз когда-нибудь поинтересовались чувствами людей, которых обращали и подчиняли к своему благу! Вот только представь, что ты будто заперт в своем собственном теле, все понимаешь, а сделать ничего не можешь и это насилие продолжается всю твою жизнь без шанса на спасение!?

Я вполне способен сочувствовать, сострадать и достаточно реалистично могу представить себя на чьем-то месте, поэтому говорил вполне осознавая то, о чем говорю и стараясь донести это осознание и до оппонента, как вдруг...

Вообще-то кожа фон Тирда имела очень приятный кремовый оттенок, как у некоторых рас Земли, в жилах которых была толика негритянской крови. По крайней мере на лице и руках, поскольку я не знал, способны ли вампиры загорать, а голышом увидеть Волюнда мне не довелось. Однако теперь я точно знал, что бледнеть они могут так же, как и люди, потому что в какой-то момент моей речи фон Тирд так страшно побледнел, что его лицо стало даже не белым, а серым, как влажная шпукатурка!

При этом яркие, пухлые губы вампира практически сравнялись цветом с остальной кожей, а зрачки так расширились, что глаза стали похожи на два провала в бездну! Ей же ей, но в тот момент, когда он бился и рвался из магических пут в подвале замка, во время нашей первой встречи, он выглядел не настолько... пугающе!

— Э-э-э! Ты что?! Что случилось?! — я бросился к вампиру и встряхнул его за плечи.

Будете смеяться, но мне реально показалось, что он сейчас хлопнется в обморок, а то как бы не случилось чего-нибудь похуже! Инфаркт? Инсульт? Страдают ли этими хворями бессмертные?! Впрочем смейтесь или нет, но я абсолютно уверен, что если и ошибся, то вряд ли сильно. После того, как я его встряхнул, вампир медленно стал возвращаться к прежнему виду. Сначала почти вернулись в норму его глаза, потом слегка порозовели губы...

Я с тревогой вглядывался в лицо моего необычного вассала и только спустя несколько минут, облегченно перевел дух.

— И что это было? — спросил с ворчливыми нотками в голосе, поскольку этот... нечеловек, все же заставил меня переволноваться, — ты что, голодный?! — высказал первое, что пришло в голову от вида этих его метаморфоз и уже было принялся закатывать рукав, но Волюнд разомкнул губы, обметанные будто после длительного жара.

— Нет, не надо, я в порядке... Просто я представил... представил... — выдавил он с запинкой, сипло, совершенно «не своим» голосом.

— Что?! Что такое ты представил, что будто мгновенно умер из-за этого?! Да говори уже, а то у меня мозги кипят от ваших с княжной фортелей!

Вампир откашлялся и стал еще больше походить на себя прежнего, только не валяющего дурака в обычной своей манере, а необычно хмурого и серьезного.

— Я представил, что может чувствовать человек, если всю жизнь заперт в своем теле, как в тюрьме... без надежды на помилование и... Я представил, что такое могло случиться с Тиль...

— С Тиль? С каким еще Тиль? — мало что поняв из бормотания вампира и потряс головой и то ли просто так совпало, то ли этот жест имел чудодейственную силу, но обрывки фактов в моей голове легли на свои места и мне открылась такая истина, что от нее едва не снесло крышу уже у меня самого!

«Ничего себе фортель!?!?» — какое-то время я мог вертеть в голове только эту фразу, которая как якорь удерживала мой рассудок, не позволяя ему встать в совсем уже унижительную раскоряку! Вот уж не думал, что казалось бы на пустом месте «словлю» такой шок. Я-то, наивный, думал, что изучил фон Тирда и знаю его как облупленного, а «слона-то и не заметил»!!! Какого? Да того, который все это время был у меня под носом! Да, я понял, что Волюнд великолепный артист и отъявленный лгун, но мне даже в голову не приходило, что он может прятать под актерскими ужимками не только какие-то факты, которые не хотел мне открывать, но и свои истинные чувства! А если посмотреть не предвзято, чуть отстранившись, то вполне можно было бы их и распознать!»

Ладно-ладно, оставляя в стороне сумбур в моей бедной голове, скажу просто и конкретно: Волюнд фон Тирд был до беспамятства влюблен в княжну Лиллитиль Нугварскую!

Не знаю, в какой момент это случилось, все же он знал девушку буквально с ее рождения, но чему быть, как говорят не только на моей Земле, но и в этом мире — того не миновать! А как должен вести себя мужчина... Хотя нет, не так: как себя должен чувствовать древний вампир, который не только попал в вассальную зависимость от человека, но его любимая женщина мало того, что тоже человек, но еще отдает предпочтение другому мужчине?! И в постели в том числе?!

И опять не так, а закручено еще круче! Волюнд любит даже не человеческую женщину, а «обращенную», что для него, «высшего», все равно как императору полюбить... даже не знаю кого! В человеческом обществе просто нет такой степени неравенства! Мда-а... Если у меня крышу сносит, то что твориться в голове у фон Тирда?!

«Стоп еще раз!» — с немалым волевым усилием строго прикрикнул на себя мысленно и так же мысленно встряхнулся, как пес вылезший из воды, после чего у меня получилось окончательно взял себя в руки. Думаем дальше:

«Проблема совсем не в том, что я не замечал состояния вампира и даже не в том, что он все это время страдал, а в очень простом вопросе: «Сам-то Волюнд это осознает?!» Если судить по нынешнему его состоянию и по окончанию фразы, то возможно, что если осознание и наступило, то случилось это только что! Угу, или «не» наступило. Вполне возможно, что стадию отрицания ему еще предстоит пройти... Угу-угу, но пары сотен лет на раскачку, которые могут понадобиться бессмертному, у нас с Лилли точно не имеется!»

Последняя мысль вызвала у меня кривую усмешку, но в свое кресло я опустил уже полностью спокойный: «Требуется поторопить? Ну что же, ноу проблем, поторопим...»

— Волюнд, а ты сам-то хоть понял, **что** сейчас произошло? — с акцентом на «что», спросил вампира, который скорчившись будто от судороги, все еще сидел на моем подоконнике.

Явно еще полностью не отошедший от шока, фон Тирд вопросительно уставился мне в лицо и кашлянув спросил каким-то больным, слабым голосом:

— Произошло? Сейчас? О чем ты..?

«Вот же черт! Да он в подвале себя чувствовал лучше!» — пораженно пронеслось в моем сознании, — «надеюсь, что не добыю его, как водится, «из лучших побуждений»?!» И, вздохнув, будто перед прыжком в воду, выдал залпом все, что только что открыло мне прозрение:

— Ты так близко к сердцу принял трагедию... гмм... Тиль, потому что любишь княжну... Слышишь, Волюнд?! Ты не просто влюблен в девушку, ты любишь ее! Ты это

понимаешь?!

Зрачки вампира распахнулись так сильно, что я заподозрил повторный шок и уже прикидывал, не прибегнуть ли мне к... «водной терапии», но... В этот момент с подоконника раздались какие-то хриплые, каркающие звуки, в комплекте с дергающимся подбородком, опознанные мной как смех! Впрочем, наличие шока это совсем не исключало...

— О, да! О, да! — повторял фон Тирд в коротких паузах, продолжая давиться своим жутким смехом, — теперь я это понимаю..! Я, высший вампир.... глава клана и пал... так низко, что влюбился в... в... «обращенную»!

«Угу-угу, именно та проблема, которую я и боялся больше всего!» — мысленно покивал себе головой со смесью сожаления, горечи и... злости, пожалуй. «Как там у классика? «Стереотипы мышления довлеют над сознанием», — кажется так это называется? Смысл такой — точно, но вот за точность цитаты не поручусь... А тут еще у «сознания» было достаточно времени, чтобы заостенеть в своем консерватизме и превратить «стереотипы» в «постулаты»! Однако попытаться все равно стоит!» — подумал упрямо и резко выставил в сторону вампира раскрытую ладонь:

— Стоп! А ты посмотри на ситуацию с другой позиции...

И со злой решимостью, мгновенно перемешал все факты в стройном, и казалось бы логичном, построении фон Тирда!

Ну, да, считается, что от перестановки мест слагаемых, сумма не меняется, но жизнь — это не арифметика, в жизни, зачастую, как раз бывает все наоборот! «Вот сейчас и проверим, тот ли это случай...» — авантюрная волна несла мой рассудок и он принялся дерзко выстраивать факты в новую логическую цепочку...

Честно говоря, успех этой моей затеи держался только на том, захочет ли мозг вампира ухватиться за ту соломинку, которую я ему предлагаю. Любовь — весьма сильное чувство и способно переиначить любые, даже самые заостенелые представления, но... Впрочем, если озираться на это вечное «но», то и начинать не стоило бы!

Мой жест «реально» заткнул вампира, истерический смех «уже» прекратился, а если судить по дикому, жадному взгляду — его сознание отозвалось на мою фразу как надо и сейчас затаилось в надежде...

— На самом деле ты влюбился в прекрасную, юную девушку, утонченную аристократку и родовитую княжну! Вспомни, в какой момент впервые ты почувствовал, что ее присутствие тебя волнует? — рассказывал я Волюнду историю его любви и холодел от страха: вдруг он вспомнить нечто совершенно иное?!

Однако взгляд фон Тирда сместился и он уже не смотрел мне в глаза, а мысленно заглядывал в прошлое и потому, как светлело его лицо, воспоминания были созвучны моим словам!

— Да, она была человеком и поэтому ты отрицал свои чувства, боролся с ними, но они уже были «тогда» и росли с каждым днем...

Я дал вампиру немного времени, чтобы закрепить нужные мне эмоции и резко сменил тон:

— А потом твой клан принялись методично уничтожать! Ты метался сначала в попытках дать отпор, а потом — спасая то, что еще можно было спасти... — глаз Волюнда зло прищурились, лоб у переносицы прорезала глубокая вертикальная морщина, а губы

сжались в болезненной гримасе.

Отслеживая его мимику, я чуть ли не наяву видел отражение тех событий и да — глубоко сочувствовал его горю и отчаянию, но все же продолжал говорить:

— Потом тебя пленили и приковали к саркофагу! Они пытали тебя, чтобы склонить к сотрудничеству, но пытки тебя не сломили...

— Да-а-а... — вдруг выдохнул фон Тирд, так внезапно прерывая мой монолог, что я аж вздрогнул от неожиданности, — я не сломался, просто моя смерть оказалась бы концом для клана... Долг...

— Я помню, — успокоил я вампира, — в укромной щели ожидали возможности вылупиться десятки юных вампиров! Это была реальная возможность возродить клан и ты уступил...

— Да-а-а... — на этот раз голос фон Тирда звучал с нотками горечи, — но все переменялось, когда они озвучили детали соглашения...

— Ты опять взбунтовался?

— Мне потребовался месяц, чтобы уговорить себя вспомнить собственные аргументы!

— Вот! — я аж в ладоши прихлопнул от охватившего меня торжества и... откровенного облегчения: мое предположение оказалось верным, а остальное — это уже детали!

Что это меняло? А все! Глава клана, его сиятельство Волюнд фон Тирд не «какую-то человечку» полюбил, а такую же «сиятельную» княжну, почти ровню себе, ну-у... если отбросить расовые предрассудки. А вот пото-о-ом, по причинам ни от него, ни от княжны не зависящим, злая воля его врагов превратило девушку в низшего вампира! Значит что?! В его чувствах нет ничего унижительного. А ведь унижение — это как раз то, что может убить абсолютно любое чувство! И, подводя итог (просто вишенка на торте!), вывод из вышесказанного: отказаться от своей любви — это дать врагу победить! Фиг с ним, что они уже благополучно откинули коньки, но ведь для нынешнего времени очень важно не дать врагу умереть победителем. Вот мы и не дадим. Фон Тирд женится на княжне, возродит клан и будет счастлив вопреки всему, показав своим врагам грандиозную фигу! А что? Фига врагам, пусть и умершим — весьма немаловажная деталь любого мировоззрения, господа.

Спустя трое суток...

— Скорее, скорее, — торопил я фон Тирда и Лилли, торопясь уйти по подземелью как можно дальше, поскольку даже приблизительно не представлял, сколько нужно взрывчатки, чтобы обвалить подземный ход безопасно и возможно ли это в принципе!

Опыта в саперной деятельности я не имел от слова «вообще», а теория в таком деле вещь весьма ненадежная! Так что в данном случае я руководствовался ни чем иным, как пресловутым методом «научного тыка», ну и остатками здравого смысла! Шутка, конечно, но очень близкая к правде. Опасно близкая, я бы сказал. Ну, а что мне еще оставалось?! Вызвав для «отчита» княжны Благоверного отца Февадия, ее папаша просто не оставил нам выбора!

Начиная с того, что «отчита» Лилли просто не желала и заканчивая тем, что в этом случае, будущего с фон Тирдом у них не было от слова «вообще»! Ну какое будущее может быть у бессмертного вампира и фактически «однодневки»?! И это после того, как к всеобщей радости, целой чередой вампирских ритуалов с не хилым таким вливанием в них моей силы, ауру княжны от всего лишнего нам с Волюндом удалось почистить, а значит и ее статус значительно поднять?! Такие усилия и на ветер?! А чуть позже (к моему и, подозреваю, что и его, огромному облегчению), ко всему прочему, вампиру-таки удалось выяснить, что его чувства взаимны! Уфффф! Какое счастье!

После того, как фон Тирду все же удалось убедить меня, что повторное обращение может иметь непредсказуемые осложнения для Лилли, хоть и не без огромного сожаления, но эту идею я оставил. Почему сожаление было таким большим? Просто предыдущий план на мой взгляд выглядел идеально! Посудите сами: отец Февадий возвращает княжне ее человеческую сущность, тем самым, без риска и какого-либо нашего участия, снимая и всяческие привязки на подчинение, а потом Волюнд потихонечку опять обращает ее в вампиршу и вуаля — желание княжны выполнено, ее статус в иерархии вампиров подрос, а значит я со спокойной душой могу покинуть замок в котором откровенно засиделся!

Однако потом «случилось» прозрение фон Тирда (ну и мое заодно), которое само по себе нанесло просто смертельный удар моему плану. О чем я? Ну, как же? Даже если бы все-таки удалось по-тихому аннулировать отчит, то дальше-то что? Ни о чем не подозревающий князь-отец пожелал бы выдать подросшую дочь замуж! И-и..? Ну отказала бы княжна раз, ну два, а потом терпение папы лопнуло и пошла бы Лилли замуж, как миленькая! И ничего страшного, к слову: потихоньку посасывала бы кровушку у кого-нибудь из ближней челяди, тренируясь на них, а заодно и на муже, вампирскому гипнозу.

Но это не будь у Волюнда «чувств»! А раз сослагательное наклонение в данном случае не уместно, то возвращаемся к нашим баранам: выход один — побег! Замечательно! А куда бежать-то?! Даже если бы у главы клана не было на руках целого выводка вампирчиков, нуждающихся в определенных условиях для своего роста и развития, взрослым вампирам тоже важны условия существования! А где их взять? Клан фон Тирда веками существовал в катакомбах под замком князей Нугварских, нахально прихватив у них даже часть заброшенных подвалов! Думаете, что подобных мест в стране навалом и они еще не заняты другими кланами?!

Во-о-от! Отсюда вывод: место обитания следует сохранить, но раз княжна переходит в

категорию «беглой» или «похищенной», то возможность преследования следует пресечь и по-возможности — кардинально! Можете назвать способ, кроме предложенного мной? Лично у меня ни на что другое фантазии не хватило, при том что и времени на придумывание оказалось катастрофически мало, поскольку Благоверный отец Февадий вел праведную жизнь полную ограничений и поэтому в длительной подготовке к обряду не нуждался!

Впрочем, то ли сработала поговорка, что «новичкам везет», то ли мое везение имело более глубокие корни, но сработал я ювелирно, обрушив потолок в самом узком и неудобном для подземных работ участке прохода в катакомбы. Длина обрушений составила метров пятьдесят, что надеюсь, гарантирует Волюнду изоляцию его владений на несколько ближайших столетий. Ну-у, до момента изобретения техники для прокладки тоннелей — точно!

Сам я, напоследок подпитав своей магией малюток-вампиричков, благополучно выбрался из катакомб через один из многочисленных проходов, так тщательно замаскированного, что даже зная о его точном местоположении, я не смог обнаружить признаков лаза, едва ход закрылся у меня за спиной.

Поскольку накануне я вроде как покинул замок для конной прогулки, то с возвращением проблем не было, хотя замок и стоял буквально на ушах от недавно прогремевшего взрыва, встряхнувшего его как землетрясением.

— Взрыв в подвале..?! Ни чего себе?! А я-то думал, что это гром так гроыхнул! Еще и удивился, с чего это все стражники так всполошились?! — привычно изобразив туповатую физиономию, посетовал я на собственную недогадливость в ответ на расспросы встревоженного сэра Бриона, встреченного перед входом в мои покои. — Там где я рос нередко «сухие грозы», но они ведь не опаснее обычных!

И поспешил уйти к себе, чтобы избавиться от необходимости дальнейшего лицедейства, тем более что совсем мне его избежать не удастся, как только выяснится, что юной княжны и след простыл!

Правда со счастливой супружеской парой мне довелось повидаться еще разок, когда утихла паника, вызванная бегством княжны. Отдать должное князю, но бушевал и гонял слуг он не долго. По моему совету Лилли оставила отцу письмо, в котором написала чистую правду, умолчав, правда, практически обо всем, что касалось Волюнда. Более того, в ее версии фон Тирда, как ее супруга, вообще не существовало, но зато про подлость своего духовника княжна написала с большим чувством и в деталях! Завершалось письмо, как мне кажется, обращением даже не к отцовским чувствам князя, а скорее к гордости Нугварских:

«Отец, я больше не хочу быть игрушкой кого бы то ни было! Почувствовав силу вампиров, а главное — их свободу, я не хочу возвращаться к участи слабой и зависимой человеческой женщины. Умоляю понять и простить меня! Я уйду не потому, что не люблю тебя, а потому, что та жизнь, которой мне не удастся избежать под твоим кровом, вызывает во мне ужас и отвращение. Я познала силу, отец, и не откажусь от нее пока жива!»

Вот такое вот «сочинение на тему»!

А в ночь перед моим отъездом, когда я смог наконец-то покинуть этот гостеприимный, но изрядно мне осточертевший, кров и случилась наша последняя, прощальная встреча, преподнесшая мне совсем уж неожиданный сюрприз...

Внезапно, среди ночи, в самую ее глухую пору, даже сквозь сон я почувствовал чей-то взгляд на своей спине, между лопатками и, ухватив Аль Каюн, стремительно развернулся, на всякий случай еще и откатываясь с линии возможного удара. Однако тревога оказалась ложной.

— Черт! Волюнд! Княжна! Нельзя было заявиться каким-нибудь более традиционным способом!? — не смог я сдержать эмоций, глядя на эту парочку, теперь совместно оседлавшую мой подоконник и улыбаясь, салютующую мне приветственным жестом, не без удовольствия глядя на злого спросонья и изрядно встрепанного меня.

— Ну же, ну, — нетерпеливо толкала Лилли супруга локтем в бок, — скажи ему!

— Что «сказать»? — я перевел взгляд с одной на другого и обратно.

Фон Тирд почти моим жестом, энергично взлохматил шевелюру, но если мои волосы остались бы торчать вихрами, то его, почти мгновенно опять улеглись в безупречную прическу (аж завидно!). Потом он звучно щелкнул пальцами и скорчив неопределенную гримасу: по всему было видно, что он готовится что-то сказать, но просто не знает, как лучше начать.

— Хватит маяться, начни с сути, — понаблюдав эту пантомиму еще пару секунд, прервал я его мучения.

Вампир удивленно вскинул брови:

— Обычно советуют начать сначала...

— Угу. Но что-то мне подсказывает, что тогда тебе понадобится на рассказ лет десять, как минимум.

Вампир довольно заржав, погрозил мне пальцем:

— А ведь угадал! Как это у тебя выходит?!

— Интуиция-с! Ну, что у тебя там? Давай рассказывай, хватит трепаться.

Рассказ действительно занял много времени и я даже боюсь предположить, сколько бы его ушло, начни Волюнд сначала...

— Понимаешь?! — возбужденно сверкая глазами, Лилли поспешила вставить в рассказ мужа свои «пять копеек», — по всему получается, что эта «Третья Сила», как раз ты и есть! — с завидной уверенностью заявила вампирша, едва Волюнд закончил свой рассказ.

— Угу. Особенно та часть подходит, где «он человек и не человек»! Вот прямо вылитый я! — сделав «страшные глаза» я усмехнулся и перевел взгляд на фон Тирда, — ты тоже так думаешь?

— Ну-у... похоже ведь? А что касается формулировок, так это же пророчество, а в них всегда зауми полно и они зачастую больше похожи на бред сумасшедшего, — поддержал жену Волюнд, а Лилли согласно покивав, тут же уютно уложила головку ему на плечо.

Я посмотрел в окно поверх их голов: рассвет набирал силу и было здорово, что вампирам не надо исчезать, как их собратьям из поверий моего мира. А если говорить честно, то в рассказе Волюнда многое совпадало с тем, что я либо уже слышал, либо с тем, что чувствовал где-то на уровне инстинктов. Вот например слова Мерхаба в первый день в этом мире?

Стоило затронуть это воспоминание, как в то же мгновение джинн будто живой встал у меня перед глазами и как тогда, поигрывая золотой зубочисткой, сказал со вздохом:

— Ты ведь теперь, мой дорогой, живой артефакт — сиречь... как там у вас в археологии? «Искусственно созданный объект, обнаруженный в результате единичного, а

иногда и случайного события»? Будто под тебя это определение писано! Именно, что «искусственно созданный» и точно — «в результате случайного» и абсолютно «единичного» события! Единственный в мире человек, который полностью властен над собственной судьбой. Нет для тебя ни правил, ни ограничений... Ты способен получить все, что захочешь и построить свою жизнь как пожелаешь...

Так что если прикинуть, то и заумь типа «он человек и не человек», сюда вполне могла бы вписаться. Какой-же ты человек, если над тобой не властны законы, распоряжающиеся всем прочим человечеством? Вот только было как-то стремно и неуютно думать о себе как о некоем «сверхсуществе», о котором у местных вампиров даже пророчество имеется!

Кстати, а с чего оно у вампиров-то? Если разобраться, то об этой расе в пророчестве вообще практически не говорится, разве что некое напутствие, что ли, что если кому-то из них «выпадет честь» служить «Третьей Силе», то следует отнестись к этой миссии со всем старанием.

Собственно Волюнда вполне можно понять, да и его супругу тоже: одно дело состоять в вассалах у человека, пусть и сильного колдуна, а совсем другое — «служить Третьей Силе»! Просто бальзам на раненное самолюбие. А Лилли, как разумная женщина, тут же поспешила подтвердить эту версию, поскольку теперь от душевного комфорта мужа, напрямую зависит и ее собственный комфорт. Ох, уж эти женщины, имя им Лукавство!

Так что ладно, разубеждать фон Тирда я не стану, ну а верить..? Собственно верю или нет, а что это меняет? Просто следует иметь в виду, что возможно на мне намного больше ответственности, чем я думал изначально? И мое попадание в этот мир совсем не случайно? Впрочем, если и так, то похоже, что об этом не догадывался и сам джинн!

КОНЕЦ 1-ой книги

Больше книг на сайте - Knigoed.net